947.08
M624

4 624

На дом не выдается

„ВОПРОСЫ ТЕОРІИ И ПРАКТИКИ".

К. НИКИТИНЪ и И. СТЕПАНОВЪ.

947 08
4624

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

947 08
624

МОСКВА. — 1907.

ОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

86	20 28/6 46			

Утвержд. 1-й Образцовой тип. Москва

п 34 г.

Изъ книгъ не выдается

ЭК

К. НИКИТИНЪ и И. СТЕПАНОВЪ.

568816

947.08
4624

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Московская Центральная
Публичная Библиотека

МОСКВА.—1907.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій пер., д. № 5.
1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Свобода печати“ въ настоящее время обезпечена такимъ способомъ, что только истино-русская и либеральная пресса имѣетъ возможность систематически, изо дня въ день освѣщать съ своей точки зрѣнія дѣятельность Государственной Думы. Пользуясь монопольнымъ положеніемъ, она ежедневно въ сотняхъ тысячъ газетныхъ листовъ „обрабатываетъ“ обывателя, замалчивая объ одномъ, прикрашивая другое, все претворяя въ своемъ черносотенномъ и буржуазномъ мышленіи.

Газеты рабочаго класса не успѣваютъ стать на ноги, захватить сколько-нибудь широкій кругъ читателей, упорядочить организацію распространенія, какъ уже гибнутъ жертвой свободы печати.

При такихъ обстоятельствахъ намъ кажутся цѣлесообразными сборники, которые время отъ времени освѣщали бы дѣятельность Государственной Думы съ той точки зрѣнія, которая не можетъ найти постояннаго выраженія въ періодической печати. Впрочемъ, они не утратили бы извѣстнаго значенія и при существованіи пролетарскихъ газетъ. Думская газетная хроника подавляетъ массою матеріала,—наемное же рабство оставляетъ рабочему лишь ничтожный досугъ. Газетные отчеты, составляясь подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ засѣданій, по необходимости страдаютъ отсутствіемъ перспективы, которая позволила бы отдѣлять мате-

ріалъ, имѣющій длительное значеніе, отъ преходящихъ злобъ дня. Въ этомъ отношеніи форма сборника обладаетъ несомнѣнными преимуществами передъ газетой.

Но сборникъ, особенно его первый выпускъ, не могъ ограничиться простымъ повѣствованіемъ о занятіяхъ Думы. Его задачи въ значительной мѣрѣ—критическія. Рядъ статей представляетъ опытъ матеріалистической критики политическихъ партій, представленныхъ въ Государственной Думѣ. Только такая критика и даетъ возможность уразумѣть подоплеку политической борьбы, разыгрывающейся на поверхности нашей общественной жизни. Она—необходимая основа повѣствованія.

Критика и самокритика—неизмѣнное оружіе пролетаріата. И думская с.-д. фракція, въ противоположность всѣмъ буржуазныхъ партіямъ, даже въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ не оставляетъ этого оружія. Въ то время, какъ представители другихъ партій конфузливо молчатъ, когда ихъ единомышленникъ сдѣлаетъ неправильный шагъ, или стараются затушевать его жалкими, фальшивыми истолкованіями, представители пролетаріата уже не разъ открыто и прямо вносили поправки къ заявленіямъ своихъ товарищей въ Государственной Думѣ.

Депутаты рабочаго класса могутъ представить себѣ роскошь самокритики. Она только сплачиваетъ и укрѣпляетъ ихъ, позволяетъ раскрыть то общее, что объединяетъ ихъ несмотря на оттѣнки воззрѣній.

Сравните средняго соціалиста-революціонера и соціалъ-демократа въ Государственной Думѣ. Первый для обоснованія своихъ революціонныхъ стремленій обращается къ моральному чувству, къ авторитетамъ Льва Толстого и Маркса, къ „ученымъ экономистамъ“ и некритически воспринятымъ воззрѣніямъ ремесленнаго крестьянина, къ творческой, надъисторической силѣ интелигенціи и къ реальной силѣ рабочаго класса, къ идеѣ государства и права и къ своей душевной истерзанности.

У соціалистовъ-революціонеровъ нѣтъ метода, который отдѣлялъ бы ихъ отъ остальныхъ буржуазныхъ партій, какъ и у всѣхъ партій, стоящихъ правѣе со-

ціалъ-демократовъ, нѣтъ м е т о д а, который единилъ бы ихъ представителей. Самокритика невозможна, потому что при своемъ углубленіи она разрушила бы партію.

Въ иномъ положеніи представители пролетаріата. Ихъ методъ: раскрыть силы революціи въ матеріальныхъ условіяхъ бытія. Революціонныя стремленія пролетаріата получаютъ опору въ направленіи развитія условій матеріальнаго бытія.

Различіе оттѣнковъ въ с.-д. воззрѣніяхъ вытекаетъ въ конечномъ счетѣ изъ стремленія приложить одинъ и тотъ же методъ къ истолкованію дѣйствительности. Постоянная критика и самокритика становится неохо-димымъ условіемъ существованія соціалъ-демократической партіи.

Составители сборника не могли уклониться отъ критики, которая по нашимъ условіямъ неизбѣжно принимаетъ характеръ критики п р е м у щ е с т в е н н о того или другого изъ двухъ основныхъ теченій въ р. с.-д. р. п. Но читатели, полагаю, не разъ убѣдятся, что здѣсь не было стремленія во что бы то ни стало придерживаться опредѣленныхъ фракціонныхъ воззрѣній или замалчивать расхожденіе съ ними. Въ качествѣ одного изъ примѣровъ можно сослаться на оцѣнку октябризма, которая расходится съ проектомъ большевистской резолюціи къ съѣзду; другимъ примѣромъ можетъ служить характеристика соціальнаго состава к.-д. партіи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ изъ различія теоретическихъ воззрѣній вытекаютъ болѣе или менѣе существенныя различія въ области тактики.

Факты, изложенные въ сборникѣ, убѣдятъ читателей, что критика въ с.-д. партіи—въ высшей степени плодотворное дѣло. При истинно-пролетарскомъ стремленіи научно обосновать свою дѣятельность, соціалъ-демократія обнаруживаетъ непонятный для буржуазнаго міра интересъ къ теоретической постановкѣ вопросовъ и своей теоріей освѣщаетъ путь практикѣ, своей практикой вноситъ поправки въ теорію.

Самокритика уже принесла свои результаты. Думская с.-д. фракція въ настоящее время не та, какой она была при открытіи Думы. Два документа, печатаемые въ приложеніи: с.-д. декларація 6-го марта и бюджетная рѣчь Алексинскаго, показываютъ, какой большой путь уже совершила с.-д. фракція въ направленіи отъ демократической неопредѣленности къ пролетарской самостоятельности.

Теоретическому выясненію необходимости дальнѣйшихъ шаговъ на этомъ пути посвящена значительная часть настоящаго сборника.

Главы I (Выборы и составъ Г. Д.), V (Продовольственный вопросъ въ Г. Д.) и VII (Вопросъ о безработицѣ) этого выпуска составлены К. Никитинымъ, остальныя—И. Степановымъ.

И. С.

15 апрѣля 1907 года.

I. Выборы и составъ Думы.

Правительство разогнало первую Государственную Думу, когда она поставила на обсужденіе вопросъ о принудительномъ отчужденіи помѣщичьихъ земель.

Послѣ разгона Думы внѣшне казалось, что старый порядокъ торжествуетъ по всей линіи. Одно было непріятно для правительства: иностранные банкиры не хотѣли давать денегъ подъ военно-полевые суды и настаивали на томъ, чтобы новый заемъ былъ сдѣланъ съ согласія народныхъ представителей. Правительство волей-неволей рѣшило созвать вторую Думу, такъ какъ для него ясно было, что безъ денегъ старый порядокъ охранять невозможно: голодные солдаты, казаки и стражники несомнѣнно откажутся отъ усмиренія голодающихъ крестьянъ и рабочихъ.

Но, созывая вторую Думу, правительство употребило величайшія усилія для того, чтобы создать послушную, смирную и „работоспособную Думу“, т.-е. такую Думу, которая одобрила бы военно-полевую политику министерства и утвердила бы новые налоги и займы на войну съ народомъ.

По мысли октябристовъ, министерство Столыпина осуществленіе своей мечты о покорной Думѣ начало съ того, что измѣнило избирательное право. Покорный волѣ Столыпина, сенатъ, путемъ „разъясненій“ избирательнаго закона 11-го декабря 1905 г., устранилъ отъ выборовъ всѣхъ неимѣющихъ осѣдлости интеллигентныхъ крестьянъ, рабочихъ-квартирантовъ, желѣзно-дорожный пролетаріатъ и т. д. Даже дворники и швейцары, не

оправдавшіе ожиданій правительства при выборахъ въ первую Думу, были лишены сенатомъ избирательныхъ правъ.

Самая избирательная кампанія проходила при наличности военныхъ положеній, чрезвычайныхъ и усиленныхъ охранъ. Россія, раздѣленная на множество независимыхъ державъ, управлялась произволомъ военныхъ и гражданскихъ генералъ-губернаторовъ. При такомъ упрощенномъ управленіи, власти не церемонились даже съ тѣми избирателями, за которыми сенатъ оставилъ избирательныя права. Уѣздныя и губернскія комиссіи по выборамъ въ Думу, по приказу администраціи, устранили отъ выборовъ всѣхъ, кто казался начальству неблагонадежнымъ. Работы комиссій дополнялись сенатомъ. Дѣятельность неугодныхъ правительству партій была стѣснена до того, что на предвыборныхъ собраніяхъ порой нельзя было говорить даже о программѣ каждой партіи. Представителей же революціонныхъ партій администрація просто-на-просто хватала, сажала въ тюрьмы и высылала или предавала суду. Мѣстами кандидаты въ выборщики должны были скрывать свою партійную принадлежность, а партійныя организаціи держали втайнѣ свои списки выборщиковъ чуть ли не до дня окончательныхъ выборовъ.

Зато правительственныя партіи — союзъ русскаго народа и союзъ 17-го октября — пользовались самой широкой поддержкой администраціи. Онѣ имѣли полную свободу агитаціи и только онѣ располагали избирательными бюллетенями въ неограниченномъ количествѣ.

Однимъ словомъ — правительство, кажется, сдѣлало все, чтобы обезпечить себѣ на выборахъ побѣду. Но всѣ его усилія не привели къ желанной цѣли.

Рабочіе, за ничтожными исключеніями, по всей Россіи отдали свои голоса соціалъ-демократической партіи. Крестьяне въ огромномъ большинствѣ случаевъ голосовали за лѣвыхъ, независимо отъ партійной принадлежности послѣднихъ. Горожане мелкихъ городовъ чаще всего давали лѣвыхъ выборщиковъ, въ среднихъ горо-

дахъ всюду борьба шла главнымъ образомъ между кадетами и лѣвыми, столицы послали въ Думу кадетовъ. И только помѣщики по всей Россіи неизмѣнно проводили въ выборщики кандидатовъ отъ черносотенныхъ партій.

Выборы во вторую Думу даже на основѣ существующаго избирательнаго закона, по которому крестьяне имѣютъ въ 15 разъ, а рабочіе въ 45 разъ менѣе правъ, чѣмъ землевладѣльцы, показали, что страна не успокоилась, что она по прежнему ненавидитъ старый порядокъ и стремится къ его уничтоженію, за правительство же стоитъ сравнительно ничтожная часть населенія страны.

Правда — нелѣпѣйшій избирательный законъ сдѣлалъ свое дѣло. Рабочіе и крестьяне не могли обезпечить себѣ большинства во второй Думѣ. Дѣло въ томъ, что въ цѣломъ рядѣ губерній и городовъ съ самостоятельнымъ представительствомъ крестьяне и рабочіе имѣютъ такое ничтожное количество выборщиковъ отъ своихъ курій, что на побѣду здѣсь они ни въ какомъ случаѣ разсчитывать не могутъ. Такъ—на выборахъ текущаго года въ Москвѣ отъ 75000 рабочихъ были избраны въ выборщики только соціалъ-демократы — 19 чел. Тѣмъ не менѣе соціалъ-демократія не могла послать въ Думу ни одного своего представителя, такъ какъ рабочіе по закону въ общее собраніе выборщиковъ г. Москвы (179 чел.) выбираютъ только 19 чел. Кадеты же, собравшіе въ городской куріи всего лишь 21000 голосовъ, захватили въ Москвѣ всѣ четыре депутатскихъ мѣста при помощи своихъ 160 выборщиковъ. Такимъ образомъ — въ Москвѣ у 21000 кадетскихъ избирателей (160 выб.) избирательныхъ правъ оказалось больше въ 8 разъ, чѣмъ у 75000 рабочихъ (19 выб.)

Въ конечномъ результатѣ, при такомъ неравенствѣ избирательныхъ правъ у рабочихъ и буржуазіи, получилось то, что промышленные города, гдѣ особенно сильна соціалъ-демократія, совсѣмъ остались безъ представительства отъ пролетаріата. И надо удивляться

тому, что рабочая партія все-таки сумѣла провести въ Думу болѣе 60 своихъ кандидатовъ.

Крестьянство, въ союзѣ съ выборщиками отъ рабочихъ и отъ городской демократіи и частью самостоятельно, дало Думѣ болѣе 200 лѣвыхъ депутатовъ (трудовики, крестьянскій союзъ, народные соціалисты, соціалисты-революціонеры и соціалъ-демократы).

Либеральная буржазія (кадеты) во вторую Думу сумѣли провести только 91 депутата, почти на 100 депутатовъ менѣе, чѣмъ въ первую Думу.

Польское коло во второй Думѣ насчитываетъ 47 чел., среди которыхъ большинство національ-демократы, остальные—отъ партіи реальной политики и польской прогрессивной партіи. Побѣда крупной буржазіи въ Польшѣ объясняется тѣмъ, что польская соціалистическая партія — самая сильная изъ революціонныхъ партій въ Польшѣ—по прежнему не могла принять участія въ выборахъ.

Черносотенцы (октябристы и союзъ русскаго народа) послали во вторую Думу болѣе 50 чел.

Но можно съ увѣренностью сказать, что и при настоящемъ безобразномъ избирательномъ законѣ черносотенцы не провели бы въ Думу ни одной души, если бы администрація во время выборовъ не творила самыхъ грубыхъ насилій.

Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что черносотенцы Полтавской, Тульской, Новгородской и др. губерній прошли только потому, что наканунѣ выборовъ членовъ Думы сенатъ устранилъ отъ выборовъ лѣвыхъ выборщиковъ и этимъ обезпечилъ побѣду черной сотнѣ. Въ противномъ случаѣ „истинно-русскіе“ люди всюду потерпѣли бы жестокое пораженіе.

Въ болѣе или менѣе приблизительныхъ цыфрахъ составъ второй Думы къ 29-му марта представляется въ слѣдующемъ видѣ:

черносотцевъ (с. р. н.)	22
октябристовъ и умеренныхъ	32
кадетовъ	91

партіи демокр. реформъ 1
безпартійныхъ. 50
казаковъ 17
коло. 47
мусульманъ. 30
трудовиковъ и крестьянск. союза . . . 100
народныхъ соціалистовъ. 14
соціалистовъ-революціонеровъ. 34
соціалъ-демократовъ. 64

Въ составѣ второй думы наиболѣе революціонной и послѣдовательной въ борьбѣ со старымъ порядкомъ является фракція Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

Народническія группы занимаютъ промежуточное положеніе между соціалъ-демократіей и кадетами. Благодаря лишенію избирательныхъ правъ интеллигентной части крестьянства, крестьяне не могли послать въ думу наиболѣе яркихъ своихъ представителей. Въ своихъ голосованіяхъ въ думѣ народническія группы то идутъ за кадетами, то пытаются найти какія-то среднія линіи, которыя давали бы возможность примиренія революціонной программы съ тактикой уступокъ старому порядку. Это болѣе всего приложимо къ трудовикамъ.

Казаки и мусульмане за первый мѣсяцъ существованія думы серьезно ничѣмъ не успѣли себя заявить. Повидимому, они займутъ среднее мѣсто между народническими группами и кадетами.

Кадеты во второй думѣ откровеннѣе, чѣмъ въ первой, стараются поладить съ правительствомъ. Это видно изъ ихъ выступленій по вопросамъ о голодѣ, безработицѣ и бюджету. Объ отвѣтственномъ передъ думой министерствѣ теперь ужъ они ни слова не говорятъ.

Польское „коло“ въ большинствѣ случаевъ идетъ за кадетами.

Правые депутаты—октябристы и чистые черносотенцы—во второй думѣ будутъ неизмѣнно вести линію „прави-

тельственной фракціи", защищая старый порядокъ во всей его неприкосновенности.

О безпартійныхъ говорить не приходится: они занимаютъ среднее мѣсто между кадетами и правыми и свои голоса они будутъ отдавать частью кадетамъ и октябристамъ, частью крайнимъ правымъ—черносотенцамъ.

Если дума уцѣлѣетъ на долгое время, то всего вѣроятнѣе, что въ ней составится центръ — большинство думы—изъ кадетовъ, значительной части народническихъ группъ, безпартійныхъ, поляковъ и октябристовъ. Тонъ центру всегда будутъ задавать кадеты. Уже первыя голосованія показали, что въ соціально-экономическихъ вопросахъ центръ будетъ охватывать собою все, что правѣе кадетовъ,—вплоть до погромщиковъ изъ союза русскаго народа—гг. Крушевана, Пуришкевича, Евлогія, Платона и К°.

Болѣе подробно характеризовать политическія партіи въ думѣ нѣтъ надобности, такъ какъ всѣ послѣдующія статьи этого сборника какъ разъ и посвящены, главнымъ образомъ, разбору и оцѣнкѣ дѣятельности партіи въ думѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о составѣ президіума второй думы.

Дѣло въ томъ, что революціонныя партіи смотрятъ на безсильную и безвластную думу не какъ на законодательное собраніе, а какъ на центръ, организующій революцію, какъ на революціонную кафедру, съ которой на весь міръ можно открыто сказать свободное и правдивое слово. Въ виду этого выборъ предсѣдателя для лѣвыхъ имѣлъ важное значеніе. Дѣло въ томъ, что предсѣдатель думы обладаетъ безаппеляціонной властью лишать слова думскихъ ораторовъ. Слѣдовательно, для всякой революціонной партіи необходимо имѣть предсѣдателемъ думы такое лицо, которое не ставило бы препятствій, когда лѣвые будутъ развертывать свою программу или тактику.

По тактическимъ соображеніямъ крайнія лѣвыя партіи

во второй думѣ отказались выставить своего кандидата въ предсѣдатели думы.

Выборъ большинства думы палъ на кадета г. Головина — бывшаго предсѣдателя московской губернской земской управы.

Остальныя мѣста въ президіумѣ большинство думы распредѣлило слѣдующимъ образомъ: секретарь думы — кадетъ г. Челноковъ, товарищи предсѣдателя — трудовикъ г. Березинъ и внѣпартійный лѣвый г. Познанскій, пять товарищей секретаря—г. Успенскій (с.-р.), г. Харламовъ (труд.), Салтыковъ (с.-д.), г. Карташевъ (труд.) и г. Максудовъ (мусульманинъ).

Такимъ образомъ весь президіумъ составленъ изъ представителей оппозиціи. Правые въ немъ не получили ни одного мѣста, хотя многіе изъ кадетовъ очень стремились провести въ президіумъ представителей черной сотни. Но это стремленіе имъ осуществить не удалось, такъ какъ лѣвые рѣшительно воспротивились присутствію въ президіумѣ „ставленниковъ Столыпина.“

II. Первыя засѣданія Государственной Думы и декларація г. Столыпина.

20 го февраля открылись засѣданія второй Государственной Думы. Не успѣла она закончить необходимыя предварительныя работы, какъ г. Столыпинъ уже заявилъ: иду на васъ! Завтра же разскажу, какія блага даровало и еще намѣрено даровать начальство народу!

Но ему пришлось поберечь свою боевую готовность. Первые дни Государственной Думы были заняты утомительной, но неизбѣжной процедурой выборовъ предсѣдателей, секретарей и т. д. Потомъ нѣсколько дней ушло на предварительную провѣрку въ комиссіяхъ правильности избранія депутатовъ. Только 2-го марта г. Столыпинъ получилъ извѣщеніе, что Дума ждетъ отъ него

открытія боевыхъ дѣйствій. Но здѣсь рушился потолокъ Таврическаго дворца, въ которомъ засѣдаетъ Государственная Дума.

Много разврата, грязи, крови и лжи прошло мимо этого дворца за его долгую жизнь. Достаточно сказать, что онъ былъ построенъ Екатериной, которая много толковала о счастьѣ народа,—и раздавала десятки и сотни тысячъ „людей“ своимъ жаднымъ любимцамъ, превратила помѣщиковъ въ безграничныхъ владыкъ надъ жизнью и смертью забитыхъ, замученныхъ. скрученныхъ желѣзной рукою крестьянъ. Достаточно сказать, что Таврическій дворецъ былъ подаренъ тому князю Потемкину, который устроилъ для Екатерины днѣпровскую увеселительную поѣздку. Несчастныхъ крестьянъ палкой сгоняли къ Днѣпру, заставляли строить по берегамъ счастливыя деревни: избы изъ тесу, картона и драни, готовыя развалиться отъ хорошаго порыва вѣтра, но зато размалеванныя, разукрашенныя. А потомъ согнали къ Днѣпру окрестное населеніе и заставили пѣть веселыя пѣсни и водить веселые хороводы. Изъ-за домовъ же истинно русскій кнутъ надсмотрщика угрожалъ тѣмъ, у кого въ голосѣ не было достаточно счастливыхъ нотъ.

Екатерина со своимъ Потемкинымъ и гостями изъ Западной Европы, для которыхъ въ значительной мѣрѣ и устраивалась эта комедія, плыла по Днѣпру на роскошныхъ судахъ. Всѣ они знали, что эти счастливые крестьяне, эти сіяющія счастьемъ деревни, — что все это ложь. Но они ѣхали и говорили о томъ, какъ славно царствованіе Екатерины Великой, какъ облагодѣтельствованы ею крестьяне, какъ счастливъ народъ. По возвращеніи изъ поѣздки—нескончаемые балы и новые разговоры о счастьѣ народа.

И все это и многое другое видѣлъ и вынесъ Таврическій дворецъ. Но не вынесъ онъ, когда г. Столыпинъ захотѣлъ повторить Потемкинскую правду о дѣйствіяхъ правительства и о жизни народа. Потолокъ рухнулъ за пять часовъ до того засѣданія, на которомъ г. Столы-

пинъ долженъ былъ повѣдать о томъ, какъ начальство печется о благѣ народа.

Насколько удалось выяснить дѣло до настоящаго времени, причина обвала потолка—истинно-русская: бездарность начальства и хищничество. Между прочимъ, депутатскія конторки считались дубовыми и за нихъ, какъ за дубовыя, было заплачено 84 тысячи рублей. Потолокъ разбилъ ихъ и безцеремонно открылъ, что онѣ сдѣланы изъ осины и покрыты лишь тонкой дубовой фанерой; красная цѣна за нихъ—16 тысячъ рублей. То же, надо полагать, было и со всѣми работами для приспособленія дворца къ занятіемъ Думы, на что было убухано больше милліона рублей, выколоченныхъ изъ народа.

Словомъ, совершенно такъ же, какъ въ екатерининскія времена. Тогда—картонъ, размалеванный подъ деревни, и крѣпостные крестьяне, поддѣланные подъ свободныхъ людей. Теперь — осина, разукрашенная подъ дубъ. И, слѣдуетъ думать, именно это имѣлъ въ виду г. Столыпинъ, когда онъ черезъ четыре дня сказалъ въ концѣ своего заявленія: „Правительство сознаетъ свой долгъ хранить историческіе завѣты Россія“. Разоблаченныя конторки депутатовъ неопровержимо свидѣтельствовала о полной правдивости этихъ столыпинскихъ словъ. Да, правительство хранитъ историческіе завѣты.

Засѣданіе Думы все же состоялось въ одномъ помѣщеніи Таврическаго дворца, совершенно неприспособленномъ для засѣданій. Г. Столыпинъ тоже пожаловалъ въ засѣданіе,—и однимъ своимъ появленіемъ заронилъ тревогу въ кадетскія сердца, — робкія, мягкія, дамскія. По крайней мѣрѣ, въ слѣдующіе дни кадетскія газеты много говорили о томъ, какъ г. Столыпинъ былъ „спокоенъ“, какъ онъ шелъ „съ гордо поднятой головой“, какой онъ „видный, крупный мужчина“. Можно представить, какое впечатлѣніе произвелъ бы на кадетскихъ дамъ обоего пола знаменитый палачъ Сеинъ, — по слухамъ, тоже „спокойный“, „видный, крупный мужчина“.

Г. Столыпинъ ни словомъ не выразилъ удовольствія по тому поводу, что депутаты такъ счастливо избави-

лись отъ смертельной опасности. Зато кадеты выразили въ своихъ газетахъ неудовольствіе г. Столыпину. Какъ, начальство, выражающее неудержимую радость въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-нибудь начальникъ выйдетъ невредимымъ послѣ покушенія, произведеннаго съ негодными средствами (напр., съ оловяннымъ ножичкомъ) или подозрительно смахивающаго на самопокушеніе, — это начальство молчитъ, когда отъ смерти избавились народные представители!

Трудно понять неудовольствіе кадетскихъ газетъ. Ясность, искренность—прежде всего. А искренности было больше 2-го марта, когда г. Столыпинъ молчалъ, чѣмъ 6 го марта, когда онъ говорилъ въ Государственной Думѣ.

Искренности было больше въ іюлѣ прошлаго года, когда начальство разогнала первую Думу, чѣмъ въ февралѣ текущаго года, когда пришлось примириться съ открытіемъ засѣданій второй Думы.

Кадетскій духъ вѣялъ надъ собраніемъ 2-го марта. Кадетъ г. Долженковъ нашелъ было надлежащій тонъ для характеристики происшествія съ потолкомъ. Но онъ быстро вспомнилъ, что званіе кадета обязываетъ къ почтительному молчанію и поторопился поймать выраженія, выпущенныя по адресу министерства.

Когда соціалъ-демократъ Алексинскій попытался освѣтить исторію съ потолкомъ, его прервали на полусловѣ и предложили перейти отъ существа дѣла къ вопросу объ отысканіи новой квартиры.

Въ этотъ день въ Думѣ главенствовали кадеты. И Дума показала, что способна сдѣлать она, если она пойдетъ за кадетами. Такая Дума, поставленная лицомъ къ лицу передъ смертью, не осмѣлится выдвинуть вопроса о томъ, какъ предотвратить смерть и угрозу смерти, какъ вырвать съ корнемъ самый источникъ опасности. Она будетъ „сурово“ молчать и покорно займется подготовкою гроба.

Слѣдующіе дни были заняты поисками новой квартиры. Дѣло оказалось не легкимъ. Въ Петербургѣ съ

его грандіозными пустующими дворцами не находилось квартиры для Думы. Дума открыла, что она попала въ разрядъ тѣхъ квартирантовъ, которые на подозрѣніи у начальства и которымъ дворники и управляющіе въ союзѣ съ полиціей отравляютъ существованіе.

Наконецъ, къ 6 марта отыскали временное помѣщеніе—петербургское дворянское собраніе. Сюда перекочевала Дума, а за ней и вся внутренняя охрана: 84 души, т.-е. по охранщику на каждые 5 депутатовъ. А за внутренними охранщиками перекочевала отъ Таврическаго дворца къ дворянскому собранію и вся внѣшняя армія: архангелы охраннаго отдѣленія, пѣхота, жандармерія, полиція, кавалерія. Эти силы закупорили со всѣхъ сторонъ всѣ проходы къ собранію „народныхъ избранниковъ“. Депутаты подъ надзоромъ полиціи, депутаты, отдѣляемые охранщиками отъ избирателей, волю которыхъ должна выразить Дума,—такова была первая декларація г. Столыпина. Свободный гражданинъ подъ казацкой нагайкой, парламентъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, свободная законодательная дѣятельность депутатовъ, которымъ предписывается во всемъ подчиняться волѣ начальства,—вотъ какова политическая свобода въ россійско-полицейскомъ истолкованіи. Современная конституція ничѣмъ не уступитъ потемкинскимъ деревнямъ по Днѣпру. Правительство хранитъ историческіе завѣты Россіи.

6-го марта было, наконецъ, прочитано заявленіе г. Столыпина. О немъ можно не распространяться. Это—утомительная канцелярская бумага, написанная казеннымъ слогомъ, который представляетъ сплошное оскорбленіе для русскаго языка. Только безнадежная ограниченность полицейскаго участка и ложь чиновничьей канцеляріи могли породить такой слогъ, носящій отпечатокъ полной бездарности.

Фразы тянутся за фразами, безжизненныя, уродливыя. Канцелярскій чиновникъ поставилъ своей задачей прикрыть истинныя намѣренія полицейскаго участка, который для европейскихъ банкировъ замѣнилъ вывѣску

Московская Центральная Публичная библиотека

„полицейское управленіе“ вывѣской „россійская конституція“.

По существу же это — старыя разсужденія о народныхъ свободѣ и благѣ, водворяемыхъ властью кнута. Изъ декларацiи г. Столыпина мы открываемъ, напр., что у насъ уже существуетъ свобода собраній и союзовъ. Объ этой свободѣ собраній могли бы повѣдать намъ деревни, подвергшіяся разгрому за первыя попытки крестьянъ собраться для обсужденія общественныхъ дѣлъ. Объ этомъ могли бы повѣдать города, въ которыхъ существуетъ дѣйствительная свобода собраній для кнутобойныхъ дѣлъ мастеровъ. О свободѣ союзовъ многое могли бы сказать фабрично-заводскіе рабочіе и приказчики. Сколько союзовъ закрыто, сколько членовъ правленій изгнано за Уралъ за свою организаторскую дѣятельность!

Г. Столыпинъ грозитъ въ своемъ заявленіи обезпечить такимъ же способомъ цѣлый рядъ другихъ свободъ: свободу исповѣданія, неприкосновенность личности, переписки и т. д.

Или возьмемъ тѣ мѣста заявленія, которыя касаются крестьянскаго вопроса. За послѣдніе мѣсяцы удѣльное вѣдомство (т.-е. управленіе имѣніями царской фамиліи) и помѣщики продали крестьянскому банку по замѣчательно хорошимъ для нихъ цѣнамъ нѣсколько милліоновъ десятинъ земли. Крестьянскій банкъ заставитъ крестьянъ купить эту землю по такимъ же цѣнамъ. Эта операція, перекачивающая сотни милліоновъ рублей изъ крестьянскихъ кармановъ въ дворянскіе, сгибающая крестьянство тяжестью новыхъ выкупныхъ платежей, называется въ заявленіи г. Столыпина попеченіемъ о благѣ крестьянства.

Или возьмемъ то, что обѣщаетъ г. Столыпинъ рабочимъ. Г. Столыпинъ начинаетъ съ признанія „безусловной необходимости положительнаго и широкаго содѣйствія мѣстной власти благосостоянію рабочихъ“. Екатерина, закабаляя помѣщикамъ сотни тысячъ крестьянъ, тоже говорила, что она заботится о народномъ благо-

состояніи. Г. Столыпинъ видитъ въ „рабочемъ движеніи естественное стремленіе рабочихъ къ улучшенію своего положенія“. Онъ обѣщаетъ устранить „стѣсненія этого движенія“, но сейчасъ же добавляетъ: „поскольку оно не угрожаетъ общественному порядку и общественной безопастности“. Изъ-за потемкинской избы выглянулъ истинно-русскій кнутъ; онъ и въ настоящее время не щадитъ рабочихъ исключительно потому, что ихъ борьба за улучшеніе своей участи, какъ оказывается, всегда, рѣшительно всегда угрожаетъ общественному порядку и общественной безопасности, — т. е. безмятежному существованію тунеядческихъ классовъ, ѣздящихъ на народномъ горбѣ.

И такова вся декларація. Заслуживаютъ упоминанія еще нѣсколько словъ изъ заключительной части. Правительство, представителемъ котораго являюсь я, сказалъ г. Столыпинъ, „чисто-русское правительство“.

А на министерскихъ скамьяхъ, отмѣчаютъ газеты, выдѣлялись фигуры членовъ этого чисто-русскаго правительства: Шванебахъ, Редигеръ, Шауфусъ, Фредериксъ, Кауфманъ.

Но г. Столыпинъ былъ правъ. Всѣ эти гг. Шванебахи, Редигеры, Шауфусы и общественныя группы, которыя представлены ими, — всѣ они во что бы то ни стало хотятъ сохранить историческіе завѣты старой Россіи.

Но выступаетъ новая жизнь. Пробудился рабочій, пробуждается забитый крестьянинъ. Историческимъ завѣтамъ старой Россіи — дворянской, полицейской, изувѣрской — они противопоставляютъ идеалы новой, свободной Россіи.

И только вполнѣ основательный страхъ передъ этой новой Россіей заставляетъ гг. Столыпиныхъ выступать со своими деклараціями.

III. Между-партійныя отношенія и отвѣтъ Г. Д. на декларацію правительства.

Во второй Г. Д. съ самаго начала намѣтились двѣ опредѣленныхъ тактики: кадетская и соціалъ-демократическая. Группы, стоящія между к.-д. и с.-д., колеблются между ними,—то примыкаютъ къ с.-д., то плетутся за к.-д., стараясь половинчатыми рѣшеніями замаскировать свои отступленія отъ послѣдовательнаго демократизма.

На крайней правой нѣтъ никакой тактики, никакой системы дѣйствій, которая заслуживала бы названіе тактики. Соціально-изжитой строй могъ послать въ Думу только такихъ представителей, которые удачно символизируютъ этотъ строй своимъ убожествомъ, своей безталанностью, своей наглостью, наконецъ, своими біографіями, въ которыхъ страницы несутъ слѣды крови и грязи и которыя до сихъ поръ не завершились каторжной тюрьмой только благодаря существованію стараго строя.

Изъ такой тѣсной связи между ихъ личной судьбой и судьбами стараго строя вытекаетъ вся ихъ программа. Уже 30 лѣтъ тому назадъ она раскрыта Щедринымъ-Салтыковымъ: „Отечество, находящееся въ опасности—это мы сами, находящіеся въ опасности! И мы не принесемъ ему въ даръ сердца наши?! Мы поспѣшимъ привѣтствовать его враговъ?! Нѣтъ, мы не сдѣлаемъ ни того, ни этого, потому что отечество и мы—это что-то совершенно нераздѣльное. Это до такой степени не подлежитъ отдѣленію, въ смыслѣ умственности, какъ и въ смыслѣ матеріальности, что какъ отечество не можетъ существовать безъ насъ, такъ и мы не можемъ существовать безъ него“ („Дневникъ провинціала“).

Ихъ „тактика“ отличается величайшей упрощенностью: „за нами отечество,—т.-е. всѣ полицейскія силы полицейскаго строя,—и потому намъ на все наплевать“.

Разбитые на выборахъ, возвратившись во вторую

Думу въ половинномъ числѣ по сравненію съ первой, кадеты въ начальствѣ ищутъ опоры для своей тактики. Уже въ первой Думѣ они достаточно ясно раскрыли свою контръ-революціонную натуру, уже въ первой Думѣ они прилагали всѣ свои силы къ тому, чтобы вступить съ владыками стараго строя въ необидное для послѣднихъ соглашеніе.

Во второй Думѣ они откровенно обсуждаютъ всѣ дѣйствія съ той точки зрѣнія, примирится ли съ ними начальство, пріемлемы ли для начальства вносимыя предложенія. Трудно представить себѣ что-либо болѣе оскорбительное для памяти первой Государственной Думы—кадетской въ своемъ большинствѣ, чѣмъ отношеніе къ ней современныхъ кадетскихъ газетъ. Лакеи господствующаго класса кричали въ іюлѣ прошлаго года: Дума разогнана за то, что она стремилась разорвать цѣпи, которыя этимъ господствующимъ классомъ были наложены на развившееся новое общество. Теперь либеральные буржуа разражаются воплями противъ всякаго, кто смиренно не лобызаетъ этихъ цѣпей, кто цѣпи передъ всѣмъ народомъ называетъ цѣпями.

„Не повторяйте роковыхъ ошибокъ первой Думы“, уговариваютъ либеральные буржуа. „Берегите Думу, т.-е. не дѣлайте такихъ шаговъ, за которые начальство разогнало бы Думу“.

Запугивая себя и другихъ этимъ „лозунгомъ“, либеральные буржуа создали удручающую для буржуазныхъ сердецъ атмосферу, которая сама изъ себя ежедневно родитъ слухи о роспускѣ Думы, какъ объ окончательно рѣшенномъ дѣлѣ, и поощряетъ черносотенную наглость и предпріимчивость *).

---

*) Вотъ только одинъ примѣръ того, какъ въ кадетскихъ газетахъ создаются слухи изъ черносотенныхъ „сферъ“. При голосованіяхъ по продовольственному вопросу думскіе представители черносотенцевъ всецѣло присоединились къ кадетамъ. По новизнѣ такого сотрудничества либеральные буржуа сильно сконфузились. Началось комическое бормотанье о томъ, что черносотенцы присоединились къ кадетскимъ пред-

У самихъ либеральныхъ буржуа иногда раскрываются глаза на послѣдствія такой тактики. Такъ, за нѣсколько дней до открытія Думы „Рѣчь“ (№ 39) писала въ передовой статьѣ: „не видя наступленія, котораго боялась, слыша одни только призывы къ сдержанности и самообладанію, она (другая сторона, правительство), наконецъ, сама переходитъ въ наступленіе. Вы молчите объ амнистіи, а мы громко и заранѣе вамъ говоримъ: нѣтъ вамъ амнистіи... Вы не рѣшаетесь больше громко требовать немедленно отставки П. А. Столыпина, какъ требовали когда-то отставки Витте? Хорошо, мы придемъ къ вамъ въ Думу чуть не съ роспускомъ Думы въ карманѣ. Вы совѣтуете себѣ и другимъ не шумѣть и вести себя сдержанно? Прекрасно, мы выпустимъ на васъ Крушевана! Словомъ, это—*мы* теперь идемъ на васъ, и посмотримъ, что вы на это скажете“.

А либеральные буржуа напускаютъ на себя необыкновенно хитрый и таинственный видъ и съ дѣланной беззаботностью, которая должна прикрыть удрученіе и растерянность, отвѣчаютъ: „посмотримъ!“ А потомъ

ложеніямъ не потому, что послѣднія совершенно безвредны для нихъ, а потому, что у нихъ созрѣли какіе-то сложные и невыразимо-коварные планы „сорвать Думу“. „Рѣчь“ въ передовой статьѣ (№ 57) высказала предположеніе, что трагическіе злодѣи — Крушеванъ, Пуришкевичъ и т. д. — какъ-нибудь присоединятся при голосованіи къ лѣвымъ; такимъ образомъ въ Думѣ при поддержкѣ правыхъ пройдетъ острое предложеніе и черносотенцы используютъ это, какъ благовидный предлогъ для разгона Думы. На слѣдующій день петербургскій корреспондентъ „Вечерней Зари“ уже телефонируетъ: „изъ самыхъ что ни на есть достовѣрныхъ источниковъ“ я узналъ, какимъ способомъ правые намѣрены ускорить разгонъ Думы,—и дальше передаетъ спутанныя гаданія обезкураженнаго передовика „Рѣчи“, какъ совершенно оформившійся планъ черносотенцевъ.

Это—одинъ примѣръ изъ многихъ. Но надо отдать справедливость кадетскимъ фабрикантамъ слуховъ. Ихъ выдумки не всегда такъ плоски, какъ въ приведенномъ случаѣ. Иногда кадетамъ удается подъ формой „слуховъ изъ сферъ“ дѣлать такія мудрыя указанія начальству, до которыхъ сами черносотенцы никогда не додумались бы.

опять начинаютъ уговаривать сосѣдей слѣва, чтобы они не поднимали ссоры съ начальствомъ, не давали предлоговъ для роспуска Думы,—какъ будто дѣло можетъ когда-нибудь остановиться изъ за предлога, какъ будто начальство уже теперь не разогнало бы Думу, если бы не горькая необходимость терпѣть ее.

И начальство продолжаетъ свое наступленіе. Оно заявляетъ, что въ такихъ то и такихъ то случаяхъ неприкосновенные депутаты подлежатъ посадкѣ въ чижовку. Оно съ полной безнаказанностью внимаетъ разсказамъ о томъ, какъ стражники избивали членовъ Государственной Думы. Оно вламывается въ квартиры депутатовъ и роется въ ихъ перепискѣ.

Наконецъ, когда большинство Думы въ продовольственномъ вопросѣ подчинилось кадетамъ и отказалось отъ посылки депутатовъ для разслѣдованія положенія дѣлъ на мѣстахъ,—г. Столыпинъ заявилъ Думѣ: а я воспрещаю Думѣ и привлекать свѣдущихъ людей съ мѣстъ, я воспрещаю сноситься съ земствами, я разрѣшаю Думѣ получать отъ мѣстныхъ учрежденій лишь такія свѣдѣнія, которыя захотимъ передать я и мои губернаторы.

Такія послѣдствія либеральнаго примиренія съ начальствомъ сказались уже въ первые дни Государственной Думы. Но это не произвело никакого впечатлѣнія на кадетовъ, тѣмъ болѣе, что какъ видно изъ цитированной статьи «Рѣчи» въ этихъ послѣдствіяхъ не было ничего особенно неожиданнаго для вождей либеральной буржазіи.

6-е марта было днемъ наибольшаго торжества к.-д. тактики въ Государственной Думѣ. Къ этому времени к.-д. партія еще не утратила того вліянія, которое она пріобрѣла на колеблющіяся, промежуточныя общественныя группы въ концѣ 1905 года, при своемъ зарожденіи, и въ 1906 году—нѣкоторыми сторонами своей дѣйтельности въ первой Государственной Думѣ. Ея имя—конституціонно-*демократическая* партія — еще сохраняло свое обаяніе и, въ связи съ ея прошлой исторіей, ввo-

дило въ соблазнъ даже нѣкоторыхъ соціалъ-демократовъ (меньшевистскую фракцію).

Меньшевики до самаго послѣдняго времени не хотѣли признать тотъ—почему-то печальный для нихъ—фактъ, что разрывъ между к.-д. партіей и мелко-буржуазной демократіей уже совершился. Череванинъ все время бросалъ влюбленные взоры въ сторону к.-д. партіи и еще совсѣмъ недавно принялъ героическое рѣшеніе употребить всѣ усилія для сожительства съ ней. Онъ упорно, вопреки всѣмъ фактамъ, гналъ отъ себя мысль, что его пламенная страсть къ этой особѣ не удержитъ ее отъ двусмысленныхъ положеній и похожденій *). Для него, какъ для истиннаго рыцаря, до безпамятства влюбленнаго въ свою даму, она стоитъ въ центрѣ всего мірозданія. Большевики говорятъ Череванину: „ваша дама начинаетъ вести себя съ похвальной откровенностью, съ большей открытостью придается своимъ естественнымъ склонностямъ; это недурно потому, что и вы и другіе ея поклонники скорѣе исцѣлитесь отъ своего ослѣпленія". Благородный рыцарь мрачно никнетъ головой и отвѣчаетъ, что поведеніе к.-д. роетъ яму не только кадетамъ, но разбиваетъ и его соціалъ-демократическое существованіе **).

При существующей избирательной системѣ выборщики отъ рабочаго класса, выдѣленные въ особую курію, являются въ большинствѣ случаевъ безсильнымъ декоративнымъ привѣскомъ при выборщикахъ отъ землевладѣльческой, крестьянской, городской курій. Только ре-

---

*) „Возможно, что, *несмотря на всѣ усилія*, намъ все-таки не удастся дѣйствовать совмѣстно съ кадетами въ борьбѣ съ реакціей, *но употребить всѣ усилія для этого мы должны*" („Дѣло Жизни", № 4, 14 февр. 1907 г. Курсивы мои).

**) „Дѣло Жизни", № 4 стр. 8 - 9. Сравн. также статью А. Мартынова, который, какъ и Череванинъ, посылаетъ нѣжные вздохи кадетской партіи и, какъ подобаетъ пламенному поклоннику, толкуетъ о „наступленіи пролога" (всего лишь пролога!) „къ кадетской измѣнѣ", какъ о чемъ-то довольно-таки отдаленномъ („На очереди", № 4, *третьяго марта* 1907 г.)

волюціонностью мелкой буржуазіи объясняется то обстоятельство, что въ Государственной Думѣ все же числится свыше 60 соціалъ-демократовъ. Большая часть ихъ проведена не пролетаріатомъ, а мелкой буржуазіей.

Съ этимъ вполнѣ согласенъ меньшевикъ Н. Валентиновъ, который употребляетъ по этому случаю столь рѣшительныя, рѣзкія выраженія, что, напиши ихъ большевикъ, на него въ меньшевистской литературѣ обрушились бы жестокіе громы.

... „Выступленіе соціалъ-демократіи на выборахъ (кавказскихъ), пишетъ онъ, было дѣйствительно „самостоятельнымъ", *но чтобы оно было соціалъ-демократическимъ* — мы въ этомъ нѣсколько *сомнѣваемся*. Соціалъ-демократическое выступленіе *и политика* предполагаетъ своего реальнаго носителя—сплачивающагося и въ томъ или иномъ дѣйствіи организующагося пролетаріата (конечно не „пролетаріата", а пролетаріатъ). Мы спрашиваемъ, гдѣ былъ этотъ пролетаріатъ на кавказскихъ выборахъ? Кто выбиралъ нашихъ товарищей Жорданія, Джапаридзе, Гамартели, Рамишвили, Церетели и т. д.? Кто за нихъ голосовалъ? Пролетаріатъ? Да ничего подобнаго, ихъ избрала мелкая буржуазія" *).

Но въ концѣ концовъ, какъ бы спохватившись, что сказалъ слишкомъ много („соціалъ-демократическая политика предполагаетъ своего реальнаго носителя"), Валентиновъ обрываетъ свои правильныя разсужденія на совсѣмъ крошечномъ избитомъ выводѣ: „мелкая буржуазія голосовала за нашихъ кавказскихъ товарищей не какъ за соціалъ-демократовъ, а лишь какъ за послѣдовательныхъ демократовъ".

Петербургскій меньшевикъ Мартыновъ договорилъ то, чего не рѣшился договорить Валентиновъ. Разсуждая о трудности и сложности задачъ, стоящихъ передъ с.-д. фракціей во второй Думѣ, Мартыновъ пишетъ:

---

*) Сборникъ „Политическое положеніе" etc. Стр. 118—119. Сравн. также *М. Б—овъ и Ф. Данъ*, „Рабочіе депутаты" etc. Стр. 56, 59 и др.

„онѣ еще безконечно усложняются между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что отчасти въ самой фракціи, особенно же среди примыкающихъ къ ней есть не мало депутатовъ, которые были избраны не пролетаріями, а крестьянами, и не потому, что они с.-д., а потому, что они самые лѣвые“ *)

Хотя выраженія нѣсколько дипломатичныя, но не до такой степени, чтобы совершенно спрятать мысль автора. Не было бы никакой бѣды, если бы соціалъ-демократы проходили въ Думу въ первую очередь за свой демократизмъ. Поскольку они *соціалъ*-демократы, это не увеличило бы затрудненій соціалъ-демократической фракціи. Затрудненія возникаютъ отъ того, что депутаты, избранные крестьянами, а не пролетаріями, и представляющіе по своему умственному складу не столько рабочій классъ, сколько революціонную въ данный моментъ мелкую буржуазію, тѣмъ не менѣе примыкаютъ къ соціалъ-демократической фракціи.

И въ с.-д. партіи—въ связи съ переживаемой революціи—и особенно въ с.-д. парламентской фракціи—въ связи съ избирательной системой—значительное преобладаніе получило представительство промышленно-отсталыхъ районовъ. Если не ошибаюсь, делегаты Кавказа и Спилки на ближайшимъ съѣздѣ с.-д. партіи составятъ около $^1/_3$ всѣхъ делегатовъ (за вычетомъ делегатовъ національныхъ организацій). Перевѣсъ въ партіи и во фракціи—на сторонѣ Кавказа и украинскихъ губерній, характеризующихся относительнослабымъ развитіемъ современной промышленности. Этихъ представителей посылаетъ революціонная мелкая буржуазія, которая въ своей политической борьбѣ идетъ, правда, за пролетаріатомъ, но за такимъ пролетаріатомъ, который, отражая неразвитость экономическихъ отношеній, не могъ освободиться отъ шлаковъ мелко-буржуаз наго міра, не имѣлъ возможности дойти до яснаго пролетарскаго классового сознанія.

---

*) „На очереди“, № 4.

Итакъ, большая часть с.-д. прошла въ Государственную Думу или отъ областей съ живучими остатками докапиталистическаго строя отношеній или—даже въ районахъ съ развитой капиталистической промышленностью—отъ докапиталистическихъ, мелко-буржуазныхъ группъ избирателей.

Если мы вспомнимъ глубокомысленное при всей его мимолетности замѣчаніе Мартынова, для насъ не будетъ ничего неожиданнаго въ томъ, что рѣшительное преобладаніе въ парламентской фракціи получило меньшевистское направленіе, и что это преобладаніе несравненно сильнѣе въ думской фракціи, чѣмъ въ партіи вообще.

Роль мелкой буржуазіи въ новѣйшихъ революціяхъ извѣстна. Когда революціонная волна поднимается, мелкая буржуазія идетъ за пролетаріатомъ, подхватываетъ его революціонные лозунги, поддерживаетъ его революціонный натискъ. Въ моменты затишья она подчиняется руководительству либеральныхъ буржуа старается убѣдить себя и другихъ, что это—демократы, лишь силой неблагопріятныхъ условій вынужденные припрятывать демократизмъ, и если это затишье знаменуетъ конецъ революціи, то своей матеріальной силой помогаетъ либерализму выполнить его историческое предназначеніе: сыграть роль могильщика демократическихъ теченій въ революціи, убить такимъ образомъ самую революцію. Получивъ удовлетвореніе своихъ элементарнѣйшихъ экономическихъ требованій, она удаляется съ политической сцены до тѣхъ поръ, пока капиталистическое развитіе, освобожденное революціей отъ нѣкоторыхъ помѣхъ, не расшатаетъ экономическихъ основъ ея мелкобуржуазнаго существованія. Тогда мелкая буржуазія выдвигаетъ свои, „самостоятельные“ лозунги — антисемитизмъ и мильеранизмъ.

Въ концѣ 1905 года меньшевизмъ усвоилъ пролетарскіе лозунги. Съ прошлаго года онъ рѣшилъ сконцентрировать всѣ свои силы для „поддержки“ лозунговъ либеральной буржуазіи („отвѣтственное министерство“ и т. д.). Подчиненіе руководительству либеральной бур-

жуазіи находитъ себѣ выраженіе даже въ мелочахъ, даже въ усвоеніи тѣхъ терминовъ, которые какъ нельзя лучше служатъ для того, чтобы либерально замазывать реальное содержаніе революціонной борьбы. Если соціалъ-демократы будутъ слишкомъ много толковать, вслѣдъ за кадетами о „борьбѣ съ бюрократіей“, или съ „самодержавной бюрократіей“, то легко можетъ случиться такая непріятность, что плоское пониманіе современной революціи начнетъ брать верхъ надъ соціалъ-демократическимъ, что представители пролетаріата начнутъ подчеркивать въ первую очередь свою солидарность „со всей оппозиціей“. Наконецъ, поскольку революція разрѣшитъ свои элементарнѣйшія задачи, меньшевизмъ сойдетъ со сцены и возродится какъ видное теченіе лишь съ созданіемъ новой мелко-буржуазной интеллигенціи, опирающейся на мелко-буржуазныя формы промышленности,—возродится въ формѣ, близкой къ французскому мильеранизму *).

---

*) Соотвѣтствующія теченія уже теперь намѣтились въ меньшевизмѣ. Вотъ, напр., Ю. Ларинъ, мятущійся умъ, быстро перескакивающій отъ жажды сектантской обособленности къ мистическому стремленію раствориться въ сермяжной массѣ; какъ-никакъ, онъ одинъ изъ апостоловъ меньшевизма, и самая его неустойчивость превосходно отражаетъ мелкобуржуазный элементъ этого направленія. Въ майской книжкѣ „Откликовъ Современности“ за 1906 годъ онъ уже надѣлилъ своихъ товарищей по партіи „какъ бы“ министерскими портфелями. „Соціалъ-демократы будутъ въ парламентѣ („временномъ революціонномъ“)—пишетъ онъ своимъ по обыкновенію неряшливымъ стилемъ—...какъ творцы-руководители, какъ отвѣтственные исполнители различныхъ функцій, какъ революціонные министры революціоннаго парламента“. И они „будутъ какъ революціонные министры“, хотя парламентъ все же „остается парламентомъ буржуазнаго общества и *по ряду вопросовъ с.-д. будутъ оставаться въ меньшинствѣ*“ (стр. 25). Разумѣется, Ларинъ благословляетъ соціалъ-демократовъ на министерскую дѣятельность потому, что никто радикальнѣе ихъ не пошабашитъ съ крѣпостническими помѣхами развитію. Но и Жоресъ благословлялъ „соціалистовъ“-министровъ потому, что ждалъ отъ нихъ радикальнѣйшихъ мѣръ противъ такой средневѣковой нечисти, какъ клерикализмъ.

Однако званіе соціалъ-демократа не только обязываетъ, но и дисциплинируетъ. Оно предполагаетъ опредѣленный методъ мышленія, оно не допускаетъ слишкомъ большихъ колебаній въ отношеніи къ другимъ партіямъ. Почетное положеніе—положеніе одного изъ отрядовъ великой интернаціональной соціалъ-демократіи—заставляетъ считаться съ богатымъ опытомъ, съ установившимися традиціями болѣе старыхъ соціалъ-демократическихъ партій. Съ своей стороны, либеральные буржуа сдѣлали своимъ поведеніемъ все возможное для того, чтобы развѣять демократическія иллюзіи о солидарности всей оппозиціи въ ея борьбѣ „противъ общаго угнетателя“, „противъ самодержавной бюрократіи“, „противъ приказнаго строя“ и какъ тамъ еще выражаются кадетскіе публицисты.

Первыя недѣли дѣятельности Государственной Думы даютъ любопытную исторію того, какъ соціалъ-демократическая фракція постепенно освобождалась отъ мелко буржуазныхъ тенденцій слиться съ оппозиціей вообще, какъ она мало-по-малу приходила въ сознанію, что она—представительство прежде всего *рабочаго* класса. Она открыла свою дѣятельность участіемъ въ нелѣпыхъ по идеѣ совѣщаніяхъ, на которыхъ принимали участіе всѣ „оппозиціонные“ депутаты—до 300 душъ и болѣе. Технически они были безполезны *). По существу это были закрытыя засѣданія Думы, которыя ничего не давали для повышенія продуктивности публичныхъ засѣданій и могли преслѣдовать лишь одну цѣль: объединить „всю оппозицію“, связавъ тѣмъ самымъ крайнія лѣвыя фрак-

---

*) Наиболѣе полезнымъ технически было бы освѣдомительное бюро, въ которое представители фракцій просто сообщаютъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ каждой фракціей *самостоятельно*. Если бы черносотенцы не отказались содѣйствовать стройности занятій Думы, я не видалъ бы рѣшительно никакихъ основаній къ исключенію ихъ представителей изъ такого бюро. Ихъ участіе только подчеркивало бы, что бюро преслѣдуетъ чисто-техническія задачи, что каждая фракція сохраняетъ полную самостоятельность.

ціи. Не даромъ г. Маклаковъ высказываетъ неудовольствіе на с.-д. за то, что они 6 марта не подчинились будто бы „рѣшенію Думы“, т.-е. мнѣнію большинства такихъ хаотическихъ совѣщаній! („Русск. Вѣд.“, № 56).

6 марта соціалъ-демократическая фракція впервые выступила самостоятельно, не считаясь съ тактическими воззрѣніями всѣхъ остальныхъ фракцій. Но по своему содержанію ея выступленіе было обще-демократическимъ, а не выступленіемъ представителей рабочаго класса. Церетели свою вступительную рѣчь къ с.-д. деклараціи началъ съ того, что подчеркнулъ единеніе всей оппозиціи въ ея отношеніи къ правительству. И самая декларація, послѣ того какъ она дала попытку марксистскаго анализа современнаго политическаго строя Россіи, тѣмъ не менѣе заканчивается вульгарными разсужденіями буржуазной оппозиціи о „правительствѣ самодержавной бюрократіи“ (замѣчательно глубокое словосочетаніе!), о средствахъ „сломить упорство бюрократіи“. „Рѣчь“ была не такъ уже неправа, когда она замѣтила, что заявленія соціалъ-демократовъ просто повторили то, что уже семь мѣсяцевъ повторялось изо дня въ день въ кадетскихъ газетахъ. Конечно, она умолчала, что у буржуазныхъ публицистовъ никогда не будетъ такого революціоннаго языка.

Кадеты своимъ поведеніемъ при обсужденіи продовольственнаго вопроса раскрыли свою игру. И огромной заслугой с.-д. фракціи является тотъ фактъ, что она быстро сдѣлала надлежащіе выводы изъ выяснившагося положенія. Съ этого времени ея выступленія становятся разъ отъ раза все ярче, принципіальнѣе, все болѣе проникаются духомъ пролетарской революціонности. Наконецъ, бюджетныя пренія были истиннымъ тріумфомъ для представителей рабочаго класса.

Но если с.-д. депутаты, сознавая въ себѣ представителей неизмѣнно революціоннаго класса, могли сравнительно быстро начать борьбу за высвобожденіе отъ демократической несамостоятельности, приводящей къ подчиненію буржуазнымъ лозунгамъ, то въ иномъ положе-

ніи были трудовики, соціалисты-революціонеры и народные соціалисты. Попавъ подъ власть освободительной маниловщины, демократически противопоставляющей единый въ своей ненависти къ угнетателямъ народъ и „самодержавную бюрократію“, не видя на первыхъ порахъ даже со стороны соціалъ-демократовъ противодѣйствія такому либеральному замазыванію истиннаго положенія дѣлъ, эти мелко-буржуазныя партіи совершенно естественно пошли на буксирѣ за либеральными буржуа. Дольше другихъ противились кадетской указкѣ народные соціалисты, которые открыто выступали въ избирательной кампаніи и своей критикой кадетской контръ-революціонности взяли на себя извѣстныя обязательства передъ избирателями. Съ хаотическими, случайными по составу группами трудовиковъ и соціалистовъ-революціонеровъ кадеты справились безъ труда.

Дальнѣйшая исторія между-партійныхъ отношеній въ Г. Д.—это исторія борьбы соціалъ-демократовъ за освобожденіе мелко-буржуазныхъ группъ изъ-подъ кадетскаго вліянія. Исходъ борьбы опредѣлится за стѣнами Думы. Съ развитіемъ революціи побѣдитъ соціалъ-демократическая тактика. Съ упадкомъ революціи либеральные буржуа прочно подчинятъ себѣ мелко-буржуазныя группы.

Но уже и то слѣдуетъ признать крупнымъ успѣхомъ соціалъ-демократіи, что она даже теперь начинаетъ вырывать промежуточныя группы изъ-подъ власти либеральной испуганности. Голосованіе по продовольственному вопросу было первымъ непріятнымъ сюрпризомъ для кадетовъ. Исходъ преній о безработныхъ не поправилъ дѣла. И хотя въ голосованіи по бюджетному вопросу къ соціалъ-демократамъ присоединились только соціалисты-революціонеры, но моральная побѣда осталась на сторонѣ соціалъ-демократовъ; этого не могутъ скрыть даже кадетскіе публицисты.

Нельзя не отмѣтить одного обстоятельства. Въ продовольственномъ вопросѣ къ соціалъ-демократамъ присоединилась даже небольшая группа кадетовъ (10—11

человѣкъ); трудовики всѣми своими голосованіями обнаруживаютъ полную безпомощность, совершенное отсутствіе внутренняго единства: они неизмѣнно раскалываются. Печальное зрѣлище представляютъ соціалисты-революціонеры. По продовольственному вопросу два с.-р. голосовало съ кадетами („Рѣчь“).

И только пролетаріатъ можетъ гордиться своимъ представительствомъ. Всѣ соціалъ-демократы—и рабочіе, и интеллигенты—одинаково сплачиваются единой идеей: идеей рабочаго класса. Всѣ они голосуютъ какъ одинъ человѣкъ.

Къ засѣданію 6 марта кадетамъ удалось подчинить себѣ всѣ промежуточныя лѣвыя группы. Онѣ рѣшили, что самый лучшій отвѣтъ на правительственную декларацію—гробовое молчаніе. Изо дня въ день либеральныя газеты трубили, что такой отвѣтъ и единственно правильный съ точки зрѣнія „берегите Думу“, и единственно достойный для народнаго представительства. Унизительно для Думы, если она, выразивъ свои чувства министрамъ, будетъ вынуждена впредь поддерживать сношенія съ ними. Демонстрировавъ свое безсиліе, Дума уронитъ свой авторитетъ въ глазахъ населенія.

Такова либеральная логика. Если кадета подвергнуть тѣлесному наказанію, онъ постарается не показать вида, что розги ложатся на его спину вопреки его волѣ,—и его авторитетъ, его достоинство будутъ спасены.

Лѣвыя группы высказывали вполнѣ основательное сомнѣніе: не истолкуютъ ли избиратели молчаніе Думы въ томъ смыслѣ, что она способна примириться съ дворянско полицейскимъ господствомъ. Запутанными доводами, свидѣтельствовавшими о нечистой совѣсти, кадеты убѣдили лѣвыхъ сосѣдей, что страна, при своей политической воспитанности, правильно оцѣнитъ молчаніе. И только послѣдующія засѣданія показали, что кадеты въ дѣйствительности ничего не имѣли бы противъ того, если бы правительство истолковало ихъ молчаніе въ смыслѣ готовности сотрудничать съ нимъ.

Въ концѣ-концовъ только соціалъ-демократы дали

достойный демократическій отвѣтъ г. Столыпину. Я не стану излагать блестящей рѣчи Церетели, потому что основное ея содержаніе вошло въ с.-д. декларацію, напечатанную въ приложеніи.

Всѣ остальныя группы Думы молчали, кромѣ правыхъ. Да еще г. Столыпинъ отвѣтилъ краткой рѣчью, которая походила на окрикъ по адресу Думы. Однако это не помѣшало кадетской „Рѣчи“ заявить въ передовой статьѣ (№ 55): „П. А. Столыпинъ обнаружилъ, наконецъ, въ своей второй рѣчи желаніе найти тотъ общій языкъ, на которомъ онъ могъ бы говорить съ большинствомъ Думы“.

Только послѣдующія засѣданія раскрыли, что „Рѣчь“ была права, поскольку она предвосхищала „большинство Думы“, составившееся изъ кадетовъ и черносотенцевъ. Но 7 го марта еще странно было читать ласковые одобренія по адресу г. Столыпина, вызванныя его безцеремоннымъ окрикомъ: „вѣрьте народу, не считайте себя умнѣе народа, и вы получите ключъ къ языку свободныхъ политическихъ учрежденій“. Да, кадеты правы: „Рѣчь“ уже 7-го марта наговорила достаточно для того, чтобы демократическіе избиратели правильно оцѣнили молчаніе кадетовъ въ отвѣтъ на правительственную декларацію. Кадетскіе депутаты уже тогда протягивали г. Столыпину ключъ отъ своего сердца.

Молчащая Дума, даже по признаніямъ такихъ газетъ, которыя, какъ, напр., „Парусъ“, тщетно стараются вопреки своему естеству занять позицію „лѣвѣе кадетовъ“, представляла далеко не возвышенное зрѣлище. И даже г. Булгаковъ, преподобный кадетской партіи, по своей безхитростности признается, что „молчать“— это значило „подвергнуться двусмысленному и даже унизительному положенію“ (Рус. Вѣд.“, № 57). Спасать достоинство народнаго представительства путемъ его униженія—въ этомъ вся суть либеральной буржуазіи.

Какъ бы то ни было, 6-е марта было днемъ наибольшаго торжества кадетской тактики въ Государственной Думѣ. Кадетскіе публицисты изъ бывшихъ

людей, изъ ренегатовъ марксизма захлебывались отъ восторга, указывая на полную изолированность соціалъ-демократіи въ Г. Думѣ и предвѣщая близость полной изолированности большевиковъ въ соціалъ-демократической фракціи.

Недалекіе люди упустили изъ виду, что изолированность не можетъ особенно огорчать соціалъ-демократовъ, что они готовы къ ней какъ къ неминуемому явленію, которое наступитъ, когда господа буржуа построятъ государство по своему образу и подобію: либеральная внѣшность, полицейская сердцевина.

Но такого государства еще нѣтъ, и потому изолированность соціалъ-демократовъ оказалась лишь предвѣстіемъ болѣе естественнаго въ настоящій моментъ положенія, когда либеральные буржуа, объединившись со всѣми правыми, включительно до черносотенцевъ, символизировали свое идеальное государство.

IV. Декларація соціалъ-демократической фракціи.

Заявленіе, прочитанное въ засѣданіи 6-го марта отъ имени с.-д. фракціи, на долгое время останется любопытнымъ историческимъ документомъ. Въ немъ какъ нельзя ярче отразились тѣ чисто-демократическія теченія, о которыхъ говорилось въ предыдущей статьѣ. Сравненіе декларации съ послѣдующими выступленіями показываетъ, какъ поведеніе кадетовъ постепенно исцѣляло с.-д. фракцію отъ мелко-буржуазныхъ миражей, какъ все громче и громче прорывались пролетарскія ноты, какъ дисциплинировало с.-д. депутатовъ сознаніе, что они должны представлять одинъ изъ отрядовъ великой интернаціональной арміи рабочаго класса.

Заявленіе раскрываетъ, какъ смотрѣло большинство с.-д. депутатовъ на обязательства, возложенныя на нихъ сотнями тысячъ пролетаріата, какое положеніе намѣрены

были занять они по отношенію къ депутатамъ другихъ партій, въ чемъ видѣли основныя задачи своей дѣятельности.

Сила интернаціональной соціалъ-демократіи въ томъ, что она является представительницей тенденцій развитія, т.-е. революціонныхъ тенденцій рабочаго класса. Сила парламентскихъ фракцій соціалъ-демократіи въ томъ, что онѣ являются постоянными выразительницами этихъ соціалистическихъ, революціонныхъ стремленій рабочаго класса. Оторвавшись отъ революціонныхъ классовыхъ стремленій пролетаріата, соціалистическія фракціи перестаютъ быть соціалистическими, т.-е. перестаютъ представлять рабочій классъ, превращаются въ малопочтенный придатокъ буржуазной демократіи, какъ бывало во Франціи. Тогда анархисты и синдикалисты въ дѣятельности такихъ соціалистическихъ по названію партій пріобрѣтаютъ опору для своей критики парламентаризма, для своего отрицанія политической дѣятельности. Если рабочій классъ по тѣмъ или инымъ причинамъ не въ состояніи подчинить себѣ депутатовъ, говорящихъ отъ его имени, онъ начинаетъ отрицать цѣлесообразность политической борьбы, становится жертвой синдикалистскихъ и анархистскихъ утопій. Такъ называемыя соціалистическія партіи поражаются безсиліемъ, энергія рабочаго класса растрачивается на попытки движенія къ соціализму безъ постоянной планомѣрной борьбы съ государствомъ.

Конечно, одно заявленіе еще не даетъ полнаго представленія о томъ, какъ была намѣрена дѣйствовать с.-д. фракція. Однако оно, несомнѣнно, подвергалось тщательному предварительному обсужденію, и потому съ большой точностью отражаетъ, какія теченія господствовали къ 6-му марта во второй с.-д. фракціи. Съ этой точки зрѣнія несомнѣнный интересъ представляетъ хотя бы краткій разборъ декларації и вступительной рѣчи Церетели, послужившей какъ бы пояснительной запиской къ сжатымъ положеніямъ декларації.

Но прежде чѣмъ переходить къ критикѣ, отмѣчу

одинъ пунктъ въ рѣчи Церетели: онъ показываетъ, что пониманіе классовой основы нашей освободительной борьбы сдѣлало нѣкоторый шагъ впередъ.

Прошлогодняя декларація увѣряла, будто „въ дѣлѣ освобожденія Россіи отъ политическаго рабства... равно заинтересованы всѣ классы населенія". „Ненависть къ нынѣшнему государственному порядку объединяетъ подавляющее большинство населенія, безъ различія классовъ". (Стенографическій отчетъ. Стр. 1403. Дальнѣйшія ссылки на первую декларацію сдѣланы по тому же изданію).

Такая освободительная маниловщина, такая демократическая наивность въ пониманіи движущихъ классовыхъ силъ революціи отчасти отвергнута новой с.-д. фракціей. Церетели въ своей рѣчи выражается нѣсколько осмотрительнѣе. Правда, сначала онъ тоже заявляетъ, что „страстнымъ стремленіемъ къ освобожденію одушевляются всѣ слои населенія". Но это „всѣ" тотчасъ же ограничивается перечнемъ: „торгово-промышленный и сельскій пролетаріатъ, широкіе слои мелкой и средней буржуазіи, многомилліонное крестьянство".

Хотя это тоже невѣрно и въ особенности не точно, однако все же много лучше, чѣмъ анти-марксистское заявленіе прошлогодней декларації.

Новѣйшая декларація объ этомъ пунктѣ совершенно умалчиваетъ. Но умолчаніе много лучше, чѣмъ то, что говорила прошлогодняя декларація.

Зато въ остальныхъ, очень существенныхъ, пунктахъ она представляетъ значительный шагъ назадъ по сравненію съ прошлогодней декларацією.

Намѣчая въ своей рѣчи политическія задачи освободительнаго движенія, Церетели взялъ исходной точкой прошлогднія слова г. Набокова: „Исполнительная власть да подчинится власти законодательной".

Это было неудачное, даже несчастное напоминаніе. Кадетское подчиненіе исполнительной власти имѣетъ очень либеральный характеръ. Оно превосходно мирится

съ существованіемъ верхней палаты, которая отвергаетъ постановленія народнаго представительства. Оно непзмѣнно подразумѣваетъ, что корона стоитъ во главѣ исполнительной и законодательной власти и по своему усмотрѣнію, однимъ росчеркомъ пера, можетъ уничтожить всѣ законодательныя предположенія народнаго представительства. Въ настоящее время кадетское подчиненіе исполнительной власти властью законодательною легко примирилось бы съ существующимъ избирательнымъ безправіемъ и съ существующимъ Государственнымъ Совѣтомъ. Пусть Дума выноситъ резолюціи объ измѣненіи избирательнаго права, объ уничтоженіи Государственнаго Совѣта: послѣдній будетъ отвергать эти резолюціи,—и все же, если министерство составлено изъ думскаго большинства, кадеты будутъ увѣрять себя и другихъ, что исполнительная власть подчиняется власти законодательной.

Кадетская формула предполагаетъ, что освободительное движеніе окончилось неудачей. Господство старыхъ классовъ не уничтожено. Движеніе не устранило ихъ: имъ пришлось только нѣсколько болѣе подѣлиться своимъ господствомъ съ буржуазіей и въ соотвѣтствіи съ этимъ измѣнить политическую форму своего господства. Не побѣду, а пораженіе демократическаго движенія ознаменуетъ осуществленіе кадетской формулы.

Но разъ Церетели началъ напоминаніемъ кадетскаго требованія, то и всѣ его слѣдующія слова окрасились въ кадетскій цвѣтъ. Знаменательно, что когда Церетели произнесъ слова: „Въ единеніи съ народомъ, связавшись съ народомъ, законодательная власть да подчинитъ себѣ исполнительную“,—его встрѣтили протесты справа и—аплодисменты всей Думы. Аплодируя Церетели, кадеты совершенно обезвредили тѣ невинныя украшенія, которыми Церетели снабдилъ набоковскую формулу. Либеральные буржуа „объединились“ съ соціалъ-демократами на общей — кадетской — платформѣ, противъ чего такъ единодушно высказалась послѣдняя общепартійная конференція и потомъ еще разъ не менѣе единодушно

высказалась партійная печать, когда Плехановъ предложилъ оппозиціоннымъ партіямъ объединиться въ избирательной кампаніи на общей платформѣ.

Предыдущее сказано не въ упрекъ лично Церетели. Онъ блестяще исполнилъ порученіе, возложенное на него фракціей Онъ не позволилъ себѣ никакихъ уклоненій отъ декларацiи. Мало того: только-что приведенныя слова Церетели еще допускаютъ маленькую возможность не-кадетскаго истолкованія. Напротивъ, декларація совсѣмъ уже по обывательски говоритъ о подчиненіи исполнительной власти Государственной Думѣ. На этомъ заканчивается изложеніе политическихъ задачъ нашей революціи. Политическій кругозоръ представителей революціоннаго класса не идетъ дальше министерства, составленнаго изъ гг. Головина, Березина, Познанскаго, Челнокова.

И въ то же время вѣрный выразитель мнѣній большинства с.-д. думской фракціи заявляетъ, что звѣрства истекшихъ семи мѣсяцевъ—„послѣдняя, отчаянная попытка крѣпостнической бюрократіи остановить историческое движеніе“. Въ то же время онъ совершенно опредѣленно говоритъ, что это движеніе—не кадетскій черепашій шагъ, а революціонное движеніе (.... „тѣмъ глубже растетъ революціонное движеніе“ и др. мѣста). Мы присутствуемъ при умилительномъ для либеральныхъ сердецъ зрѣлищѣ: представители революціоннаго класса въ революціонный періодъ пишутъ на своемъ знамени только одно, кадетское требованіе: подчиненіе исполнительной власти Государственной Думѣ, созванной на основѣ чудовищнаго избирательнаго закона, — и ничего больше.

Было бы до извѣстной степени постижимо, если бы с.-д. декларація выдвинула требованіе отвѣтственнаго министерства какъ промежуточное, переходное требованіе, если бы его осуществленіе изображалось какъ одинъ изъ этаповъ въ развитіи революціи, какъ временная точка опоры въ борьбѣ за учредительное собраніе. Можно было бы сомнѣваться въ реалистичности этого требова-

ія. Можно было бы утверждать, что пролетарскій реализмъ, который смотритъ впередъ, собирается здѣсь ступить мѣсто буржуазному оппортюнизму, который трусливо оглядывается назадъ, никогда не дерзаетъ рѣшительно порвать съ классомъ, господствующимъ въ данный моментъ, и даже вступая въ битву, заботится не столько объ организаціи наступленія, сколько о томъ, чтобы обезпечить линію отступленія и поскорѣе покончить борьбу на унизительномъ компромиссѣ. Можно было бы сказать въ крайнемъ случаѣ, что нецѣлесообразно одну изъ сомнительныхъ возможностей дѣлать лозунгомъ, хотя бы и переходнымъ, развивающейся революціонной борьбы.

Можно очень рѣшительно возставать противъ этого лозунга, какъ лозунга,—но въ концѣ-концовъ можно бы терпѣть его именно какъ промежуточный лозунгъ. Между тѣмъ въ новой декларации это—единственный политическій лозунгъ.

Не удивительно, что соотвѣтствующему мѣсту въ рѣчи Церетели апплодировала вся Дума, за исключеніемъ крайнихъ правыхъ. Соціалъ-демократія, выдвигая исключительно кадетскій лозунгъ, безпомощно плетется за кадетами, превращается въ простую поддерживательницу кадетовъ. Утвержденіе декларации, что пролетаріатъ „игралъ, играетъ и будетъ играть главную роль въ дѣлѣ всероссійскаго освобожденія“, звучитъ послѣ этого необоснованной фразой; его роль принижается до роли пушечнаго мяса въ буржуазной революціи, политическія задачи которой заканчиваются для авторовъ декларации на созданіи либеральнаго министерства.

Въ этомъ пунктѣ новая декларація представляетъ, по сравненію съ прошлогодней, серьезный шагъ вправо, къ либеральной буржуазіи отъ революціоннаго пролетаріата. Въ прошломъ году фракція во всеуслышаніе заявила: „Однако органомъ, который можетъ осуществить всѣ эти требованія, можетъ явиться не нынѣшняя безправная Государственная Дума, а полновластное учредительное собраніе“ и т. д. Твердо намѣтивъ такимъ образомъ условія рѣшительной побѣды надъ старымъ стро-

емъ, с.-д. депутаты дѣйствительно показали, что пролетаріатъ идетъ во главѣ освободительной борьбы. Въ то же время побѣдѣ Государственной Думы надъ министерствомъ они не придавали такого исключительнаго значенія, какъ новѣйшая декларація. Эта побѣда „может явиться этапомъ борьбы народа за учредительное собраніе“ (Стенографическій отчетъ, стр. 1404). Слѣдовательно, это лишь одна изъ возможностей, и только.

Совершенно непонятно, чѣмъ можно было бы оправдать отступленіе новой декларації и отъ прошлогодней декларації и отъ тѣхъ директивъ, которыя были даны послѣднимъ общепартійнымъ съѣздомъ, и отъ подчиненія которымъ могъ бы освободить с.-д. фракцію лишь новый, общепартійный же съѣздъ.

Но еще печальнѣе другое отступленіе. Прошлогодняя декларація опредѣленно и ясно говорила, что с.-д. фракція представляетъ рабочій классъ, который ведетъ борьбу „за свое полное освобожденіе отъ ига капитала“. Она прямо заявляла, что сліяніе рабочаго класса съ другими классами и слоями „не только ослабило бы борьбу рабочаго класса за неограниченную политическую свободу, но и сдѣлало бы невозможной борьбу пролетаріата за конечную цѣль—соціализмъ“. Она, къ великому неудовольствію господъ либеральныхъ буржуа, возвѣщала о пролетарской партіи какъ самостоятельной политической партіи.

Въ новой декларації эти идеи, необходимый элементъ всякой с.-д. декларації, совершенно отсутствуютъ. О классовыхъ стремленіяхъ и задачахъ пролетаріата, о соціализмѣ—ни звука. Получилась не соціалъ-демократическая, а обще-демократическая декларація. Соціалъ-демократія растворяется декларацією въ буржуазной демократіи. Представители пролетаріата не выдвигаютъ специфически пролетарскихъ идеаловъ и требованій.

Ревизіонисты и реформисты увѣряютъ, будто конечная цѣль, соціализмъ,—ненужная принадлежность въ

соціалъ-демократическихъ программахъ и декларацiяхъ. Конечную цѣль можно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и должно припрятать.

Но разсуждать такъ можетъ только буржуазная близорукость. Пролетарiатъ, достигнувъ классоваго самосознанія, великой цѣлью борьбы ставитъ не ограниченіе, а уничтоженіе эксплуатацiи. Всѣ завоеванія, которыя онъ дѣлаетъ въ своей политической и экономической борьбѣ, являются для него въ первую очередь лишь устраненіемъ препятствій, ослабляющихъ его боевую позицію, лишь точкой опоры въ его борьбѣ за соціализмъ. Въ этомъ его классовое отличіе отъ пошлыхъ реформистовъ, которые привѣтствуютъ всякую реформу, какъ нѣчто „положительное“, т.-е. какъ нѣчто устраняющее поводъ къ пролетарской борьбѣ, какъ нѣчто укрѣпляющее буржуазную собственность и буржуазное общество.

Представители пролетарiата должны были выразить въ своей декларацiи это великое отличіе, эту великую идею рабочаго класса. Они этого не сдѣлали. Они выступили съ обще демократической декларацiей. Мелкобуржуазныя тенденцiи, демократическія стремленія демонстрировать единство „всей оппозицiи“ одержали къ 6-му марта полную побѣду надъ пролетарскими тенденцiи, совершенно заглушили классовыя стремленія пролетарiата.

Въ слѣдующіе дни отдѣльные депутаты,—напр., Алексинскій, Сѣровъ въ преніяхъ по продовольственному вопросу,— въ рѣшительной формѣ напомнили, что основная цѣль пролетарской борьбы — соціализмъ, уничтоженіе классового расчлененія общества. Но это были заявленія отдѣльныхъ депутатовъ, а не всей фракцiи. Остается фактомъ, что первое выступленіе всей фракцiи было демократическое, а не соціалъ-демократическое. И только ясность партійныхъ отношеній, сложившихся въ Думѣ, помогла большинству с.-д. фракцiи съ такой быстротой выбиться на путь представительства пролетарскаго класса.

* * *

P. S. Предыдущая глава была набрана, когда въ газетѣ „Народная Дума“ (№ 17) появилось изложеніе „второго письма комитета фракціи ко всѣмъ партійнымъ организаціямъ“. Письмо вполнѣ подтверждаетъ всѣ предположенія предыдущей главы. На фракціонномъ совѣщаніи предложеніе выдвинуть пролетарскую, соціалистическую точку зрѣнія было отвергнуто. Побѣдило демократическое предложеніе центральнаго комитета, въ которомъ рѣшительное преобладаніе принадлежитъ меньшевикамъ: „Основной цѣлью выступленія должно быть нанесеніе возможно болѣе сильнаго удара правительству“. Эта же цѣль, согласно демократическимъ воззрѣніямъ, лучше всего достигается „сплоченіемъ въ противовѣсъ министерству всѣхъ оппозиціонныхъ силъ Думы“.

Передъ нами ясно вырисовывается та приманка, на которую либеральнымъ буржуа удается поймать простодушныхъ мелко-буржуазныхъ демократовъ, передъ лицомъ „правительства самодержавной бюрократіи должны стушеваться всѣ особыя классовыя стремленія“. Письмо не безъ нѣкотораго самодовольства добавляетъ, что такая позиція с.-д. фракціи „даетъ гораздо больше для ...в о с п и т а н і я пролетаріата, чѣмъ программная лекція съ думской трибуны“. Ироническое отношеніе къ программнымъ рѣчамъ неумѣстно въ партійномъ с.-д. документѣ. Намъ было бы пріятнѣе встрѣтить такое подхихикиваніе въ какой нибудь „Рѣчи“, а не въ письмѣ партійнаго с.-д. учрежденія. По существу же авторамъ слѣдовало бы вспомнить, что сознательный пролетаріатъ посылаетъ въ Думу своихъ представителей не для того, чтобы они „воспитывали“ его (и эту идею и способъ ея выраженія мы опять-таки могли бы предоставить въ исключительное пользованіе просвѣщенныхъ либеральныхъ и демократическихъ буржуа), а для того, чтобы они были выразителями его пролетарскаго классового самосознанія. И для меня до крайности любопытно, какъ стали бы доказывать авторы письма ту диковинную мысль,

что для прояснения классового сознанія рабочихъ массъ полезнѣе всего помолчать о классовыхъ стремленіяхъ пролетаріата.

V. Продовольственный вопросъ.

Первобытныя формы эксплуатаціи, господствующія въ современной Россіи, неизбѣжно приводятъ страну къ разоренію, къ полному разстройству народнаго хозяйства, къ упадку производительныхъ силъ, къ хроническимъ неурожаямъ и голодовкамъ. Въ особенно тяжеломъ положеніи оказалась Россія въ настоящемъ году. Неурожай текущаго года охватилъ сорокъ губерній съ населеніемъ болѣе 99-ти милліоновъ человѣкъ. Недоборъ зерна въ этомъ году, по сравненію съ средней урожайностью въ послѣднее пятилѣтіе, достигаетъ до 672-хъ милліоновъ пудовъ. Въ голодающей деревнѣ свирѣпствуютъ тифъ, цынга. Между тѣмъ частная помощь голодающимъ и недостаточна, и не всегда возможна, такъ какъ администрація порою ставитъ ей на пути непреодолимыя препятствія, закрывая столовыя для голодающихъ, сажая въ тюрьмы организаторовъ помощи голоднымъ и т. д. А правительственной помощью пользуются разные мошенники и грабители, благодаря чему голодающіе продовольственную помощь за счетъ казны получаютъ въ недостаточномъ количествѣ, въ зернѣ оказывается больше мусора, чѣмъ хлѣба. Зато у правительства нѣтъ недостатка въ совѣтахъ голоднымъ о томъ, какъ они могутъ питаться *хлѣбомъ изъ соломы*. Въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“, издающемся при „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и получаемомъ во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ, рекомендуется голоднымъ крестьянамъ молоть солому и примѣшивать въ нее ржаной муки. „Для этого можетъ служить солома ржи, пшеницы и овса, слѣдуетъ давать предпочтеніе соломѣ овсяной“. Для больныхъ и дѣтей солому нужно приправлять

„льняными жмыхами“. Словомъ, для начальства нѣтъ существенной разницы между мужикомъ и скотиной.

Члены Государственной Думы съ первыхъ же дней своего появленія въ Таврическомъ дворцѣ не могли не обратить вниманія на продовольственный вопросъ. И какъ только въ Думѣ были покончены вопросы формальнаго свойства (выборы предсѣдателя Думы, его товарищей, секретаря Думы и его помощниковъ, повѣрка полномочій депутатовъ и т. д.), она въ первую же очередь поставила на обсужденіе вопросъ о голодѣ.

Засѣданія Государственной Думы 7-го и 9 го марта были посвящены почти цѣликомъ вопросу о помощи голодающимъ. На этихъ засѣданіяхъ Дума раздѣлилась на два лагеря: правительственный и противоправительственный. Во главѣ одного лагеря были соціалъ-демократы, настаивавшіе на томъ, чтобы Дума дѣло помощи голодающимъ взяла въ свои руки и, установивъ непосредственную связь съ народными массами, оказывала бы продовольственную помощь черезъ крестьянскіе комитеты. Во главѣ другого лагеря оказались кадеты, къ которымъ охотно присоединилось правительство. Вмѣстѣ съ кадетами голосовали черносотенцы, октябристы, поляки, безпартійные и часть трудовиковъ; съ соціалъ-демократами большинство трудовиковъ, мусульманъ, народные соціалисты и соціалисты-революціонеры.

Седьмого марта споры о голодѣ носили довольно безпорядочный характеръ. Случилось это потому, что къ моменту открытія засѣданія Дума не имѣла опредѣленныхъ предложеній о разрѣшеніи продовольственнаго вопроса. Предложенія эти поступили уже во время преній по вопросу.

Правые депутаты и часть центра старались оттянуть и затормозить обсужденіе вопроса, указывая на то, что на очереди стоятъ выборы въ библіотечную и др. комиссіи. Но депутатъ Жигилевъ (с.-д., рабочій) горячо протестовалъ противъ этого: „Меня страшно удивляетъ, что нѣкоторые представители въ Госуд. Думѣ говорятъ, что намъ-де нужно заняться библіотечной комиссіей.

Господа, обратите вниманіе на то, что тысячи и милліоны крестьянъ помираютъ съ голода, что голодной смертью помираютъ также тысячи рабочихъ, и въ такое время вы предлагаете заниматься перекладываніемъ книгъ изъ ящика въ ящикъ! Время ли теперь перекладывать книги, когда тысячи крестьянъ гибнутъ отъ голода? Когда правительство ссылаетъ въ Сибирь и заключаетъ въ тюрьмы тѣхъ, кто желаетъ помочь голодающимъ дѣтямъ крестьянъ и рабочихъ... Вы знаете, сколько карательныхъ экспедицій было послано въ русскую страну и что онѣ тамъ натворили, чтобы не дать возможности удовлетворить нужды голоднаго населенія? И въ такое время господа Гурко и др. разгуливаютъ по странѣ и проматываютъ народныя деньги, которыя имъ были даны, чтобы утолить голодъ народа. Утолили ли они этотъ голодъ? Нѣтъ, они прокутили эти деньги съ Лидвалями, а народъ умираетъ съ голода".

Споры по продовольственному вопросу въ засѣданіяхъ думы 7 и 9 марта свелись, главнымъ образомъ, къ борьбѣ между кадетами и соціалъ-демократами.

Въ засѣданіи 7 марта соціалъ-демократы внесли на разсмотрѣніе Думы слѣдующее предложеніе:

„Соціалъ-демократическая фракція предлагаетъ Думѣ образовать продовольственную комиссію при Думѣ, которой поручить: 1) подвергнуть тщательному разсмотрѣнію дѣйствія правительства по оказанію помощи голодающимъ за 1905 и 1906 года и разслѣдовать правильность израсходованія имъ денежныхъ средствъ, при чемъ это разслѣдованіе произвести не только путемъ разсмотрѣнія отчетности, но и провѣркой на мѣстахъ; 2) сосредоточить всѣ свѣдѣнія о голодѣ, безработицѣ, повышеніи цѣнъ на жизненные припасы для доставленія Думѣ всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для обсужденія наилучшей формы оказанія помощи голоднымъ и безработнымъ. Собираніе этихъ свѣдѣній производить не только использованіемъ печатныхъ источниковъ, но и путемъ разслѣдованія на мѣстахъ".

Поясняя это предложеніе, депутатъ Алексинскій,

между прочимъ, говорилъ: „Мы должны прямо и честно сказать народу, какъ онъ самъ можетъ помочь себѣ въ его бѣдѣ, какъ онъ долженъ поступить, чтобы ему была оказана та помощь, которая ему нужна“. Первымъ шагомъ къ этому можетъ быть учрежденіе при Думѣ комиссіи, которая бы объяснила положеніе голодающихъ, опредѣлила бы коренныя причины голодовки и отыскала бы экстренныя мѣры для спасенія отъ гибели тысячъ, десятковъ тысячъ жизней. „Внося это предложеніе, я увѣренъ, что большинство высокой палаты его поддержитъ. Я увѣренъ, что палата не сочтетъ себя въ правѣ уклониться отъ постановки этого вопроса. Если же она уклонится, то судьей ей будутъ рабочіе и крестьяне. Одному изъ депутатовъ соціалъ-демократовъ былъ данъ наказъ избравшими его рабочими и въ этомъ наказѣ было сказано: „Если вы не будете отстаивать народныхъ требованій, если вы отступите на одинъ шагъ то мы будемъ судить васъ, но это будетъ не судъ правительственный, а это будетъ судъ народа и этотъ судъ страшнѣе всѣхъ судовъ“.

Джапаридзе, развивая и обосновывая предложеніе соціалъ-демократовъ, настаивалъ на томъ, чтобы дума ясно и опредѣленно высказалась о своемъ отношеніи къ голоду. „Какъ же Дума должна отнестись къ этому факту?—спрашивалъ Джапаридзе. Одни говорятъ: „мы должны накормить голодныхъ“. Къ несчастью, Дума этого сдѣлать не можетъ, и мы, соціалъ-демократы, считаемъ своимъ долгомъ предъ лицомъ всей страны заявить, что Дума не можетъ накормить голодныхъ. Говорятъ, что мы должны контролировать правительство. Да, дѣйствительно, должны контролировать, но этимъ ограничиться мы не можемъ... Можетъ ли такая провѣрка привести къ желаннымъ результатамъ. Вѣдь намъ придется провѣрять Гурко, Лидваля и Фредерикса по отчетамъ, составленнымъ самими Гурко, Лидвалемъ и Фредериксомъ. Можемъ ли мы, не обманывая народъ, утверждать, что мы установили контроль. Мнѣ кажется, мы этого не можемъ, и, думаю, что Дума этого не сдѣлаетъ. Даже,

повторяю, если бы мы задались цѣлью только контролировать дѣйствія правительства, даже съ этой точки зрѣнія намъ необходимо широко разслѣдовать дѣло на мѣстахъ, если мы хотимъ, дѣйствительно, разслѣдовать, а не бюрократически подписывать бумаги, которыя Фредериксъ будетъ подсовывать о своей собственной дѣятельности"... Говорятъ, что депутатамъ на мѣстахъ чиновники и учрежденія не будутъ давать отчетовъ. „По-моему такъ и будетъ, но на этомъ основаніи мы не должны отказываться отъ своей задачи. Не должны потому, что на этомъ вопросѣ мы вѣдь можемъ раскрыть глаза народу. Мы должны показать голоднымъ, что дѣйствительно хотимъ контролировать власть на мѣстахъ, какъ и власть центральную. Мы можемъ дать комиссіи только два порученія: контролировать дѣятельность правительства не только по оффиціальнымъ книгамъ, но и путемъ разслѣдованія на мѣстахъ и собрать матеріалы, изслѣдующіе причины голода. Въ комиссіи мы будемъ отстаивать передачу правительствомъ дѣла не земствамъ, какъ предполагаетъ министерство, а мѣстнымъ крестьянскимъ комитетамъ, которые будутъ избраны на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Таковы, значитъ, тѣ задачи, которыя мы хотимъ возложить на эту комиссію, таковы директивы для этой комиссіи".

Такимъ образомъ предложеніе соціалъ-демократовъ по существу сводилось къ слѣдующему. Необходимо выбрать продовольственную комиссію изъ членовъ Г. думы. Эта комиссія должна раскрыть истинную причину голода, показать всему міру настоящихъ виновниковъ народнаго бѣдствія. И когда это будетъ сдѣлано, то всѣмъ станетъ ясно и понятно, что веденіе продовольственнаго дѣла подъ силу только самому народу и его выборнымъ. И тогда правительстно будетъ вынуждено выпустить изъ своихъ рукъ дѣло помощи голоднымъ и передать его въ руки самого народа. Тогда будутъ приняты серьезныя мѣры для устраненія самыхъ причинъ голода. А на первыхъ порахъ для дѣйствительной помощи голодающимъ необходимъ строжайшій контроль

надъ дѣйствіями администраціи въ дѣлѣ продовольственномъ вплоть до контроля властей на мѣстахъ.

Правые никакой инициативы въ рѣшеніи продовольственнаго вопроса не проявили.

Трудовики и соціалисты-революціонеры внесли свои предложенія, но защищали ихъ слабо. Ихъ самостоятельное выступленіе носило формальный характеръ. Народные соціалисты съ незначительной оговоркой присоединились къ предложенію соціалъ-демократовъ. Зато кадеты 7 и 9 марта вели упорную борьбу противъ предложенія соціалъ-демократовъ.

Въ засѣданіи 7 марта они дѣлали видъ, что совсѣмъ не понимаютъ предложенія соціалъ-демократовъ „Что же будетъ дѣлать комиссія о помощи голодающимъ?“ — съ притворной наивностью спрашивалъ г. Родичевъ.

На этотъ простой и ясный вопросъ депутатъ рабочей партіи Алексинскій далъ такой отвѣтъ: „комиссія прежде всего должна заняться обслѣдованіемъ положенія голодающихъ крестьянъ, а затѣмъ заняться вопросомъ объ изысканіи средствъ для организаціи помощи въ новыхъ, болѣе широкихъ формахъ. Вотъ наша непосредственная задача“.

По кадетамъ это предложеніе показалось страшнымъ. Они стали увѣрять, что Г. Дума не въ силахъ узнать, въ какомъ положеніи находятся голодающіе. Не въ силахъ Дума также взять въ свои руки и дѣло помощи голодающимъ. „Господа,—говорилъ кадетъ Родичевъ,—мыслимо ли это? Что это значитъ? Взять въ руки дѣло голода, не внося новаго законопроекта?! Взять въ руки власть министерства внутреннихъ дѣлъ, побороть его?! Господа! Всѣ ваши разсужденія, хотя бы они шли изъ глубины сердца и были подкрѣплены сотнями просьбъ, къ этому не приведутъ... Если вы сдѣлаете соотвѣтствующее постановленіе, то это постановленіе останется на бумагѣ, это будетъ простое сотрясеніе воздуха... Разсужденія такія будутъ свидѣтельствовать не только о политическомъ безсиліи думы, это будетъ свидѣтельствовать о ея умственномъ безсиліи“...

Въ чемъ же заключается политическая мощь и умственная сила Государственной Думы?

На этотъ вопросъ кадеты устами своего докладчика, того же г. Родичева, сказали: не надо разслѣдовать причинъ голода; Думѣ незачѣмъ узнавать, какъ живется голодающимъ, Дума не должна брать въ свои руки дѣло помощи голодающимъ.

Что же тогда должна дѣлать Г. Дума? Оказывается, что она должна „слѣдить за законностью дѣйствій власти и за исполненіемъ государственной росписи. Дума не только въ правѣ, она обязана требовать отчета о расходованіи суммъ изъ государственнаго казначейства и убѣдиться въ правильности этого расходованія. То, что мы знаемъ о продовольственной кампаніи, обязываетъ насъ ознакомиться съ этимъ дѣломъ и выяснить его со всѣхъ сторонъ. Мы должны потребовать отчета о продовольствованіи крестьянъ .. Мы предлагаемъ выбрать комиссію изъ 33 лицъ для разсмотрѣнія, согласно закону, отчета министерства внутреннихъ дѣлъ о продовольственной операціи и изслѣдовать ходъ продовольственнаго дѣла въ кампаніи 1906—1907 гг. Господа, это все, что мы, въ рамкахъ закона, можемъ сдѣлать въ этомъ дѣлѣ... Путь, который мы имѣемъ, путь, который намъ указанъ закономъ, ясенъ и простъ. Это путь отчета и контроля“.

Такъ говорили кадеты въ засѣданіи 7 марта.

Для лѣвыхъ было ясно, что кадеты окончательно рѣшили пойти на примиреніе съ правительствомъ.

Классовый характеръ партіи кадетовъ и ихъ солидарность съ начальствомъ съ особой силой сказались въ засѣданіи Думы 9 марта. Въ этотъ день к.-д. г. Родичевъ съ первыхъ же словъ своего доклада всталъ на путь благонадежности и умѣренности. Очень длинно и неубѣдительно доказывалъ онъ, что Дума не можетъ и не имѣетъ права по закону брать на себя организацію помощи голодающимъ, а поѣздки депутатовъ на мѣста— безполезны, такъ какъ имъ ничего тамъ не удастся сдѣлать: мѣстныя власти откажутся имѣть съ ними дѣло, и этимъ будетъ подорванъ авторитетъ Г. Думы. „По

совѣсти я думаю, — говорилъ Родичевъ, — что посылка странствующихъ контролеровъ отъ думы — предпріятіе не государственное. Это была бы только демонстрація и при томъ чрезвычайно вредная. Намъ нѣтъ никакой нужды посылать членовъ думы на мѣста, постигнутыя неурожаемъ, для контроля надъ администраціей и для наблюденія за дѣятельностью министерства въ продовольственной кампаніи. Намъ нѣтъ никакой нужды, ни логической возможности посылать ихъ куда-нибудь, кромѣ какъ здѣсь въ Петербургѣ, для того, чтобы здѣсь, на мѣстѣ, просматривать дѣятельность министерства".

Въ окончательной формѣ кадетское предложеніе было г. Родичевымъ выражено такъ: „На основаніи ст. 5 положенія о Государственной Думѣ и § 3 правилъ о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи, независимо отъ общей бюджетной комиссіи, образовать особую комиссію изъ 22 лицъ, избираемыхъ отдѣлами, для разсмотрѣнія ассигнованнаго по росписи кредита на продовольственное дѣло, въ связи съ общей постановкой продовольственной операціи".

Такая благонамѣренная постановка вопроса привлекла къ кадетамъ сердца всѣхъ черносотенцевъ и правительства.

Черносотенецъ Пуришкевичъ, огрызнувшись на лѣвыхъ, заявилъ: „Я всецѣло присоединяюсь къ тому взгляду, который былъ высказанъ товарищемъ Родичевымъ" (*Громкій смѣхъ на скамьяхъ лѣвой и центра, при словахъ: „товарищемъ Родичевымъ"*). А предсѣдатель совѣта министровъ г. Столыпинъ отъ имени правительства сказалъ: „Я заявляю, что правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ предложенію, внесенному членомъ Государственной Думы Родичевымъ".

Такимъ образомъ на этотъ разъ кадеты въ Думѣ собрали вокругъ себя всѣхъ представителей и защитниковъ собственности до погромщиковъ и г. Столыпина включительно.

Что заставило кадетовъ, называющихся партіей народной свободы, пойти противъ лѣвыхъ, этихъ истинныхъ выразителей воли рабочихъ и крестьянъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, депутатъ Алексинскій сказалъ: „Я нисколько не удивился, что противъ нашей постановки вопроса голосовалъ центръ вмѣстѣ съ представителями крайней правой. Такъ бываетъ всегда. Объединеніе центра съ лѣвой возможно, когда выбираютъ предсѣдателя или рѣшаютъ формальные вопросы. Но когда встаютъ вопросы желудка и голода, тогда раздѣленіе на сытыхъ и голодныхъ, богатыхъ и неимущихъ, пролетаріевъ и представителей буржуазіи даетъ себя знать. И тогда палата дѣлится иначе, чѣмъ при вопросахъ формальнаго свойства. Быть можетъ, черезъ два—три дня, вмѣстѣ съ кадетскимъ центромъ мы будемъ голосовать законопроектъ о неприкосновенности личности или за другіе политическіе вопросы, но какъ только встанетъ передъ нами вопросъ экономическій, вопросъ желудка, опять при голосованіи получится то раздѣленіе, которое получается теперь. Таковы общіе исторические законы. Мы, соціалъ-демократы, не удивляемся, что получается умилительная картина, когда партія народной свободы (т.-е. кадеты) голосуетъ вмѣстѣ съ тѣми, кто народной свободы не желаетъ“.

Въ вопросѣ о продовольствіи классовой интересъ, интересъ и инстинктъ собственника поставилъ кадетовъ на одну доску съ союзомъ русскаго народа. Кадеты испугались предложенія соціалъ-демократовъ о томъ, чтобы дѣло народа, дѣло помощи голоднымъ, Дума взяла въ свои руки. Кадеты воспротивились посылкѣ депутатовъ на мѣста и разслѣдованію дѣйствій провинціальной власти въ дѣлѣ помощи голоднымъ. Это и понятно. Дѣло, конечно, вовсе не въ томъ, что провинціальныя власти не будутъ оказывать содѣйствія депутатамъ при разслѣдованіи злоупотребленій, о чемъ такъ безпокоился г. Родичевъ. „Содѣйствія власти“, безъ чего кадеты шагу не могутъ ступить, какъ показала ихъ прошлогодняя поѣздка въ Бѣлостокъ, с.-д. депутаты вовсе не ждутъ и не желаютъ ея; напротивъ, они знаютъ, что встрѣтятъ всяческія „противодѣйствія“, и это ихъ нисколько не безпокоитъ. Въ вопросѣ о поѣздкѣ

депутатовъ на мѣста кадеты увидѣли стремленіе соціалъ-демократовъ будить сознаніе въ народѣ и организовать его для полной побѣды надъ старымъ порядкомъ.

Въ первой Думѣ кадеты воспротивились предложенію трудовиковъ образовать на мѣстахъ комитеты на основѣ всеобщаго избирательнаго права для разрѣшенія земельнаго вопроса, такъ какъ боялись, что эти комитеты явятся органами революціи и провозгласятъ передачу народу земли безъ выкупа. Точно также и вопросъ объ устройствѣ на мѣстахъ крестьянскихъ комитетовъ, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ, для помощи голодающимъ пришелся не по нутру кадетамъ: въ этихъ комитетахъ они увидѣли намѣреніе лѣвыхъ содѣйствовать развитію революціи. Вотъ почему кадеты забили въ Думѣ тревогу, когда зашла рѣчь о томъ, чтобы дѣло помощи голоднымъ вырвать изъ рукъ Фредериксовъ и передать его въ руки народа и его выборныхъ. Вотъ почему кадеты рѣшили, что голодныхъ попрежнему должны кормить господа Гурки, Лидвали и Фредериксы, а Дума будетъ только провѣрять ихъ бумажные отчеты—правильно ли сходятся приходъ съ расходомъ. „Мы здѣсь, на мѣстѣ, въ Петербургѣ будемъ просматривать дѣятельность министровъ“ при помощи бумажнаго контроля, говорилъ г. Родичевъ.

То ли дѣло — сидѣть въ мягкихъ креслахъ петербургскихъ канцелярій и безмятежно критиковать и контролировать Столыпина, — занятіе безвредное и достойное благородныхъ господъ, играющихъ съ серьезнымъ лицомъ въ парламентъ. А главное, въ канцеляріяхъ спокойно и уютно. На мѣстахъ же, особливо среди голодныхъ и безработныхъ, никакой пріятности: черинь — вѣдь она безпокойная, того и гляди проявитъ неуваженіе къ депутатамъ, чѣмъ подорветъ авторитетъ Думы; еще будетъ бунтовать, предъявлять разныя требованія, несогласныя съ закономъ и волей Пуришкевича и Столыпина. Что тогда дѣлать благовоспитаннымъ кадетамъ? Не къ начальству же за помощью обращаться. Нѣтъ, ужъ лучше изъ канцелярій „помогать“ народу.

Вотъ какъ хотятъ кадеты кормить голодающихъ крестьянъ. Послѣ этого не удивительно, что гг. Пуришкевичъ и Столыпинъ выразили свое согласіе съ кадетами, которые, какъ и правительство, страшно боятся народа.

И при этомъ еще г. Гессенъ цинично бросаетъ въ сторону соціалъ-демократовъ: „Что если вмѣсто кормленія голодныхъ хлѣбомъ, мы подвергнемъ ихъ разстрѣламъ... Могутъ ли представители соціалъ-демократовъ взять на себя отвѣтственность за это народное движеніе?...“

У кадетовъ хватаетъ совѣсти и стыда говорить такія вещи, у нихъ хватаетъ мужества свалить на головы соціалъ-демократовъ отвѣтственность за преступленія правительства. Да, „крестьяне сумѣютъ разобраться, кто ихъ другъ, кто заботится объ ихъ благѣ“: тѣ ли, кто черезъ головы народа заключаетъ союзы съ г. Столыпинымъ и черной сотней, или тѣ, кто идетъ къ народу, чтобы прямо сказать ему, что, если онъ самъ себѣ не поможетъ, никто ему не поможетъ.

9-го марта кадеты побѣдили: ихъ предложеніе было принято большинствомъ Думы. Предложеніе соціалъ-демократовъ о посылкѣ депутатовъ на мѣста было провалено большинствомъ 287 членовъ Думы противъ 168 членовъ.

Такимъ образомъ дѣло помощи голоднымъ, вѣрнѣе — все продовольственное дѣло попрежнему останется въ рукахъ господъ Гурко, Литвалей и Фредериксовъ. Роль и значеніе Государственной Думы въ немъ будетъ ничтожной и жалкой почти до смѣшного: Дума будетъ провѣрять бумажные отчеты чиновниковъ, что ни въ чемъ не измѣнитъ положенія дѣла.

Черносотенныя газеты восхваляютъ политическую мудрость кадетовъ за то, что они „рѣшительно воспротивились всякимъ революціоннымъ авантюрамъ, въ родѣ посылки депутатовъ на мѣста“. А въ „Новомъ Времени“ лакеи и приспѣшники г. Столыпина не нахвалятся кадетами: „Этимъ шагомъ кадеты стали на вѣрный путь“.

Рабочимъ и крестьянамъ необходимо помнить, что

9-го марта въ Россіи намѣтился новый политическій союзъ, въ который вошли кадеты и черносотенцы со своимъ главнымъ начальствомъ.

VI. Классовая основа политическихъ партій.— Вопросъ о военно-полевыхъ судахъ въ Г. Д.

Вопросъ о военно-полевыхъ судахъ принадлежитъ на первый взглядъ къ числу тѣхъ элементарнѣйшихъ вопросовъ, на которыхъ съ самаго начала объединяется вся оппозиція. Соціалъ-демократъ при постановкѣ этого вопроса, повидимому, можетъ преспокойно забыть на время, что онъ представитель рабочаго класса, который борется за уничтоженіе всякаго насилія человѣка надъ человѣкомъ, какія бы формы ни принимало оно; онъ можетъ на этотъ разъ отбросить представительство новаго, пролетарскаго, соціалистическаго міра и оказать полную и безусловную поддержку идеологамъ буржуазнаго міра, не смущаясь зіяющими противорѣчіями, которыя въ другихъ отношеніяхъ раздѣляютъ буржуа и пролетаріевъ, капитализмъ и соціализмъ. Поставленный лицомъ къ лицу передъ гнуснѣйшими, варварскими формами насилія, соціалъ-демократъ можетъ просто, какъ демократъ, какъ человѣкъ вообще, присоединиться къ господамъ буржуа, осуждающимъ безчеловѣчныя формы насилія. Если не на продовольственномъ, не на бюджетномъ вопросѣ, то на вопросѣ о военно-полевыхъ судахъ оппозиціонная и революціонная части Думы ужъ во всякомъ случаѣ могутъ и должны демонстрировать свое единство противъ „крѣпостнической бюрократіи".

При такой точкѣ зрѣнія, соціалъ-демократіи не остается ничего иного, какъ только поддержать либеральное предложеніе, и, самое большее, въ той или иной мѣрѣ расширить его. Если кадеты, напр., требуютъ отмѣны военно-полевыхъ судовъ, то соціалъ-демократическая фракція вноситъ предложеніе о полномъ уничтоженіи

подсудности гражданскихъ лицъ военно-окружнымъ судамъ. Если кадеты присоединяются къ этому предложенію, соціалъ-демократы ставятъ вопросъ объ уничтоженіи всѣхъ положеній объ усиленной, военной и прочихъ охранахъ [1]).

Ничего не имѣя противъ расширенія либеральныхъ предложеній, все же нельзя не выступить противъ такого затушевыванія различій между буржуазіей и пролетаріатомъ. Различіе между ними не только количественное—какъ предполагаетъ тактика исключительно расширенія кадетскихъ предложеній, — но и качественное. Потому оно можетъ и должно найти выраженіе не только въ радикализмѣ требованій, но и въ особомъ способѣ ихъ обоснованія, въ принципіальной, соціалистической критикѣ кадетскихъ предложеній и кадетской мотивировки.

При извѣстныхъ условіяхъ буржуазныя партіи могутъ выступить за проведеніе въ законодательномъ порядкѣ 9-часового рабочаго дня. При наличности опять-таки извѣстныхъ конкретныхъ условій, соціалъ-демократическіе депутаты, не оставляя борьбы за 8-часовой день, при голосованіи могутъ присоединиться къ требованію 9-часового рабочаго дня. Но никому изъ соціалъ-демократовъ не придетъ въ голову утверждать, что представители пролетаріата демонстрировали свою солидарность съ представителями буржуазіи въ этомъ вопросѣ. Только анархисты и синдикалисты будутъ утверждать

---

[1]) Повидимому, таковъ былъ смыслъ предложенія, внесеннаго соціалъ-демократической фракціей на засѣданіи 13 марта. Но оно было такъ редактировано, какъ будто рѣчь идетъ только о с н я т і и исключительныхъ положеній въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они были объявлены. Въ офиціальномъ стенографическомъ отчетѣ (ст. 420) вторая половина предложенія отпала, но зато въ первой говорится объ уничтоженіи подсудности гражданскихъ лицъ военно-п о л е в ы м ъ судамъ! При такой редакціонной неряшливости, почему-то до сихъ поръ не исправленной, соціалъ-демократическое предложеніе по сравненію съ кадетскимъ представляется прямо безсмысленнымъ.

такую нелѣпость и только мильеранисты и бернштейніанцы станутъ доказывать представителямъ пролетаріата, что они д о л ж н ы были демонстрировать полное единодушіе „прогрессивной буржуазіи“ и пролетаріата въ требованіи 9-часового рабочаго дня.

Для соціалъ-демократа ясно, что н е с о л и д а р н о с т ь, а какъ разъ неискоренимый а н т а г о н и з м ъ, существующій въ отношеніяхъ буржуазіи и пролетаріата съ самаго выступленія этихъ классовъ на историческую арену, привелъ ихъ къ тому, что они временно сошлись на 9-часовомъ днѣ. Просвѣщенный буржуа соглашается на 9-часовой день съ той цѣлью, чтобы устраненіемъ „излишествъ“ капиталистической эксплуатаціи укрѣпить капиталистическую эксплуатацію вообще, чтобы увѣковѣчить власть капитала, искоренивъ „несправедливые эксцессы“ этой власти, чтобы, уничтоживъ „безчеловѣчныя“ формы наемнаго рабства, представить наемное рабство вѣчной, соотвѣтствующей человѣческому естеству формой производственныхъ отношеній.

Напротивъ, соціалъ-демократъ отстаиваетъ сокращеніе рабочаго дня именно потому, что онъ врагъ капиталистической собственности, что онъ стремится повысить боевую способность пролетаріата, что онъ хочетъ расширить и углубить борьбу рабочаго класса противъ капитализма. На ограниченіе продолжительности рабочаго дня онъ смотритъ не съ точки зрѣнія уничтоженія „эксцессовъ“ капиталистической собственности, а съ той единственно пролетарской точки зрѣнія, что оно является однимъ изъ средствъ, которыя, устраняя помѣхи развитію самознанія и организаціи пролетаріата, ведутъ рабочій классъ къ тому, что онъ вырветъ власть у класса собственниковъ и, уничтоживъ капиталистическую собственность, положитъ конецъ всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Все это —самыя элементарныя соціалъ-демократическія идеи. Это—азбука пролетарской теоріи и практики. Всякій соціалъ-демократъ упрекнулъ бы представителя рабочаго класса, если бы тотъ при обсужденіи законо-

проекта о 9-часовомъ днѣ не демонстрировалъ антагонизма буржуазіи и пролетаріата, противоположности буржуазнаго и пролетарскаго мышленія. Если бы представитель пролетаріата съ самаго начала поставилъ своей задачей подчеркнуть мнимое тожество просвѣщенныхъ буржуа и сознательныхъ пролетаріевъ въ борьбѣ противъ „эксцессовъ“ капиталистической собственности,—онъ по общему признанію соціалъ-демократовъ обнаружилъ бы глубокое непониманіе современнаго строя и глубокое непониманіе своихъ задачъ, какъ представителя рабочаго класса. Вмѣсто того, чтобы использовать свое положеніе въ интересахъ развитія соціалистической борьбы, онъ использовалъ бы его для замазыванія противорѣчій буржуазнаго и пролетарскаго міра, для консервированія капитализма. Для всякаго соціалъ-демократа было бы ясно, что такой депутатъ—не соціалъ-демократъ, а одна изъ разновидностей огромной породы мильеранистовъ.

Но эта соціалъ-демократическая ясность тотчасъ же исчезаетъ, какъ только измѣняются условія той задачи, которую ставитъ передъ собою борющійся пролетаріатъ. Пусть вмѣсто „эксцессовъ“ капиталистической собственности, противъ которыхъ выступаютъ умные буржуа, передъ нами будутъ „эксцессы“ не капиталистической собственности, а собственности вообще. Для упрощенія временно назовемъ эти „эксцессы“ особаго рода—пережитками феодальной собственности, а тѣ идеологическія надстройки, которыя основываются на нихъ—юридическія, политическія и т. д.—феодальными („крѣпостническими“) пережитками вообще.

Въ интересахъ укрѣпленія собственности современный просвѣщенный буржуа по своему борется противъ пережитковъ феодальной собственности, противъ пережитковъ феодальнаго строя общественныхъ отношеній. Онъ отрицаетъ феодальныя формы эксплуатаціи, какъ „эксцессы» въ использованіи права собственности,—отрицаетъ потому, что стремится укрѣпить капиталистическую собственность. Этимъ—и только этимъ—опредѣляется

либеральная позиція либеральнаго буржуа въ современной борьбѣ.

Казалось бы, положеніе совершенно ясное, казалось бы, что оно не можетъ создать затрудненій для соціалъ-демократа, который и при такой обстановкѣ останется представителемъ классовыхъ стремленій пролетаріата.

На дѣлѣ выходитъ не такъ. Мы уже видѣли, что только практика борьбы, только откровенное до цинизма поведеніе либеральныхъ буржуа заставили большинство с.-д. фракціи съ значительной быстротой отказаться отъ демонстраціи своей солидарности съ либерализмомъ и сдѣлать серьезные шаги въ томъ направленіи, чтобы превратиться въ дѣйствительное классовое представительство пролетаріата.

Разумѣется, тактика меньшевизма опредѣляется не его теоретическими ошибками, а въ первую очередь его соціальной подоплекой. Связанный больше всего съ районами, гдѣ живучъ патріархальный складъ отношеній, гдѣ капиталистическое развитіе не успѣло провести рѣзкой грани между общественными классами, гдѣ общественныя отношенія капитализма еще облекаются мелкобуржуазной, докапиталистической скорлупой, меньшевизмъ не могъ отразить въ своей теоріи кричащихъ противорѣчій развитого капиталистическаго общества, не могъ построить своей тактики на тенденціяхъ развитія, которыя такъ ясно выступаютъ въ областяхъ, передовыхъ по экономическому развитію.

Но за такой оговоркой ошибки въ теоретическомъ пониманіи современныхъ экономическихъ и политическихъ отношеній все же имѣютъ свое значеніе. Поэтому приходится хотя бы вкратцѣ коснуться этой стороны дѣла.

* * *

Согласно довольно распространенному представленію, современное правительство есть „правительство дворянъ, крѣпостниковъ-помѣщиковъ“.

Поскольку такими выраженіями хотятъ опредѣлить

личный составъ, историческое происхожденіе современнаго правительства, они довольно точно обрисовываютъ положеніе. Но поскольку это опредѣленіе правительства должно характеризовать и направленіе дѣятельности стараго государства, оно становится невѣрнымъ, неточнымъ, оно дѣлаетъ невозможнымъ пониманіе классовой основы нашихъ политическихъ партій.

Крѣпостническое государство безвозвратно погибло. 19 февраля 1861 года было констатированіемъ этого факта. И характерно то обстоятельство что обрядъ погребенія совершило само правительство. Уже изъ этого видно, что даже для того времени опредѣленіе нашего правительства какъ дворянско-крѣпостническаго было бы невѣрно. Уже тогда носителями государственной власти были не чистые крѣпостники, а дворяне, втянутые въ капиталистическій оборотъ, вынужденные считаться съ требованіями буржуазнаго развитія, въ извѣстной степени обуржуазившіеся помѣщики.

Иначе оно и быть не могло. Крѣпостническое сословіе, встрѣтившись съ развивающимися капиталистическими методами присвоенія, не могло не вкусить плодовъ отъ древа капитализма, и признало ихъ сладкими, и постаралось сочетать крѣпостническіе, феодальные способы эксплуатаціи съ капиталистическими, буржуазными, и такимъ образомъ утратило первобытную крѣпостническую чистоту и невинность [1]).

Точно такъ же крѣпостническое государство съ развивающимися буржуазными отношеніями, поставленное въ міръ капиталистическихъ международныхъ отношеній, неизбѣжно должно было внести буржуазные элементы въ свою дѣятельность. Такимъ образомъ объективныя условія, требовавшія нѣсколько иного содержанія отъ государственной дѣятельности, слагались

---

[1]) „Die ökonomische Struktur der kapitalistischen Gesellschaft ist hervorgegangen aus der ökonomischen Struktur der feudalen Gesellschaft. Die Auflösung dieser hat die Elemente jener freigesetzt". K. Marx, Kapital; I. 4. Aufl. Стр. 680.

одновременно съ субъективными условіями такой перемѣны, — съ преобразованіями въ психикѣ дворянскаго сословія, носителя государственной власти.

Такъ могло случиться, что, несмотря на величайшую слабость буржуазнаго класса, Россія пережила въ 60-хъ годахъ эпоху буржуазныхъ реформъ,—обстоятельство, повергшее г. Струве въ такое удрученное состояніе, что онъ уже 8 лѣтъ тому назадъ нашелъ исходъ изъ него лишь въ благонамѣренныхъ буржуазныхъ рѣчахъ о государствѣ, какъ „организаціи порядка“.

Къ шестидесятымъ же годамъ (именно къ 1863 году) относится и начало попытокъ внести нѣкоторую планомѣрность въ государственное хозяйство, средствомъ для чего служитъ составленіе „правильной“ смѣты на цѣлый годъ. Это—симптомъ стремленія внести въ государственное хозяйство принципы капиталистическаго хозяйства.

Итакъ, уже въ 60-хъ годахъ не было чистаго феодально-дворянскаго режима [1]). Нѣтъ сомнѣнія, мечты о возстановленіи феодальнаго строя отношеній въ его чистомъ видѣ живутъ въ представителяхъ феодальнаго сословія, особенно на его верхушкахъ. Но верхушки вообще несравненно консервативнѣе того сословія, которое онѣ представляютъ. Не соприкасаясь непосред-

---

[1]) Въ интересахъ теоретической ясности слѣдовало бы избѣгать термина „крѣпостническій“. „Крѣпостническій“ режимъ по самому своему существу не есть чисто-дворянскій, феодальный режимъ. Это режимъ о б у р ж у а з н и в а ю щ и х с я дворянъ. Поэтому „крѣпостническій“ режимъ (или самодержавіе „крѣпостнической бюрократіи“) можно бы противопоставлять буржуазному режиму лишь какъ зародышевый, нечистый буржуазный режимъ — развитому, чистому буржуазному режиму (режиму „самодержавной буржуазіи“). Это обыкновенно забываютъ и потому по временамъ ждутъ отъ буржуазіи вообще едва не „революціонныхъ“ поступковъ и во всякомъ случаѣ стойкой, принципіальной „оппозиціонности“. Въ дѣйствительности „крѣпостническій“ режимъ есть лишь стадія въ развитіи „буржуазнаго“ режима. – Въ текстѣ я принялъ ходячую терминологію, такъ какъ въ данной связи это не создастъ недоразумѣній.

ственно съ буржуазными отношеніями буржуазнаго общества, формально занимая въ современномъ государствѣ такое же положеніе, какое занималъ старый помѣщикъ въ старомъ помѣстьѣ, онѣ въ своей идеологіи неизбѣжно должны отражать въ самомъ чистомъ видѣ безвозвратно минувшую эпоху хозяйства, подточенный и разрушенный строй экономическихъ отношеній.

Это явленіе того же порядка, какъ явленіе, отмѣченное многочисленными историками семьи. Въ то время, какъ развитіе хозяйственныхъ отношеній привело къ строгому воспрещенію браковъ между родственниками, правящія фамиліи оставались единственными вѣрными хранителями традицій погибшаго міра и признавали для себя законными только браки между ближайшими родственниками.

Но реакціонный утопизмъ феодальныхъ верхушекъ не можетъ овладѣть всей государственной дѣятельностью; сила общественныхъ отношеній оказывается сильнѣе воли отдѣльныхъ людей, какимъ бы формальнымъ всемогуществомъ они ни обладали. Ихъ тоска по утерянномъ строѣ, ихъ злоба на заявившее о себѣ новое общество можетъ выразиться лишь въ организаціи безсмысленныхъ погромовъ и истребленій, которые не въ силахъ возродить экономическія основы феодальнаго строя. Они не могутъ проникнуть всецѣло своимъ духомъ общаго направленія государственной дѣятельности, которая все же вынуждена считаться съ требованіями зародившагося буржуазнаго общества.

Крайніе правые въ Государственной Думѣ какъ нельзя лучше подтверждаютъ все сказанное. При своихъ тѣсныхъ персональныхъ и денежныхъ связяхъ съ феодальными верхушками, при полной зависимости своего бытія отъ этихъ верхушекъ, они должны бы съ величайшей твердостью и принципіальностью выразить архаическія стремленія чистокровныхъ феодаловъ. Но ихъ дѣятельность въ Думѣ раскрыла секретъ феодаловъ: чистокровные феодалы такъ же изолированы въ современномъ обществѣ, какъ были изолированы въ египет-

скомъ обществѣ египетскіе фараоны со своимъ особымъ семейственнымъ правомъ. Ихъ представители въ Думѣ не въ состояніи выдвинуть какой-либо экономической и политической программы, которая имъ самимъ представлялась бы хотя сколько-нибудь реалистичной. Ихъ оригинальность—въ ихъ откровенныхъ разсужденіяхъ о такихъ средствахъ насилія, какъ разстрѣлы и висѣлицы, и въ ихъ безпокойной нервозности, въ ихъ непреднамѣренномъ шутовствѣ, которыя вытекаютъ не изъ ихъ личныхъ свойствъ, а изъ трагизма ихъ соціальнаго положенія. Это—безпочвенники въ самомъ жестокомъ смыслѣ этого слова.

Незамѣтные оттѣнки и переходы связываютъ между собою правыя группы. Обща имъ потребительская точка зрѣнія на государство, которое обязано обезпечить имъ приличествующее прокормленіе; обще имъ то обстоятельство, что они участвуютъ въ общественномъ производствѣ почти исключительно какъ потребители: получаютъ арендную плату съ земель, причемъ первыми арендаторами этихъ земель съ свою очередь нерѣдко являются посредники, получаютъ ссуды изъ дворянскаго банка, всевозможные виды явныхъ и секретныхъ пособій, жалованье за занятіе безполезнымъ должностей, создаваемыхъ въ значительной мѣрѣ для ихъ прокормленія. Роднитъ ихъ общій для нихъ способъ присвоенія, который получилъ у Маркса мѣткое названіе „внѣхозяйственнаго“ способа присвоенія. Роднитъ ихъ одинаковая ненависть къ посягательствамъ на сословный строй и сословныя привилегіи, такъ какъ это—необходимое условіе и юридическій титулъ, на основѣ которыхъ процвѣтаетъ самое безшабашное внѣхозяйственное присвоеніе.

Различія между ними вытекаютъ изъ различія степени, въ какой они втянуты въ оборотъ буржуазнаго общества. Поскольку наряду съ внѣхозяйственными методами эксплуатаціи извѣстную роль для нихъ начинаетъ играть и хозяйственная дѣятельность, неразвитая капиталистическая эксплуатація, они передвигаются отъ

фантастическихъ вожделѣній крайнихъ правыхъ къ болѣе современнымъ воззрѣніямъ октябристовъ. Всѣ эти оттѣнки представлены великолѣпными экземплярами на дворянскихъ собраніяхъ и съѣздахъ послѣдняго времени.

Въ нашей литературѣ — въ „Откликахъ Современности“ № 1 — была сдѣлана попытка характеризовать союзъ 17-го октября какъ партію „чистой“ буржуазіи. Уже это невѣрно, но редакція „Откликовъ Современности“ еще больше затемнила вопросъ, высказавъ въ примѣчаніи къ статьѣ ту мысль, что союзъ 17-го октября „есть организація не столько промышленной, сколько земельной буржуазіи и части бюрократіи“.

Несомнѣнно, союзъ 17-го октября не есть политическая организація чистой буржуазіи. Для октябристовъ характерно, напротивъ, то обстоятельство, что они представляютъ не чисто-капиталистическій способъ производства, не чисто-капиталистичесвіе методы присвоенія. Если угодно, это — типичная буржуазія, но буржуазія того періода хозяйственнаго развитія, когда еще нѣтъ чисто-капиталистическаго производства и, слѣдовательно, нѣтъ чистой, типичной буржуазіи. Чтобы избѣжать такой спутывающей игры словами, намъ слѣдуетъ быть справедливыми и отказать октябристской буржуазіи въ неосновательныхъ притязаніяхъ на чистоту.

Однако безспорно, что въ союзѣ организуется буржуазія. Просматривая списки членовъ союза 17-го октября (и его покойнаго брата, торгово-промышленной партіи), мы видимъ, что вліятельнѣйшіе изъ нихъ играютъ видную роль въ капиталистическомъ производствѣ и въ капиталистической торговлѣ — въ торговлѣ какъ товарами, такъ и деньгами. Мы видимъ также, что октябристы играютъ вліятельную роль на промышленныхъ съѣздахъ послѣдняго времени, и что октябризмъ является преобладающей политической окраской этихъ съѣздовъ. Такимъ образомъ въ союзѣ 17-го октября, несомнѣнно, представлены промышленный, торговый и биржевой капиталъ.

Но октябристскія промышленность и торговля — совершенно особаго рода. Собственно капиталистическій способъ присвоенія, непосредственно связанный съ производственными условіями предпріятій, лишь одинъ изъ источниковъ октябристскихъ доходовъ. Октябристъ — помѣсь буржуа и феодала, и октябристскій методъ присвоенія — смѣсь капиталистическаго и феодальнаго методовъ. Октябристскіе доходы лишь отчасти опредѣляются „естественными законами производства". Они повышаются внѣхозяйственными способами: тѣсными отношеніями октябристскаго предпринимателя съ государственной властью [1]).

Въ зависимости отъ стремленія обезпечить перевѣсъ феодальному или капиталистическому методу присвоенія, мы получаемъ различные оттѣнки октябризма: отъ братьевъ Гучковыхъ, почти сливающихся съ черносотенцами, и до г.Капустина, приближающагося къ конституціонно-демократической партіи.

Въ другомъ мѣстѣ [2]) я уже указывалъ, при какихъ условіяхъ и отъ какихъ причинъ перевѣсъ въ октябризмѣ пріобрѣтаетъ правый или лѣвый оттѣнокъ. Тамъ же были намѣчены нѣкоторыя формы специфически октябристскаго присвоенія: полученіе доли тѣхъ средствъ, которыя государственный механизмъ выкачиваетъ изъ

---

[1]) „Für den gewöhnlichen Gang der Dinge kann der Arbeiter den „Naturgesetzen der Produktion" überlassen bleiben, d. h. seiner aus den Produktionsbedingungen selbst entspringenden, durch sie garantirten und verewigten Abhängigkeit vom Kapital. Anders während der historischen Genesis der kapitalistischen Produktion. Die aufkommende Bourgeoisie braucht und verwendet die Staatsgewalt, um den Arbeitslohn zu „reguliren" и т. д. См. также о такихъ методахъ накопленія, какъ „колоніальная система, государственные долги, налоговое бремя, протекціонизмъ, торговыя войны", — о методахъ, неразрывно связанныхъ съ примѣненіемъ „внѣэкономической, непосредственной силы". Марксъ замѣчаетъ: „Es ist dies ein wesentliches Moment der sog. ursprünglichen Akkumulation". Kapital, I. 4. Aufl. Стр. 703, 716--722.

[2]) Въ сборникѣ „Текущій моментъ", статья „О свободѣ конкурренціи".

народа (казенныя поставки, участіе въ выкачиваніи средствъ при помощи государственныхъ займовъ, прямыя субсидіи), чрезвычайная таможенная охрана, чрезвычайное угнетеніе рабочаго класса, присоединяющее внѣэкономическое принужденіе къ экономическому принужденію [1]) Всѣ эти методы нераздѣльно связаны съ примѣненіемъ внѣэкономической силы, т.-е. съ давленіемъ силы, которая присоединяется къ власти, непосредственно порождаемой производственными отношеніями. Всѣ эти методы характеризуютъ первоначальное накопленіе капитала, тотъ процессъ превращенія феодальной эксплуатаціи въ капиталистическую эксплуатацію, о которомъ говоритъ послѣднее примѣчаніе.

Октябристская буржуазія—это буржуазія періода первоначальнаго накопленія [2]). Споры

---

[1]) „Der Ausgangspunkt der Entwicklung, die sowohl den Lohnarbeiter wie den Kapitalisten erzeugt, war die Knechtschaft des Arbeiters. Der Fortgang bestand in einem Formwechsel dieser Knechtung, in der Verwandlung der feudalen in kapitalistische Exploitation". „Kapital", I, 681.

[2]) Раскрыть ея сущность очень не трудно: стоитъ только вчитаться въ ея литераторовъ и прислушаться къ ея ораторамъ, которые характеризуются удивительной тупорностью, типичной опять-таки для „перваго поколѣнія" господъ буржуа, для героевъ первоначальнаго накопленія. Въ Москвѣ мнѣ довелось слышать одного виднаго октябриста, который восхвалялъ необыкновенное рабочелюбіе слѣдующаго программнаго пункта, особенно подчеркнутыхъ у меня словъ: „Признаніе незаконнымъ образованіе забастовокъ рабочихъ въ предпріятіяхъ, остановки въ дѣятельности конхъ нарушаютъ важнѣйшіе государственные или общественные интересы. Воспрещеніе забастовокъ предпринимателей въ такихъ отрасляхъ труда".—„Но что дѣлать, спрашивалъ великолѣпный экземпляръ октябризма, если предприниматель заявитъ, что онъ не можетъ вести дѣло по его бездоходности, убыточности, и разсчитаетъ рабочихъ, несмотря на воспрещеніе закона?"—Собраніе затаило дыханіе: положеніе, дѣйствительно, затруднительное; октябризмъ не даетъ защиты рабочимъ, у которыхъ онъ отнялъ оружіе забастовки.—Послѣ маленькой паузы, ораторъ торжествующе продолжалъ: „мы, окябристы, заявляемъ, что

о томъ, организуется ли въ союзѣ промышленная и
земледѣльческая буржуазія—совершенно безплодные спо-
ры. При такой постановкѣ вопроса вмѣсто основного,
конститутивнаго признака класса—способъ присвоенія—
выдвигается болѣе или менѣе внѣшній признакъ: об-
ласть производства, въ которой хозяйствуютъ предста-
вители этого класса. Въ данномъ случаѣ для подоб-
наго выдѣленія сельскаго хозяйства нѣтъ рѣшительно
никакихъ основаній. Конечно, въ сельскомъ хозяйствѣ
переходъ отъ феодальной къ капиталистической эксплу-
атаціи совершается съ большей медленностью, чѣмъ въ
промышленности. Однако и въ промышленности этотъ
переходъ далеко еще не завершился, и потому извѣст-
ныя группы промышленныхъ предпринимателей совер-
шенно естественно примыкаютъ къ рѣшительнымъ чер-
носотенцамъ, не говоря уже объ октябристахъ. На ос-
нованіи,- правда, по необходимости отрывочныхъ,—дан-
ныхъ можно думать, что промышленная и торговая бур-
жуазія играетъ въ октябризмѣ несравненно болѣе круп-
ную роль, чѣмъ „земельная буржуазія“. Это вполнѣ
гармонировало бы съ чрезвычайной отсталостью нашего
сельскаго хозяйства, еще не вылупившагося изъ фео-
дальной скорлупы, и съ состояніемъ промышленности и
торговли, которыя лишь медленно, послѣ отчаяннаго
сопротивленія, разстаются съ методами первоначальнаго
накопленія.

Въ нашей литературѣ, какъ меньшевистской, так
отчасти и въ большевистской, довольно распространен
представленіе объ октябризмѣ, какъ объ организаціи
крупной буржуазіи, преимущественно промышленной

предприниматель не имѣетъ права закрывать фабрику
оставлять рабочихъ безъ куска хлѣба, что предприни-
матель долженъ получить отъ государства
воспособленіе, субсидію, позволяющую безъ убы-
ковъ вести дѣло дальше“.—„Субсидія“, гарантія“, „воспо-
собленія“ душа октябризма, которая заявляетъ о себѣ въ
самыхъ неожиданныхъ случаяхъ, самымъ неожиданным
способомъ.

Такое представленіе удобно для меньшевизма съ его воззрѣніями на к.-д. партію, какъ на демократическую партію. Разъ буржуазія будетъ использована на построеніе союза 17 октября, на постройку к.-д. партіи не остается достаточнаго буржуазнаго матеріала, ее приходится порождать отъ „демократической“ мелкой буржуазіи И такой способъ объясненія к.-д. партіи удерживается даже послѣ вторыхъ выборовъ, когда лѣвыя фракціи оторвали отъ кадетовъ большія массы дѣйствительно демократическихъ избирателей [1]).

Марксъ и Энгельсъ (начиная съ коммунистическаго Манифеста и кончая Анти-Дюрингомъ) установили четыре основныхъ способа присвоенія: ремесленный, феодальный, капиталистическій, соціалистическій, которымъ соотвѣтствуютъ четыре же основныхъ класса: мелкая буржуазія, феодалы, буржуазія, пролетаріатъ. Сочетаніе двухъ способовъ присвоенія даетъ переходный классъ, какъ буржуазія періода первоначальнаго накопленія [2]).

---

[1]) На меньшевиковъ большое впечатлѣніе произвели московскіе выборы, которые будто бы показали, что мелкобуржуазная демократія все еще спаяна съ „владѣльческимъ либерализмомъ“. Но если обратиться къ выборамъ въ провинціи, то получается иное впечатлѣніе. Необходимо напомнить, что избирательный цензъ въ Москвѣ и провинціальныхъ городахъ несравнимыя вещи. Напр., въ такихъ городахъ, какъ Тула, Н.-Новгородъ, Саратовъ даже домовладѣльческій цензъ открываетъ мелкой буржуазіи доступъ къ избирательной урнѣ. Между тѣмъ въ столицахъ—это чрезвычайно высокій, крупно-буржуазный, плутократическій цензъ. На эту сторону дѣла до сихъ поръ не обращали должнаго вниманія.

[2]) Въ противовѣсъ этому можно бы сослаться на заключительныя строки „Капитала“, III п, 2. Aufl., стр. 421, гдѣ говорится о трехъ, а не четырехъ общественныхъ классахъ. Но возраженіе тотчасъ же отпадаетъ, какъ только мы подчеркнемъ, что рѣчь идетъ о классахъ „der modernen, auf der kapitalistischen Produktionsweise beruhenden Gesellschaft“. Всякія сомнѣнія устраняются идущими непосредственно вслѣдъ за тѣмъ замѣчаніями.—Что съ развитіемъ капиталистическаго общества мелкая буржуазія утрачиваетъ классовую опредѣленность, это Марксъ показалъ уже въ „18-е брюмера“.

Отдѣльные классы характеризуется именно способомъ присвоенія, а не тѣмъ масштабомъ, въ которомъ совершается присвоеніе. Феодальное производство можетъ совершать присвоеніе въ такихъ же крупныхъ размѣрахъ, какъ и капиталистическое, и тѣмъ не менѣе одно изъ нихъ остается феодальнымъ, а другое—капиталистическимъ Вообще говоря. если оставить въ сторонѣ мелко-буржуазное производство, размѣры присвоенія—чисто внѣшній признакъ, лишь случайно, при извѣстныхъ условіяхъ, дающій характеристику способа присвоенія.

Одинъ грубый примѣръ можетъ сдѣлать это до очевидности яснымъ. Всероссійскій г. Гурко, по газетнымъ извѣстіямъ, стоитъ въ довольно интимныхъ отношеніяхъ съ черносотенными организаціями. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ его способу присвоенія. Всероссійскій г. Лидваль, если бы онъ представлялъ не миражъ, а дѣйствительно солидное торговое предпріятіе, для котораго казенный пирогъ служилъ бы лишь обычнымъ подспорьемъ, непремѣнно вступилъ бы въ союзъ 17 октября. Это тоже вполнѣ соотвѣтствовало бы его способу присвоенія, переходному отъ феодальной къ капиталистической эксплуатаціи.

Но вѣдь кромѣ всероссійскаго Гурко съ неразлучнымъ всероссійскимъ Лидвалемъ въ губерніяхъ, въ уѣздахъ, при волостныхъ управленіяхъ существуютъ свои господа Гурко со своими Лидвалями. Масштабъ присвоенія сокращается съ милліоновъ до сотенъ тысячъ, до тысячъ, наконецъ, просто до десятковъ рублей. Но способы присвоенія остаются все тѣ же,—и все такъ же опредѣляютъ принадлежность къ тому или иному классу, тяготѣніе къ той или иной политической партіи.

Только идя такимъ путемъ, и можно выяснить экономическія основы политической дифференціировки собственниковъ. Только такъ мы и можемъ уяснить себѣ, напр., почему золотопромышленники въ общемъ либеральнѣе горнопромышленниковъ, и почему сами горнопромышленники, независимо отъ размѣровъ ихъ про-

изводства, распредѣляются по различнымъ политическимъ партіямъ.

Итакъ, принадлежность къ тому или иному классу опредѣляется тѣмъ или инымъ способомъ присвоенія. Принадлежность же къ той или иной политической партіи опредѣляется стремленіемъ сдѣлать извѣстный способъ присвоенія господствующимъ способомъ присвоенія или сохранить условія его примѣненія [1]).

Октябристъ, какъ буржуа переходнаго періода, харак-

---

[1]) Такимъ образомъ принадлежность къ тому или иному классу опредѣляется объективными условіями существованія опредѣленной общественной группы. Напротивъ, въ политическомъ самоопредѣленіи извѣстную роль играетъ субъективный моментъ. Это никакъ не укладывается въ головы гладіаторовъ нашего либерализма, которые, съ одной стороны, обиженно хныкаютъ въ отвѣтъ на указанія, что к.-д. партія—буржуазная партія, и начинаютъ клятвенно завѣрять, что они - бѣдные, честные интеллигенты, которые не пріобрѣли никакого капитала; а съ другой стороны—торжествующе ссылаются на „буржуа“ Зингера, который является преданнѣйшимъ членомъ германской с. д. партіи.—Справедливость требуетъ отмѣтить, что и нѣкоторые с.-д., напр. Н. І., обнаруживаютъ такую же глубину пониманія матеріалистическаго метода, какъ способа установить закономѣрность массовыхъ, соціальныхъ явленій.—Уже Лассаль довольно ясно показалъ, что политическая окраска, напр. принадлежность къ буржуазной партіи опредѣляется для каждаго конкрентнаго случая не простымъ фактомъ капиталовладѣнія, а стремленіемъ обезпечить для капиталовладѣнія господство въ общественной жизни (Lassalle's Reden etc. Berlin 1893. II. B. Стр. 29. Arbeiter-Programm). Лассаль совершенно ясно, подчеркивая существенныя слова курсивами, говоритъ, что онъ для даннаго случая беретъ слово буржуазія, какъ обозначеніе политической партіи(тамъ же, стр.27). Но все это совершенно ускользнуло отъ вниманія Бернштейна, который считаетъ необходимымъ разъяснить несостоятельность признака, будто бы положеннаго Лассалемъ въ основу опредѣленія класса (тамъ же, I. B. Стр. 99). Это—одинъ примѣръ заслугъ Бернштейна, какъ редактора сочиненій и истолкователя идей и дѣятельности Лассаля.

теризуется тѣмъ, что онъ не хочетъ исключительнаго господства ни феодальнаго, ни капиталистическаго способа присвоенія; сочетая въ своей хозяйственной дѣятельности оба эти способа въ различной пропорціи, онъ стремится сохранить именно ихъ сочетаніе. Въ зависимости отъ колебаній политической борьбы, въ октябристѣ беретъ перевѣсъ то феодальная, то капиталистическая душа, то обѣ заявляютъ о себѣ съ одинаковой силой. Извѣстная лживость октябризма вытекаетъ не изъ личныхъ свойствъ его представителей, какъ склонны думать кадетскіе публицисты, но изъ его исторической фальши, изъ фальши его экономическаго положенія.

Послѣ всего предыдущаго не представятъ ничего неожиданнаго дружественныя отношенія между союзомъ 17 октября и „частью бюрократіи“, - обстоятельство, на которое указывала редакція „Откликовъ Современности“, воображая, будто она этимъ даетъ что-либо для пониманія природы союза. Въ дѣйствительности въ той связи, въ какой сдѣлано это указаніе, оно лишь запутываетъ дѣло. Опіумъ усыпляетъ потому, что въ немъ есть снотворное вещество. Союзъ 17 октября многимъ обязанъ поддержкѣ и прямому участію бюрократіи. Вмѣсто того, чтобы двигать познаніе, такія глубокомысленныя объясненія только останавливаютъ его, успокоивая на поверхностномъ описаніи явленій. Задача заключается именно въ томъ, чтобы выяснить, какъ, почему сдѣлались возможными дружественныя отношенія между союзомъ 17 октября и бюрократіей, какія черты природы ихъ представителей роднили ихъ раньше, чѣмъ они объединились для совмѣстной политической дѣятельности.

Союзъ 17 октября - организація буржуазіи періода первоначальнаго накопленія. Но вѣдь и „самодержавная бюрократія“ — правительство періода первоначальнаго накопленія. Октябристъ — буржуа, дополняющій методы капиталистической эксплуатаціи методами феодальной эксплуатаціи. Но вѣдь и носители государственной власти въ стремленіи расширять свой потребительный фондъ

присоединяютъ къ методамъ феодальнаго присвоенія методы капиталистическаго присвоенія и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе захватываются даже основнымъ мотивомъ хозяйственной дѣятельности буржуа: стремленіемъ къ накопленію. Разница между ними лишь та, что въ октябристѣ сильнѣе говоритъ капиталистическая душа, въ „самодержавномъ же бюрократѣ“ — феодальная душа. Одинъ больше считается съ капиталистическимъ настоящимъ, другой болѣе подчиняется воспоминаніямъ феодальнаго прошлаго

Салтыковъ, свидѣтель рѣзкаго поворота отъ феодальной къ капиталистической эксплуатаціи, уже болѣе 30 лѣтъ тому назадъ съ рѣдкой силой раскрылъ существо нашей „самодержавной бюрократіи“. Феодалъ, выбитый изъ наслѣдственной колеи феодальнаго способа присвоенія, долго не можетъ пристроиться,—и легче, естественнѣе всего пристраивается какъ „элементъ правительства“. Здѣсь передъ нимъ открывается широкая область все того же феодальнаго способа присвоенія, дополняемаго участіемъ въ капиталистическомъ присвоеніи. Около этихъ элементовъ правительства, вносящихъ въ государственную дѣятельность новое направленіе, вьются стаи „героевъ наживы“, рыцарей первоначальнаго накопленія. Различіе между этими двумя группами очень немногосложное. Одна изъ нихъ является носительницей власти, но осуществляетъ эту власть такимъ способомъ, что другая группа не имѣетъ серьезныхъ основаній быть недовольной. Существеннѣе другое различіе: одни присвояютъ преимущественно для того, чтобы потреблять, другіе — для того, чтобы накоплять. Одни каждымъ своимъ шагомъ стараются показать, что они— обломки славнаго сословнаго прошлаго, другіе — свободны отъ всякихъ воспоминаній и живутъ исключительно настоящимъ.

Коротко говоря, Салтыковъ, какъ крупный художникъ, уже нѣсколько десятилѣтій тому назадъ разоблачилъ тайну истинно-русскаго режима: формально—феодальный режимъ, по содержанію—режимъ первоначаль-

наго накопленія[1]). И онъ же съ такой глубиной выяснилъ душу буржуа періода первоначальнаго накопленія, что слѣдуетъ рекомендовать обращаться въ первую очередь къ сочиненіямъ Щедрина для уразумѣнія современаго октябризма [2]).

---

[1]) Въ этомъ отношеніи русская исторія не представляетъ ничего исключительнаго. Говоря о періодѣ первоначальнаго накопленія въ Англіи, Марксъ замѣчаетъ: «Zudem war die neue Grundaristokratie, die natürliche Bundesgenossin der neuen Bankokratie, der eben ausdem Ei gekrochnen hohen Finanz und der damals auf Schùzzölle sich stützenden grossen Manufakturisten». Kapital, 689,

[2]) Впрочемъ, и кадетъ уже съ исчерпывающей полнотой изображенъ Салтыковымъ. Вотъ, напр., основная схема всѣхъ рѣчей и писаній гг. Родичева и Обнинскаго, „Рус. Вѣд. и „Рѣчи", расшаркивающихся передъ принципомъ единоначалія и лишь отстаивающихъ противъ „Московскихъ Вѣдом." необходимость народосодѣйствія: „Брѣющее Шило" исходною точкой своихъ разглагольствованій ставитъ нагое единоначаліе: мы же, какъ читателямъ это достаточно извѣстно, не имѣя ничего противъ единоначалія, какъ принципа дисциплинирующаго и дающаго нашей жизни правильный устой, съ своей стороны, въ видѣ коррективa, присовокупляемъ къ нему излюбленное и вполнѣ почтительное народосодѣйствіе. Вотъ это-то, съ одной стороны, благосклонно внимательное, а съ другой—почтительно-любовное взаймодѣйствіе двухъ взаимно другъ друга оплодотворяющихъ силъ и составляетъ основу нашей жизни". Дальше—какъ-будто дословныя цитаты изъ „Нови" и „Рус. Вѣд": „Какъ ни непрекаемъ принципъ единоначалія, какія бы заслуги онъ ни считалъ за собой въ прошедшемъ и въ настоящемъ, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что, отрѣшенный отъ народосодѣйствія, онъ скоро извращаетъ свой благодѣтельный характеръ и въ самомъ даже благопріятномъ случаѣ является какъ бы вращающимся въ пустотѣ. Лишенный здоровой извѣстительной пищи, которою только народосодѣйствіе и можетъ снабжать его, онъ скоро не будетъ знать и самъ, надъ чѣмъ ему единоначальствовать предстоитъ".— „Мы не только не противники единоначалія, но именно потому и присовокупляемъ къ нему, въ видѣ придатка, народосодѣйствіе что послѣднее нимало не подрываетъ перваго, а напротивъ того, дѣйствуя съ нимъ вкупѣ, даже подкрѣпляетъ его" и т. д. А вотъ вамъ разсужденія гг. Струве, Кутлеровъ, Милюковыхъ о бюджетномъ правѣ Государственной Думы: „Права не даются даромъ; даже прыщъ на носу—и тотъ даромъ не вскочитъ, но сна-

Установивъ опорную точку зрѣнія на октябризмъ, мы уже не увидимъ въ его позиціи тѣхъ противорѣчій, которыми такъ благородно возмущаются либеральные публицисты. Какъ могли бы требовать октябристы, напр., отвѣтственнаго министерства? Съ одной стороны, октябристскіе интересы не остаются не представленными и въ кабинетахъ, чисто феодальныхъ по своему составу. Съ другой стороны, такой строй, при которымъ верховная власть формально принадлежитъ представителямъ феодальнаго сословія, является однимъ изъ существенныхъ условій октябристскаго метода присвоенія. Октябристъ не желаетъ и не можетъ внести новаго принципа въ таможенную, тарифную политику, въ отношенія государства къ рабочему вопросу. Поэтому мечтанія октябризма до крайности скромныя: онъ желаетъ, чтобы г. Лидваль изъ желаннаго гостя въ кабинетѣ того или иного министра превратился въ равноправнаго члена кабинета министровъ. Такая перемѣна должна не внести, а просто усилить вліяніе октябристской буржуазіи на характеръ политики.

То же и въ отношеніи октябризма къ организаціи народнаго представительства: двѣ палаты, изъ которыхъ въ верхней обезпечивается половина мѣстъ за потомками феодаловъ (члены по назначенію), остальная половина гарантирована октябристской буржуазіи (члены по избранію земскихъ собраній, думъ, биржевого купечества и т. д., но не дворянскихъ сословій). Все это весь-

---

чала почешется. Поэтому мы не имѣемъ основанія пренебрегать никакимъ правомъ, хотя бы оно, на первый взглядъ, казалось намъ ничтожнымъ и даже плевымъ. Сперва одно плевое право, затѣмъ другое тоже плевое, но уже въ меньшей степени. И такъ далѣе. въ разумной постепенности, доходя до выѣденнаго яйца. („Въ средѣ умѣренности и аккуратности". I, глава IV).

Рискнуть ли теперь гг. Изгоевы и К⁰ цитировать такія мѣста изъ Салтыкова? Они скоро утратятъ всякій вкусъ къ сатирѣ этого великаго художника, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отразилась между прочимъ и дряблая природа идеологовъ нашей буржуазіи.

ма характерно для октябристовъ: находя въ феодалахъ необходимую опору, октябристы—все же буржуа, и потому боятся рѣшительнаго преобладанія феодальныхъ присвоителей.—Составленная въ то время, когда феодальному сословію угрожала смертельная опасность, октябристская программа пустилась въ буржуазную демагогію и намѣтила организацію нижней палаты на основѣ едва ли не всеобщаго избирательнаго права (соотвѣтствующій пунктъ формулированъ въ октябристскихъ неясныхъ выраженіяхъ). На практикѣ октябризмъ не хочетъ ни монархіи безъ народнаго представительства, ни всеобщаго избирательнаго права, ни сословнаго представительства, которое могло бы дать феодальному присвоенію перевѣсъ, нежелательный съ точки зрѣнія октябристскаго присвоенія. Октябризмъ вынужденъ изворачиваться во всѣ стороны, потому что нѣтъ такой государственной формы, которая была бы единородна его переходному, непрестанно измѣняющемуся, неустойчивому существу, его стремленію сочетать капиталистическіе методы эксплуатаціи, вытекающіе непосредственно изъ „естественныхъ законовъ производства“, съ методами внѣ-экономическаго принужденія.

Такихъ серьезныхъ конфликтовъ между правительствомъ и октябристской буржуазіей, которыми могли бы интересоваться демократическія партіи, ждать не приходится. „Сдѣлка“ между правительствомъ и буржуазіей первоначальнаго накопленія давно существуетъ,—существовала много раньше, чѣмъ началась революція, чѣмъ появился союзъ 17 октября. Конечно, октябристъ всегда немножко фрондируетъ, противопоставляя свое буржуазное трудолюбіе феодальному тунеядчеству. Конечно, между ними возможны извѣстныя тренія, какъ они бывали и раньше. Но въ отношеніяхъ правительства и октябристской буржуазіи, если ихъ взять сами по себѣ, независимо отъ другихъ общественныхъ силъ, нѣтъ такихъ элементовъ, которые могли бы превратить эти тренія въ сколько нибудь принципіальный конфликтъ.

Если и возникнутъ серьезные конфликты между правительствомъ и октябризмомъ, т. е. между феодальнымъ сословіемъ и октябристской буржуазіей, то это будутъ не самостоятельные, а лишь отраженные конфликты, порожденные болѣе глубокими классовыми противорѣчіями, чѣмъ различія въ тѣхъ пропорціяхъ, въ которыхъ феодалы и октябристы хотѣли бы сочетать феодальный и капиталистическій способы присвоенія. Слѣдовательно, соціалъ-демократіи пришлось бы использовать не эти мелкія, отраженныя феодально-октябристскія ссоры, а тѣ болѣе принципіальныя столкновенія, которыя вызвали расхожденіе старинныхъ друзей.

Съ развитіемъ объективныхъ и субъективныхъ предпосылокъ капиталистическаго способа производства—а развитіе ихъ идетъ рука объ руку, какъ въ случаѣ съ предпосылками октябристскаго метода присвоенія — начинается борьба за вытѣсненіе буржуазіи первоначальнаго накопленія, за ея подчиненіе „естественнымъ законамъ производства“, за то, чтобы капиталистическій способъ присвоенія сдѣлался господствующимъ способомъ присвоенія. „Чистая“ буржуазія обнаруживаетъ нѣкоторую воспріимчивость къ „переворотнымъ“, „революціоннымъ“ идеямъ и способность къ оппозиціоннымъ шагамъ. Она открываетъ, что представители феодальнаго способа присвоенія—праздные тунеядцы, что построенный и направляемый ими государственный механизмъ—паразитическій механизмъ, и что методы первоначальнаго накопленія въ корень подтачиваютъ всѣ условія хозяйственной жизни[1]).

---

[1]) Марксъ показалъ, какимъ образомъ эта борьба буржуазіи за господство отразилась въ литературѣ о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ. Такъ, онъ цитируетъ слѣдующія мѣста изъ А. Смита; „Сами монархи и министры всегда и безъ исключенія – величайшіе расточители въ обществѣ... Трудъ нѣкоторыхъ вліятельнѣйшихъ классовъ общества такъ же не прозводитъ стоимости, какъ трудъ ихъ прислуги. Такъ, напр., монархъ со всѣми судейскими чиновниками и армейскими офицерами, которые состоятъ у него на службѣ, вся армія и флотъ—все это непроизводительные

Конституціонно-демократическая партія—это политическое представительство „чистой“ буржуазіи, которая стремится отсѣчь отъ капиталистическаго способа производства докапиталистическіе придатки и надѣется „свободой конкурренціи“ вытѣснить октябристскую буржуазію. Въ конституціонно-демократической программѣ капиталистическое накопленіе заявляетъ о своихъ притязаніяхъ на господство, объявляетъ войну первоначальному накопленію.

На одномъ частномъ примѣрѣ, на разборѣ к.-д. аграрной программы, я имѣлъ возможность показать, что к.-д. партія, выступая противъ собственности, поскольку она служитъ основой для примѣненія внѣэкономическаго, внѣхозяйственнаго принужденія, въ то же время обнаруживаетъ величайшую почтительность къ собственности, поскольку она служитъ основой для капиталистической эксплуатаціи: для власти человѣка надъ человѣкомъ, вытекающей изъ „свободной игры экономическихъ силъ“, изъ „естественныхъ законовъ производства“ [1]). Но это же характеризуетъ и всѣ пункты к.-д. программы, за немногими исключеніями, которыя лишь еще ярче обрисовываютъ въ конституціоналистѣ-демократѣ идеолога и представителя либеральнаго буржуа, но отнюдь не демократическаго мелкаго буржуа.

Требованіе всеобщаго и т. д. избирательнаго права

рабочіе. Они содержатся на часть продукта труда другихъ людей“.—„Это замѣчаетъ Марксъ-языкъ еще революціонной буржуазіи, которая еще не подчинила себѣ все общество, государство и т. д.“ Но, продолжаетъ Марксъ, когда буржуазія овладѣваетъ положеніемъ, „отчасти подчиняя себѣ государство, отчасти вступая въ компромиссъ съ его прежними властями“,—ея воззрѣнія на производительный и непроизводительный трудъ измѣняются, и она „экономически оправдываетъ то, съ чѣмъ недавно критически боролась“. K. Marx, Theorien über den Mehrwert. Stuttgart 1905. Стр. 404 406.

[1]) Статья „Конфискація или выкупъ?“ въ сборникѣ „Вопросы Дня“. С.-д. депутатъ Сѣровъ использовалъ статью—удачно или неудачно, дѣло другое—въ думскихъ преніяхъ по аграрному вопросу.

въ к.-д. программѣ болѣе всего способно производить впечатлѣніе рѣшительнаго демократизма въ противоположность осмотрительному либерализму. Но, во-первыхъ, идеологи чистой капиталистической буржуазіи нуждаются въ матеріальной силѣ массъ для того, чтобы сломить господство буржуазіи первоначальнаго накопленія. Во-вторыхъ, было бы легко показать, что всеобщее избирательное право въ тенденціи лучше всего обезпечиваетъ преобладаніе чистой капиталистической буржуазіи. Въ третьихъ, соціалъ демократамъ слѣдовало бы помнить, какое внѣшнее давленіе потребовалось для того, чтобы к.-д. раскрыли „свое“ избирательное право въ четырехчленной формулѣ. Въ четвертыхъ, въ к.-д. программѣ всеобщее избирательное право обезврежпвается на всякій случай рядомъ предохранительныхъ мѣръ,—прерогативы короны и т. д.

Эти предохранительныя мѣры бросаютъ яркій свѣтъ на классовую основу к.-д. партіи. Революціонная мелкобуржуазная демократія съ полной рѣшительностью (хотя, въ связи съ своей общей несамостоятельностью въ современномъ обществѣ, она въ этомъ случаѣ лишь слѣдуетъ за пролетаріатомъ), безоговорочно формулируетъ политическія требованія, соотвѣтствующія стремленіямъ капиталистическаго метода присвоенія къ полному торжеству надъ феодальными пережитками, она отвергаетъ всѣ юридическіе титулы, которые служатъ основаніемъ для сохраненія феодальныхъ методовъ присвоенія среди капиталистическихъ отношеній [1]).

Осмотрительность буржуазіи, въ противоположность этому, не представляетъ ничего удивительнаго Еще только вступая въ борьбу, она уже предвосхищаетъ полезность для нея того компромисса съ прежними вла-

---

[1]) Это ясно показалъ Марксъ въ различныхъ мѣстахъ статьи „Bilanz der preussischen Revolution“ (Aus dem literarischen Nachlass. III. B.) и Каутскій въ „Klassengegensätze von 1789“—превосходной работѣ, съ которой, кажется, знакомятся менѣе, чѣмъ она заслуживаетъ именно въ настоящее время.

стителями государства, о которомъ говорится въ послѣдней цитатѣ изъ Маркса.

Съ другой стороны, если мы вдумаемся въ признаки, характеризующіе у Маркса первоначальное накопленіе въ отличіе его отъ капиталистическаго, мы откроемъ, что это различіе для него не абсолютное, не абстрактное, а лишь относительное, историческое. „При обычномъ ходѣ вещей рабочій можетъ оставаться предоставленнымъ „естественнымъ законамъ производства“, — это такъ. Но и въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ наступаютъ такія необычныя для буржуа обстоятельства, когда онъ убѣждается, что недостаточно одного экономическаго принужденія, вытекающаго непосредственно изъ производственныхъ отношеній, что оно должно восполняться внѣэкономическимъ наслажденіемъ, которое осуществляется полиціей, войскомъ, цѣлесообразно организованной юстиціей, всѣмъ государственнымъ аппаратомъ. Чисто-капиталистическій режимъ, буржуазное государство сами изъ себя порождаютъ полицію и бюрократію, какъ орудія государственной власти, т.-е. какъ орудія внѣхозяйственнаго воздѣйствія, присоединяющагося къ непосредственной власти экономическихъ отношеній. Уже этого достаточно для того, чтобы соціалъ-демократы некритически не присоединялись къ либеральнымъ декламаціямъ противъ „самодержавной бюрократіи“ и „приказнаго строя“.

Пониманіе классовой природы конституціонно-демократической партіи сильно тормазится пустыми спорами о ея персональномъ составѣ и о составѣ общественныхъ группъ, подававшихъ свои голоса за ея кандидатовъ. Что касается послѣдняго обстоятельства, то слѣдуетъ подчеркнуть, что первые выборы слѣдовали за декабрьскими событіями, и было бы естественно, если бы даже мелкая буржуазія, революціонно настроенная въ декабрѣ 1905 года, въ мартѣ 1906 года проявила мелко-буржуазную неустойчивость и пошла за либеральными буржуа (сравн. стр. 27 этого сборника).

Споры о соціальномъ составѣ к.-д. партіи — спло-

ной конфузъ для матеріалистическаго метода, который при этомъ обычно примѣняется такимъ способомъ, что историческій матеріализмъ Маркса превращается въ вульгарный матеріализмъ господъ буржуа. Особенно отличился по этой части рьяный меньшевикъ П. І., который произвелъ статистическій подсчетъ: изъ числа депутатовъ крестьянъ—столько то, „трудовыхъ интеллигентовъ"—столько-то, и потомъ, въ посрамленіе большевизма, торжествующе констатировалъ: „большинство думскихъ кадетовъ все-таки составляется изъ крестьянъ, врачей, сельскихъ учителей, журналистовъ, которыхъ при всемъ стараніи нельзя причислить къ капиталистической буржуазіи" и т. д. [1]).

Большевики, правильно понимая классовую природу к.-д., какъ политической партіи, въ способахъ аргументаціи нерѣдко слѣдовали за меньшевиками. Напр., даже проектъ резолюціи къ предстоящему съѣзду указываетъ, что „экономической основой такихъ партій" (въ томъ числѣ и к.-д.) „является часть среднихъ помѣщиковъ и средней буржуазіи, особенно же буржуазная интеллигенція".

Прежде всего приходится отмѣтить, что „экономическая основа" такъ и не выяснена: перечислены лишь извѣстныя соціальныя группы, опирающіяся на опредѣленную экономическую основу. Далѣе, для характеристики этихъ группъ взяты признаки, не существенные въ данной связи: либо особая отрасль производства (помѣщики), либо размѣры собственности (с р е д н і е помѣщики, с р е д н я я буржуазія).

Размѣры собственности и ея особая матеріальная форма—признакъ внѣшній, случайный, не касающійся существа дѣла. Важны не размѣры, а х а р а к т е р ъ собственности. Помѣщикъ и буржуа, крупный и средній, одинаково становятся либеральными буржуа, если въ основѣ ихъ существованія лежитъ капиталистическая

---

[1]) „Курьеръ", 1906 г., № 9. Дѣльный отвѣтъ Н. І. далъ Ш л и х т е р ъ въ „Вѣстн. Ж." 1906 г., № 8.

собственность,—т.-е. собственность, какъ основа исключительно капиталистическаго присвоенія. Несомнѣнно, средніе размѣры собственности у насъ довольно часто совпадаютъ съ ея капиталистическимъ характеромъ. Но это явленіе—вторичнаго порядка; само оно получаетъ объясненіе изъ общихъ условій, какъ они складываются у насъ для капиталистической эксплуатаціи, для капиталистическаго накопленія. Къ борьбѣ за господство капиталистическаго способа присвоенія толкаютъ не средніе размѣры собственности, а именно эти общія условія существованія капиталистической собственности.

Но дальше тотъ же проектъ резолюціи совершенно правильно отмѣчаетъ, что „идеалъ этихъ партій не выходитъ за предѣлы упорядоченнаго буржуазнаго общества". Это—чисто марксистское указаніе. Для того, чтобы представлять капиталистическую буржуазію, нѣтъ никакой необходимости самому быть непремѣнно помѣщикомъ или капиталистомъ, вообще капиталистическимъ собственникомъ. Профессоръ, врачъ, адвокатъ, разъ условія ихъ существованія не выводятъ ихъ мышленія за предѣлы буржуазнаго общества, становятся либералами, т.-е. идеологами капиталистической буржуазіи [1]).

---

[1]) ... „Не слѣдуетъ думать, что всѣ представители демократіи—лавочники или поклонники лавочниковъ. По своему образованію и индивидуальному положенію они могутъ быть далеки отъ нихъ, какъ небо отъ земли. Представителями мелкаго буржуа дѣлаетъ ихъ то обстоятельство, что ихъ мысль не въ состояніи переступить тѣхъ границъ, которыхъ не переступаетъ жизнь мелкаго буржуа, и потому теоретически они приходятъ къ тѣмъ же самымъ задачамъ и рѣшеніямъ, къ которымъ мелкаго буржуа приводятъ практически его матеріальный интересъ и его общественное положеніе. Таково и вообще отношеніе между политическими и литературными представителями класса и тѣмъ классомъ, который они представляютъ" (курсивы Маркса). К. Марксъ, „18-е брюмера". Цитирую по переводу подъ ред. В. Базарова и моей: К. Марксъ. Собраніе историческихъ работъ, стр. 180.—Я былъ бы склоненъ сказать,

Даже въ преніяхъ о военно-полевыхъ судахъ, гдѣ, казалось бы, классовая ограниченность могла стушеваться передъ обще-человѣческимъ негодованіемъ, идеологи буржуазіи сохранили вѣрность своему естеству. Въ данномъ случаѣ только съ такой точки зрѣнія эти пренія и представляютъ для меня интересъ.

* * *

Салтыковъ, раскрывшій существо режима первоначальнаго накопленія, глубоко понималъ и тенденціи въ развитіи этого режима и съ поразительной проницательностью провидѣлъ, какія средства защиты пуститъ онъ въ ходъ, когда заявитъ свои требованія новое общество. Отставной корнетъ Петръ Толстолобовъ уже въ 70-хъ годахъ сочиняетъ у него проекты, которые лишь въ наше время получили полное осуществленіе.

„Для того же, чтобы власть чувствовала себя вооруженною, необходимо повсюду оную децентрализировать.

„Затѣмъ, уже руководствуясь такими соображеніями, предлагаю:

„1) Губернаторовъ назначать вездѣ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, яко знающихъ обстоятельства. Чинами при семъ не стѣсняться, хотя бы былъ и корнетъ, но надежнаго здоровья и опытенъ.

„2) По избраніи губернатора, немедленно онаго вооружить, освободивъ отъ всякихъ репортовъ, донесеній, а тѣмъ болѣе отъ совѣтовъ съ палатами и какими-либо присутствіями.

„3) Ежели невозможно предоставить губернатору издавать настоящіе законы, то предоставить издавать

что эти по обыкновенію сжато и сильно выраженныя мысли Маркса превращаютъ въ груду макулатуры довольно обширную и очень благонамѣренную литературу меньшевиковъ, посвященную рыцарской защитѣ буржуазной дамы, к.-д. партіи, отъ „преувеличенныхъ“ и „преждевременныхъ“ нападокъ большевиковъ.

правила, и отнюдь не стѣснять его въ мѣропріятіяхъ къ искорененію зла.

„6) . . въ каждомъ округѣ учредить изъ благонадежныхъ и знающихъ обстоятельства помѣщиковъ комиссію, подъ наименованіемъ: „комиссія для изслѣдованія благонадежности".

„7) Членамъ сихъ комиссій предоставить: а) опредѣлять степень благонадежности обывателей; б) дѣлать обыски, выемки и облавы, и вообще испытывать; в) удалять вредныхъ и неблагонадежныхъ людей, преимущественно избирая для поселенія мѣста необитаемыя и ближайшія къ Ледовитому океану.

8) „Въ вознагражденіе трудовъ платить всѣмъ симъ лицамъ приличное и вполнѣ обезпечивающее ихъ содержаніе".

Здѣсь уже имѣется все: и современныя „сатрапіи", и генералъ-губернаторы изъ подполковниковъ и ротмистровъ, и ихъ особое законодательство, и расширеніе полиціи организаціями союза русскаго народа.

Даже военно-полевые суды не были бы неожиданностью для Салтыкова, своимъ художественнымъ проникновеніемъ разгадавшаго міръ, стоящій на межѣ феодализма и капитализма. Вотъ заключеніе одного изъ проектовъ:

„А потому полагается небезполезнымъ подвергнуть разстрѣляпію нижеслѣдующихъ лицъ:

„Первое, всѣхъ несогласно мыслящихъ.

„Второе, всѣхъ, въ поведеніи коихъ замѣчается скрытность и отсутствіе чистосердечія.

„Третье, всѣхъ, кои угрюмымъ очертаніемъ лица огорчаютъ сердца благонамѣренныхъ обывателей.

„Четвертое, зубоскаловъ и газетчиковъ" („Дневникъ провинціала въ Петербургѣ". Глава II и III).

И рѣчи правыхъ въ преніяхъ о военно-полевыхъ судахъ были почти буквальнымъ воспроизведеніемъ проектовъ салтыковскихъ отставныхъ корнетовъ Толстолобовыхъ и титулярныхъ совѣтниковъ Филоверитовыхъ. Такъ, г. Шульгинъ открыто выразилъ пожеланіе, чтобы на висѣлицу были отправлены тѣ люди, „которые пи-

шутъ и говорятъ передъ нами открыто, какъ извѣстные у насъ писатели-убійцы, напр., „гуманный“ и дѣйствительно талантливый писатель В. Короленко“.

Это—почти буквальное повтореніе щедринскаго: „полагается небезполезнымъ подвергнуть разстрѣлянію зубоскаловъ и газетчиковъ“.

Изъ другихъ ораторовъ правыхъ можно отмѣтить, пожалуй, только епископа Евлогія, отвѣчавшаго на замѣчательно сильную по своему идеализму и искренности рѣчь священника-трудовика Тихвинскаго. Тихвинскій отразилъ въ своей рѣчи духъ христіанства первыхъ вѣковъ, когда оно оставалось религіей угнетенныхъ. Устами епископа Евлогія говорилъ позднѣйшій періодъ, когда христіанская церковь превратилась въ существенный элементъ того аппарата, который принуждаетъ эксплуатируемыхъ къ покорности. Да, духъ христіанства таковъ, какъ говорилъ священникъ Тихвинскій; но мы—не истинные христіане, а потому насъ не касается, какими нехристіанскими средствами организація господствующихъ классовъ защищаетъ ихъ классовое господство, вотъ существенный смыслъ отвѣта еп. Евлогія.

Октябризмъ, въ лицѣ братьевъ Гучковыхъ, участвовалъ въ торжествѣ московскихъ побѣдителей, впервые примѣнившихъ въ центральной Россіи неоформленный, неорганизованный, не получившій открытой законной санкціи военно-полевой методъ героевъ щедринской сатиры. И даже еще минувшей осенью октябризмъ, въ лицѣ г. А. Гучкова, счелъ своимъ долгомъ оказать моральную поддержку этому методу, оформленному, организованному, получившему надлежащую санкцію. Въ обоихъ случаяхъ заявила о себѣ та душа октябризма, которая роднитъ его съ феодалами.

Въ Государственной Думѣ, поставленный лицомъ къ лицу съ представителями развившагося новаго буржуазнаго общества, октябризмъ услышалъ голосъ второй, капиталистической души и высказался противъ узаконенныхъ военно-полевыхъ расправъ.

Изъ многочисленныхъ ораторовъ к.-д. партіи, высту-

павшихъ въ преніяхъ 12—13 марта, наибольшее впечатлѣніе на хроникеровъ буржуазныхъ газетъ произвелъ г. Маклаковъ. Съ характерной для нихъ безтактностью они изображали эти пренія какъ „блестящій ораторскій турниръ между Москвой и Петербургомъ“ и, захлебываясь отъ восторга, оповѣщали читателей, что, по признанію самихъ питерцевъ, „рекордъ“ остался за москвичами. Хороша же душа средняго буржуа, если онъ даже при изложеніи преній по такому вопросу, какъ о военно-полевыхъ судахъ, не можетъ отрѣшиться отъ конкурентной, отъ конско-скаковой точки зрѣнія [1]).

Г. Маклаковъ на нѣсколько дней сдѣлался героемъ либеральныхъ газетъ. Оно и понятно: г. Маклаковъ съ замѣчательной выпуклостью и, быть-можетъ, нѣсколько наивной послѣдовательностью изложилъ развитыя буржуазныя воззрѣнія на право и государство.

Г. Маклаковъ возстаетъ противъ военно-полевыхъ судовъ потому, что это — „учрежденіе глубоко антигосударственное, что одно номинальное существованіе этого закона уничтожаетъ государство, какъ правовое явленіе, превращаетъ его въ простое состязаніе физическихъ силъ“.

Но что такое правовое явленіе? „Государство можетъ издать новый законъ, т.-е. издать общее правило, увеличить уголовную кару для всѣхъ, кто совершитъ опредѣленный проступокъ. Да, вы могли постановить, что не только покушенія на должностное лицо, но даже словесное его оскорбленіе, карается смертной казнью. Это было бы свирѣпо, это было-бы жестоко, но это было бы правовое явленіе“.

„Есть два государственныхъ устоя: законъ какъ общее правило, для всѣхъ обязательное, и судъ,—какъ защитникъ этого закона. Когда цѣлы эти начала—законъ и судъ,—стоитъ крѣпко и сама государствен-

---

[1]) Съ первыхъ чиселъ сентября 1906 года и до половины марта 907 года казнено (по военно-полевому, военно-окружному обряду и, наконецъ, безъ всякаго обряда) болѣе 750 человѣкъ.

ность".—„Есть нѣчто, что надо было щадить, что всѣ вы (министры) должны ограждать;это—государственность, судъ и законъ. Ударяя по революціи, вы ударяли не по частнымъ интересамъ, а по тому, что всѣхъ насъ ограждаетъ,—по суду и законности", и т. д. (Стенографическій отчетъ. Стр. 385—392).

Въ этихъ цитатахъ—вся суть рѣчи г. Маклакова, неоднократно прерывавшейся, какъ указываетъ отчетъ, „бурными", „оглушительными" аплодисментами.

Надо отдать справедливость г. Маклакову: онъ былъ, дѣйствительно, блестящимъ представителемъ капиталистической буржуазіи, онъ съ большой силой выразилъ основанія ея ужаса предъ военно-полевымъ закономъ, который отдастъ жизнь всякаго человѣка генералъ-губернаторскому усмотрѣнію, отнимаетъ ее въ сущности по одному росчерку начальственнаго пера. Этотъ законъ устрашаетъ господъ буржуа, потому что онъ раскрываетъ тайну всякаго государства, всякаго права: государства—какъ организаціи господства, права—какъ системы общихъ принудительныхъ нормъ, продиктованныхъ господствующими въ данный моментъ классами и охраняющихъ основныя условія ихъ господства.

При феодальномъ способѣ производства открыто примѣняется непосредственное насиліе: отношенія двухъ сторонъ прямо построены на ихъ неравенствѣ, на зависимости, подчиненности непосреднаго производителя.

Всѣ формы государства, приходящіяся на переходный періодъ отъ феодализма къ капитализму, въ большей или меньшей мѣрѣ сохраняютъ этотъ элементъ открытаго, ничѣмъ не затемняемаго насилія.

Душа капиталистическаго производства — формальное равенство противоположныхъ сторонъ. Выступая другъ противъ друга какъ равныя стороны, онѣ какъ будто подлежатъ дѣйствію какихъ-то особыхъ, надъ историческихъ и надчеловѣческихъ, вѣчныхъ законовъ. Рабочій, какъ человѣкъ и гражданинъ, кажется равнымъ капиталисту, и потому ихъ экономическое неравенство пред-

ставляется вытекающимъ изъ „естественныхъ законовъ производства“, т.-е. изъ силъ, стоящихъ надъ преходящими, историческими отношеніями собственности. Капиталистическая собственность, какъ основа классового господства, эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, закутывается густой, непроницаемой завѣсой, на которой буржуа начерталъ пышное слово: „равенство“.

Такимъ же способомъ капиталистическій буржуа хочетъ построить и свое государство. Онъ хочетъ, чтобы государство и право дѣйствовали автоматически, какъ дѣйствуютъ „естественные законы производства“, — и самымъ автоматизмомъ своего дѣйствія скрывали насильственную природу всякаго государства и права: скрывали тотъ фактъ, что всякое государство и всякое право порождается отношеніями господства и подчиненія.

Онъ хочетъ, чтобы автоматизмомъ своихъ дѣйствій государство и право производили впечатлѣніе „естественности“, неотдѣлимости отъ самой природы человѣка. Онъ стремится къ тому, чтобы государство и право сдѣлались фетишами для эксплуатируемыхъ, чтобы эксплуатируемые подчинялись имъ не просто потому, что подчиненіе вынуждается соотношеніемъ силъ въ данный моментъ, а потому, что подчиненія требуетъ государство вообще, право вообще: сила, стоящая надъ человѣческими отношеніями, внушающая безусловное, неразсуждающее колѣнопреклоненіе.

Чувствуя растущую мощь капитала, сознавая, что она сама по себѣ, безъ всякаго внѣэкономическаго принужденія, одной „свободной игрой экономическихъ силъ“, обезпечитъ ему власть надъ эксплуатируемыми, капиталистическій буржуа стремится лишь къ одному: прикрыть отношенія господства, вытекающія изъ капиталистической собственности, фетишизировать ихъ, надѣлить ихъ характеромъ вѣчности при посредствѣ метафизическихъ „идей“ государства и права.

Онъ инстинктивно стремится скрыть отъ людей тотъ фактъ, что данныя отношенія господства, отливаясь въ объективную форму государства и права, неотступно

преслѣдуютъ ихъ на каждомъ шагу, опредѣляютъ подавляющую часть того, что они дѣлаютъ и не дѣлаютъ. Онъ хочетъ, чтобы люди страдали, томились отъ бѣдности, гибли отъ голода, сгибались подъ гнетомъ условныхъ, но деспотическихъ при всей своей условности правилъ, и не сознавали бы, что вся ихъ жизнь формируется подъ давленіемъ именно данныхъ отношеній господства, а не какихъ-либо силъ, стоящихъ надъ преходящей, исторической формой человѣческаго общества. Въ этомъ—суть и смыслъ того созданія буржуазнаго общества, которое называется „правовымъ государствомъ“.

Чрезъ г. Маклакова заявили о себѣ требованія капиталистическаго способа присвоенія, сознающаго свои силы. Октябристъ г. Капустинъ по существу вполнѣ присоединился къ соображеніямъ г. Маклакова о государствѣ и правѣ. Въ общемъ присоединился къ нимъ и г. Столыпинъ, предсѣдатель совѣта министровъ. Онъ, въ соотвѣтствіи съ перевѣсомъ феодальнаго естества, только полагалъ, что прямое, ничѣмъ не прикрытое насиліе—въ извѣстныхъ случаяхъ необходимое средство для торжества идеи государства и права. Онъ заявилъ, что правительство не отмѣнитъ военно-полевого закона, его дѣйствіе продолжится до 20 апрѣля, когда истекаетъ срокъ его примѣненія [1]). Какъ бы то ни было, у всѣхъ представителей собственности,—и собственности періода первоначальнаго накопленія и капиталистической,—нашлась общая почва.

Въ засѣданіи 13 марта с.-д. депутатъ Алексинскій совершенно правильно указалъ, что „всѣ аргументы, исходящіе изъ точки зрѣнія государственности, должны быть отброшены“, и далъ вѣрную оцѣнку государствен-

---

[1]) Повидимому, это была главнымъ образомъ просто демонстрація феодальнаго принципа: сила на моей сторонѣ—и я открыто пользуюсь ей для насилія. Въ дѣйствительности за послѣднія недѣли, насколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ, военно-полевые суды оставались почти безъ примѣненія.

ности вообще: „Что такое государственность, къ которой вчера взывали ораторы?“ говорилъ онъ. „Государственность есть извѣстная форма общежитія. Эту форму общежитія всегда приспособляютъ къ своимъ интересамъ, къ своимъ нуждамъ, къ своимъ потребностямъ господствующіе классы“. (Стенографическій отчетъ. Стр. 463, 468).

Но дальше онъ,—быть можетъ, подчиняясь демократическимъ тенденціямъ большинства с.-д. фракціи,—сузилъ постановку вопроса и далъ критику—яркую, талантливую только старой, умирающей государственности, но не той государственности, о которой мечтаютъ идеологи развитого капитализма.

Несомнѣнно, с.-д. фракція еще успѣетъ наверстать упущенія, неизбѣжныя по новизнѣ дѣла и общей трудности положенія. Она позаботится о томъ, чтобы глубже внѣдрить въ памяти пролетаріата великіе наглядные уроки революціи, она позаботится о томъ, чтобы господамъ буржуа фетишизаціей государства и права не удалось поставить идеологическихъ помѣхъ борьбѣ рабочаго класса за соціализмъ.

Но выдвинувъ такую задачу, с.-д. фракція должна демонстрировать не единство, не солидарность, а глубокій антагонизмъ между неизмѣнно революціоннымъ пролетаріатомъ и оппозиціонной въ данный моментъ капиталистической буржуазіей: между стремленіемъ пролетаріата разрушить буржуазное государство во имя соціализма и стремленіемъ буржуазіи укрѣпить буржуазное государство во имя капитализма.

VII. Безработица.

15-го марта—день побѣды соціалъ-демократовъ въ Государственной Думѣ. Въ этотъ день Дума обсуждала вопросъ о безработныхъ, сильно волновавшій представителей рабочей партіи. Дѣло въ томъ, что не только правые, но и кадеты всячески старались провалить во-

просъ о безработныхъ, не дать ему хода въ думѣ. Сначала они въ засѣданіи 7-го марта добились выдѣленія его изъ продовольственнаго вопроса въ надеждѣ на то, что удастся его отложить на неопредѣленное время, а потомъ и совсѣмъ затереть. Потомъ, когда уже не было никакой надежды на оттяжку въ обсужденіи этого вопроса, они рѣшили сорвать его въ засѣданіи 15-го марта, опираясь на придирки формальнаго характера (предложеніе г. Кизеветтера). Но когда и это не удалось, то кадеты рѣшили вопросъ о безработныхъ сузить до послѣдняго предѣла: свести его къ помощи пострадавшимъ отъ промышленнаго кризиса, т. е. тѣмъ, которые остались безъ работы, благодаря сокращенію или остановкѣ производства вслѣдствіе уменьшенія или полнаго прекращенія заказовъ.

Докладчикомъ по вопросу о безработныхъ въ засѣданіи Думы 15 го марта выступилъ представитель соціалъ-демократической фракціи деп. Джапаридзе. Въ сильныхъ краскахъ нарисовалъ онъ ужасную картину безработицы.

Въ Петербургѣ число безработныхъ свыше 12,000 чел., въ Одессѣ—свыше 8,000 чел., въ Варшавѣ—15,000, въ Баку—8,000... Не только сѣверъ, западъ, весь югъ Россіи, но и Сибирь, Кавказъ охвачены этимъ бѣдствіемъ. Въ Сибири число безработныхъ громадно. Тысячи людей, находившія себѣ пропитаніе въ приволжскихъ губерніяхъ, лишены теперь заработка. Въ печати проскользнуло извѣстіе, что въ этихъ приволжскихъ губерніяхъ безработныхъ около 160,000 чел. Люди голодаютъ, потому что не могутъ найти себѣ работы. Голодный тифъ и цынга свирѣпствуютъ среди безработныхъ, а число самоубійствъ дошло до невѣроятныхъ размѣровъ; растетъ проституція; голодные крестьяне въ Казанской губ. продаютъ своихъ дочерей для разврата. Голодные рабочіе посылаютъ своихъ дочерей продавать свое тѣло. На улицахъ появляются дѣвочки 11 - 12 лѣтъ. Зарегистрированы случаи заболѣванія сифилисомъ 11-лѣтнихъ дѣвочекъ.

Фактическая сторона рѣчи Джапаридзе была дополнена деп. г. Березинымъ данными по Саратову и Саратовской губ.

Въ Саратовѣ, насчитывающемъ 150,000 жителей, къ 15 му марта было 6 тысячъ безработныхъ, которые не имѣли возможности прокормить свои семьи. Средства къ жизни они получали отъ общественныхъ работъ въ городѣ. Съ 10-го марта эти работы прекратились — и 6,000 чел. рабочихъ, а вмѣстѣ съ семьями около 30,000 душъ, не имѣютъ хлѣба...

Г. Березинъ полагаетъ, что Государственная Дума не только обязана, но и по закону имѣетъ право придти на помощь безработнымъ. По ст. 31 п. б. учрежд. Госуд. Думы, вѣдѣнію Думы подлежитъ не только разсмотрѣніе росписи доходовъ и расходовъ вообще, но и всѣ ассигновки, которыя росписью не предусмотрѣны. Къ числу непредусмотрѣнныхъ ассигновокъ должна быть отнесена и ассигновка на помощь безработнымъ... Депутатъ съ горькой иронiей говорилъ, что даже и министерство въ извѣстныхъ случаяхъ признаетъ за государствомъ обязанность приходить на помощь гражданамъ, во время разныхъ бѣдствій. Такъ — на помощь пострадавшимъ отъ безпорядковъ Бакинскимъ нефтепромышленникамъ правительство ассигновало 30 милліоновъ рублей. На помощь пострадавшимъ отъ безпорядковъ крупнымъ землевладѣльцамъ отпустило 8 милліоновъ рублей. Въ частности, относительно Саратовской губ. депутатъ обратилъ вниманіе правыхъ депутатовъ Думы на два факта. Въ настоящее время въ Саратовѣ на краю гибели находятся 30,000 чел. и въ то же время въ Саратовской губ. насчитывается около 1,000 землевладѣльцевъ, имѣющихъ 1.000,000 дес земли, при чемъ три четвертыхъ всей этой земли находится въ рукахъ 350 чел. И вотъ эти землевладѣльцы послѣ аграрныхъ безпорядковъ получили въ помощь отъ нынѣшняго министерства 1.663,000 рублей. Если правительство даетъ болѣе милліона рублей 300 помѣщикамъ, то какимъ образомъ оно можетъ не считать нужнымъ ассиг-

новать хотя бы нѣсколько сотъ тысячъ рублей для 30,000 душъ саратовскихъ безработныхъ.

Выясняя причины безработицы, Джапаридзе подробно остановился на внутренней и внѣшней политикѣ правительства.

Безработица—неизбѣжное зло въ капиталистическомъ обществѣ. Но въ Россіи безработица усиливается политикой самодержавія. Вся политика правительства была направлена на то, чтобы высосать послѣдніе соки изъ крестьянскаго и рабочаго населенія, чтобы удовлетворить алчные аппетиты тѣхъ помѣщиковъ, которыхъ оно защищало для того, чтобы охранять интересы такъ называемой государственности, другими словами, чтобы имѣть возможность устраивать авантюры, въ родѣ манчжурской, персидской и т. д. Эта политика, которая находилась въ противорѣчіи съ производительными силами страны, должна была привести къ гибельнымъ результатамъ .. Положеніе, созданное хищнической политикой правительства внутри и внѣ страны, заставило населеніе Россіи возстать противъ своихъ вымогателей и стремиться пересоздать Россію на новыхъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ интересамъ народа. Но правительство, защищая интересы бюрократіи, землевладѣльцевъ и дворянъ, объявило самую жестокую войну новымъ силамъ и всему русскому народу... Послѣ единодушнаго натиска всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ силъ въ октябрѣ 1905 г. правительство уступило, но какъ только въ революціонномъ движеніи началось затишье, была пущена въ ходъ кровавая месть за манифестъ 17 го октября. Удары правительства были направлены главнымъ образомъ на рабочихъ и крестьянъ, идущихъ въ первыхъ рядахъ. Желая разстроить ряды главныхъ борцовъ противъ стараго порядка, правительство объявило разсчетъ (локаутъ) всѣмъ рабочимъ на казенныхъ заводахъ и фабрикахъ въ Петербургѣ... Вслѣдъ за правительствомъ и при его поддержкѣ начали войну съ рабочими и капиталисты. Сначала они принялись ухудшать условія труда, а потомъ началась цѣлая серія локаутовъ (все-

общихъ разсчетовъ, всеобщихъ отказовъ въ работѣ), широкой волной разливающихся съ запада на востокъ. Въ Лодзи за одинъ разъ были выброшены на улицу 33,000 рабочихъ только за то, что одинъ рабочій оскорбилъ мастера. Но это было только поводомъ, чтобы разбить организаціи рабочихъ и отнять отъ нихъ все то, что было ими завоевано продолжительной и тяжелой борьбой. Правительство доходило до того, что подвергало преслѣдованіямъ тѣхъ фабрикантовъ, которые почему-либо желали пойти на уступки рабочимъ. Извѣстно, что въ Варшавѣ правительство арестовало фабрикантовъ, которые не хотѣли поддержать локаутъ, которые пожелали пойти на уступки рабочимъ. Эти фабриканты были высланы изъ Варшавы... Правительство срывало стачки, на мѣсто забастовавшихъ рабочихъ поставляя, при помощи союза русскаго народа, отбросы общества. . Послѣ разгона первой Думы правительство разгромило организаціи рабочихъ, закрывъ почти всѣ профессіональные союзы За то союзы хозяевъ безпрепятственно устраивались... Помощь безработнымъ правительство всячески затрудняло, ставило ей непреодолимыя препятствія. Оно запрещало рабочимъ отчислять изъ своего скуднаго заработка извѣстный процентъ въ пользу безработныхъ и голодающихъ. А безработные массами высылались изъ городовъ на родину Кое-гдѣ на помощь безработнымъ пришли городскія самоуправленія. Но въ цѣломъ рядѣ крупныхъ городовъ (Москва, Одесса, Харьковъ, Баку) городскія думы отказались отъ устройства общественныхъ работъ для безработныхъ. .

Дума должна взяться за изученіе безработицы. Для этого она должна избрать комиссію, которая соберетъ матеріалы о размѣрахъ и причинахъ голода и безработицы, а также объ имѣющихся рабочихъ организаціяхъ. Это мы должны сдѣлать, если не для того, чтобы уничтожить безработицу, то хоть для того, чтобы до извѣстной степени облегчить ея тяжелыя и острыя формы, слѣдствіемъ чего является то, что отъ голода умираютъ десятки тысячъ рабочихъ... Эта комиссія

сдѣлаетъ дѣло уже однимъ тѣмъ, что собранными фактами мы покажемъ предъ лицомъ всей Россіи, всего міра, кто истинный виновникъ народнаго бѣдствія, покажемъ, что правительство хочетъ, чтобы люди умирали съ голоду, и что поэтому толкаетъ ихъ на эту дорогу... Кромѣ того, комиссія должна выработать рядъ мѣръ для непосредственной борьбы съ голодомъ.

Предложеніе соціалъ демократовъ было выражено въ слѣдующемъ видѣ:

„Соціалъ-демократическая фракція предлагаетъ Государственной Думѣ образовать комиссію при Государ. Думѣ изъ 33 лицъ, которой поручить: сосредоточить всѣ свѣдѣнія о безработицѣ и повышеніи цѣнъ на жизненные припасы, для доставленія Государ. Думѣ всѣхъ матеріаловъ, нужныхъ для сужденія о наилучшихъ формахъ оказанія помощи безработнымъ и мѣрахъ борьбы съ бѣдствіями безработицы Собираніе этихъ свѣдѣній производить не только путемъ использованія имѣющихся печатныхъ источниковъ, но и путемъ разслѣдованія на мѣстахъ“.

По существу соціалъ-демократамъ возражали—и при томъ крайне неудачно—одни лишь кадеты и представитель правительства. Что касается трудовиковъ, крестьянскаго союза, соціалистовъ-революціонеровъ, народныхъ соціалистовъ и мусульманской фракціи. то всѣ они не расходились съ предложеніемъ соціалъ-демократовъ.

Черносотенцы и октябристы никакого предложенія отъ себя не внесли, если не считать развязной выходки депутата Шидловскаго. Этотъ господинъ предложилъ пустить по залу Думы шапку, въ которую каждый членъ думы можетъ положить на безработныхъ отъ своего усердія. Это предложеніе вызвало среди депутатовъ шумъ, смѣхъ и слѣва крики: „рабочіе – не нищіе!“

Черносотенцы выдвинули ораторомъ также епископа Платона, который увѣрялъ думу, что безработицу создали революціонеры и... пожары. „Многіе рабочіе попали въ руки горячей молодежи и обработаны въ тѣхъ сознательныхъ товарищей, которые стали голодать и

заставили голодать и бѣдствовать свои семьи". Просвѣтились и рѣшили не работать. А то вотъ еще пожары причиняютъ большіе бѣды. Главное же—это то, что „экономическій рабочій вопросъ не имѣетъ въ данное время этическаго характера"... Этимъ преосвященный хотѣлъ сказать, что развратъ попелъ среди людей. Такъ просто и ясно рѣшилъ святитель вопросъ о безработицѣ.

Кадеты о причинахъ безработицы совсѣмъ не говорили. Для нихъ вопросъ былъ слишкомъ ясенъ, такъ какъ они и не собирались помогать безработнымъ. А съ другой стороны— для людей сытыхъ, довольныхъ, обезпеченныхъ говорить о причинахъ безработицы, о бѣдствіяхъ безработныхъ, крайне непріятно: это скверно дѣйствуетъ на нервы... Вотъ почему кадеты настаивали на томъ, чтобы вопросу о безработицѣ придать чисто „дѣловую постановку", т.-е. толковали объ избраніи комиссіи и ея полномочіяхъ.

Какъ и въ вопросѣ о голодѣ, кадеты рѣшительно воспротивились предложенію соціалъ-демократовъ. Г. Струве говорилъ, что комиссія не должна заниматься изслѣдованіемъ причинъ безработицы, такъ какъ это означало бы свалить на комиссію неразрѣшимую задачу. Онъ утверждалъ, что „совершенно невозможно говорить (даже говорить, а не только дѣлать) о соединеніи вопроса о помощи безработнымъ съ вопросомъ о разслѣдованіи дѣйствій администраціи на мѣстахъ. Дума не можетъ ни одному своему члену сообщить тѣхъ правъ, которыя ей самой не принадлежатъ, или принадлежность которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна... Совершенно невозможно при томъ разнообразіи мнѣній, какое существуетъ въ думѣ, поручить отдѣльнымъ лицамъ разслѣдованіе чего-нибудь на мѣстахъ, не касаясь уже правовой стороны дѣла"...

Кадетскій докладчикъ г. Кутлеръ находилъ, что изслѣдованіе думской комиссіей причинъ безработицы и посылка депутатовъ на мѣста незаконны и могутъ повредить думѣ. „Можно сомнѣваться въ томъ,—говорилъ Кутлеръ—имѣетъ ли государственная дума право про-

изводить анкету (изслѣдованіе) и въ томъ числѣ посылать членовъ думы на мѣста". Поясняя сущность кадетскаго предложенія, докладчикъ говорилъ: „Чтобы поставить работу комиссіи на практическую почву, нужно сузить ея задачу. Ей надо указать точно на группы лицъ, пострадавшихъ отъ промышленнаго кризиса. Если поставить дѣло иначе, если имѣть въ виду помощь всѣмъ безработнымъ, то мы будемъ имѣть передъ собой задачу необъятную".

Для разрѣшенія вопроса о безработныхъ, кадеты предложили „образовать комиссію изъ 19 членовъ для обсужденія вопроса о размѣрѣ денежныхъ средствъ, которыя должно ассигновать государство на помощь безработнымъ, пострадавшимъ отъ промышленнаго кризиса, и для изысканія способовъ ея оказанія".

Отъ имени правительства по вопросу о безработицѣ выступилъ министръ торговли и промышленности г. Философовъ. Онъ, какъ и г. Столыпинъ въ вопросѣ о помощи голодающимъ, присоединился къ предложенію кадетовъ. Но планъ соціалъ демократовъ г. министръ призналъ незаконнымъ. Это для него казалось настолько яснымъ, что онъ не счелъ нужнымъ цускаться въ доказательства незаконности предложенія с.-д. Министръ надѣялся, что и въ этомъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ продовольственномъ, дума отвергнетъ проектъ с.-д. Далѣе министръ увѣрялъ думу, что правительство заботится о безработныхъ и что соціалъ-демократы преувеличиваютъ размѣры нужды. Въ заключеніе своей рѣчи г. Философовъ заявилъ, что „правительство можетъ итти на помощь безработнымъ, не имѣющимъ работы вслѣдствіе промышленнаго кризиса или стихійныхъ причинъ". Но страдающимъ „по собственной волѣ, отъ забастовокъ", правительство никогда никакой помощи не окажетъ. Эти слова были покрыты рукоплесканіями черносотенцевъ.

Такимъ образомъ кадеты въ рѣшеніи вопроса о безработныхъ, какъ и въ вопросѣ продовольственномъ, сумѣли угодить правительству, вторично протянувшему имъ свою руку.

Это единеніе правительства съ кадетами не заключаетъ въ себѣ ничего неожиданнаго для тѣхъ, кто неизмѣнно указывалъ на классовый характеръ кадетской партіи.

Въ вопросѣ о безработицѣ кадеты остались вѣрны себѣ. Классовый интересъ собственника руководилъ кадетами, когда они въ своемъ предложеніи высказались только за то, чтобы дума сосредоточила свое вниманіе на одной лишь группѣ безработныхъ, а именно на пострадавшихъ отъ промышленнаго кризиса.

Такое рѣшеніе вопроса приводитъ къ тому, что большинство безработныхъ осталось бы внѣ всякой помощи. Джапаридзе къ своей рѣчи привелъ поучительную справку о составѣ безработныхъ по г. Петербургу. Оказывается, что здѣсь большинство безработныхъ оказались выброшенными на улицу за свои убѣжденія.

Разбирая предложеніе кадетовъ, депутатъ Алексинскій спрашивалъ ихъ:

„А тѣмъ, кто страдаетъ отъ закрытія казенныхъ заводовъ, устроеннаго съ цѣлью провоцировать рабочихъ,— имъ надо помогать или нѣтъ? А тѣмъ, кто страдаетъ отъ безработицы послѣ погромовъ, гдѣ мѣстная промышленность была разорена.—имъ надо помогать? . “

Эти вопросы Алексинскій могъ бы продолжить. Желѣзно-дорожнымъ служащимъ и почтово телеграфнымъ служащимъ и всѣмъ вообще промышленнымъ рабочимъ, уволеннымъ за участіе въ политическихъ забастовкахъ, нужно помогать или нѣтъ?

Вѣдь главнымъ образомъ на ихъ плечахъ вынесена была вся тяжесть революціонной борьбы, вѣдь благодаря именно имъ мы имѣемъ теперь намеки на полусвободы и самую Государственную Думу.

Было время, когда кадеты очень ухаживали за рабочимъ классомъ. Но теперь, когда рабочее движеніе вырвало у стараго порядка нѣкое подобіе парламентаризма, повидимому удовлетворяющее буржуазію, теперь стоитъ ли считаться съ рабочими? Стоитъ ли поддерживать забастовщиковъ? Поддержи ихъ, а они, набравшись

снять, опять начнутъ борьбу и — чего добраго — въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., въ земельномъ вопросѣ не остановятся передъ святынею собственности. Все это кадеты прекрасно понимаютъ, вполнѣ сознательно „идутъ своею дорогой“, которая не случайно такъ часто совпадаетъ съ путями начальства. Не случайно они стараются теперь изгладить изъ памяти, какъ въ прошломъ году кадетская, въ своемъ большинствѣ, Дума посылала депутатовъ въ Бѣлостокъ для изслѣдованія на мѣстѣ обстоятельствъ погрома.

Джапаридзе, отвѣчая своимъ противникамъ, разобралъ ихъ главныя возраженія противъ предложенія с.-д. Говорятъ, что безработица происходитъ отъ забастовокъ и въ ней виноваты сами рабочіе, а не общія экономическія причины и дѣйствія правительства. Это говорятъ не только представители власти, но и люди, защищающіе существующій общественный строй (идеологи буржуазіи). „Мы должны сказать ясно и просто, что рабочіе прибѣгаютъ къ забастовкамъ постольку, поскольку вынуждены къ этому. Это есть средство самозащиты“. „Мнѣ совершенно непонятно, какъ можно говорить о нежелательности изслѣдованія на мѣстахъ. Что правительство относится такъ къ данному вопросу—это я понимаю, но я никакъ не понимаю, почему партія народной свободы (кадеты) смотритъ такъ же? Неужели она полагаетъ, что Дума не имѣетъ права производить разслѣдованіе на мѣстахъ?... Комиссія сумѣетъ собрать весьма богатый матеріалъ по данному вопросу, какъ отъ оффиціальныхъ лицъ и учрежденій, такъ и отъ представителей земствъ, печати и т. д. Получится такой богатый матеріалъ, который принесетъ намъ большую пользу... Господа представители власти говорили здѣсь, что рабочіе страдаютъ по собственной винѣ. Я уже имѣлъ возможность отвѣтить, насколько несправедливо и насколько невѣрно мнѣніе, будто забастовки вызываютъ экономическія бѣдствія рабочихъ. Я сейчасъ имѣлъ возможность указать, что только нежеланіе фабрикантовъ итти на минимальныя уступки приводитъ ихъ въ

такое положеніе. Но ихъ положеніе страшно тя
они переносятъ ужасныя страданія, охвачены
можными болѣзнями, происходящими отъ голо
посылаютъ дочерей продавать свое тѣло, чтобы
возможность купить себѣ хлѣба. И здѣсь говор
рабочіе страдаютъ по собственной волѣ! Вѣдь
насмѣшка! Рабочій старикъ, не имѣющій возможно
пить себѣ хлѣба, посылаетъ свою дочь продавать
И здѣсь говорятъ, что рабочіе страдаютъ по соб
ной волѣ. Это невозможное дѣло". (Аплодисменты сл
„Какъ они смѣютъ требовать!"—сказалъ представи
власти. Да, они смѣютъ требовать, потому что они
лодны. Всякій голодный, которому остается либо
реть, либо требовать,—онъ всегда выберетъ посл
и будетъ требовать, и сколько бы вы ни говорили,
они будутъ требовать. И кто знаетъ, можетъ быть, и
требованія будутъ выполнены"...

Послѣ окончанія преній Дума приступила къ голо
ванію. Первой на голосованіе предсѣдателемъ Думы бы
поставлена резолюція кадетовъ объ избраніи комис
изъ 19 членовъ для обсужденія вопроса о размѣ
ассигновки на помощь безработнымъ, пострадавш
отъ промышленнаго кризиса. Голосованіе началось
поправки соціалъ-демократовъ о томъ, чтобы изъ ре
люціи были выброшены слова: „пострадавшимъ отъ п
мышленныхъ кризисовъ". Предложеніе соціалъ-демок
товъ было принято 223 членами Думы противъ 202,
чемъ 11 членовъ Думы отъ баллотировки уклонились.

Такимъ образомъ намѣреніе кадетовъ оказывать п
держку только одной группѣ безработныхъ (пострад
шимъ отъ промышленнаго кризиса) провалилось. Ду
приняла рѣшеніе объ оказаніи помощи всѣмъ безраб
нымъ, не взирая на причины, по которымъ они остал
безъ работы.

Видя, что большинство Думы на сторонѣ соціалъ-
мократовъ, предсѣдатель Думы Головинъ са
вольно снялъ вопросъ о посылкѣ депутатовъ на мѣ
для разслѣдованія причинъ безработицы. Онъ очеви

угался, что и посылка на мѣста будетъ принята
мой. Церетели показалъ всю неосновательность отвода
ложенія соціалъ-демократовъ, такъ какъ въ засѣда-
Думы 9-го марта совершенно такой же вопросъ и
тѣхъ же условіяхъ былъ поставленъ на голосованіе,
ъ правильный и входящій въ компетенцію Думы.
г. Головинъ постарался вопросъ замять, и оконча-
льное рѣшеніе его было отложено на неопредѣленное
емя.

За поправку соціалъ-демократовъ голосовали: соціалъ-демократы, соціалисты-революціонеры, народные соціалисты, мусульмане, 11 кадетовъ.

Засѣданіе Думы 15-го марта долго останется въ памяти кадетовъ. Урокъ, который они вынесли изъ этого засѣданія, заключается въ томъ, что союзъ кадетовъ съ правыми партіями не всегда можетъ создавать побѣды „конституціонному центру".

Рабочему классу засѣданіе 15-го марта лишній разъ показало, насколько неспособны кадеты защищать его интересы. Въ свое время въ московскихъ газетахъ была напечатана рѣчь депутата г. Кизеветтера, въ которой онъ объяснялъ причины, заставившія кадетовъ въ Москвѣ отказать рабочимъ въ депутатскомъ мѣстѣ. Въ этой рѣчи г. Кизеветтеръ указывалъ на то, что рабочимъ излишне стремиться проводить въ Думу непремѣнно своихъ избранниковъ, для нихъ гораздо выгоднѣе послать своими представителями кадетовъ, такъ какъ кадеты, обладая знаніями, образованіемъ, сумѣютъ въ Думѣ постоять за рабочихъ лучше, чѣмъ это могли бы сдѣлать депутаты, избранные изъ рядовъ пролетаріата. Г. Кизеветтеръ говорилъ это 28-го января 1907 г., а 15-го марта того же года онъ показалъ себя въ качествѣ защитника интересовъ рабочаго класса: не кто иной, какъ именно г. Кизеветтеръ пытался въ этотъ день сорвать въ Думѣ вопросъ о безработныхъ. Этотъ случай не мѣшало бы запомнить той части московскихъ приказчиковъ, которые голосовали за кадетовъ. Поведеніе г. Кизеветтера въ вопросѣ о безработныхъ, быть можетъ, отрез-

вить и кое-чему научить даже и московскаго кадетскаго выборщика изъ приказчиковъ г. Губарева, выступавшаго передъ рабочими въ качествѣ самоотверженнаго адвоката кадетовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе 1.

Декларація с-д. фракціи, прочитанная на засѣданіи Г. Д. 6 марта.

Деп. Церетели. По порученію соціалъ-демократической фракціи имѣю честь прочитать слѣдующее заявленіе: Распустивъ первую Думу и освободившись отъ всякаго контроля надъ своей дѣятельностью, правительство обнаружило свою настоящую природу. Оно показало, что оно является правительствомъ дворянъ, дѣйствующимъ въ тѣсномъ союзѣ съ крѣпостниками, съ паразитическими элементами общества. Оно использовало находившійся въ его распоряженіи семимѣсячный промежутокъ для того, чтобы подъ видомъ успокоенія страны постараться всѣми способами оградить интересы правящей бюрократіи, крѣпостниковъ-помѣщиковъ и всякаго рода паразитовъ. Правительство попрало ногами всѣ уже существующіе, хотя и крайне ограниченные, законы о свободахъ. Права собраній, союзовъ, свободы слова и печати, обѣщанныя 17 октября 1905 г., обратились въ пустой звукъ. Правительство покрыло всю страну сѣтью усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія. Оно заставило солдатъ арміи и флота, а также и казаковъ, служить дѣлу народнаго угнетенія и безпощадно расправлялось съ ними за всякую попытку стать на сторону народа. Оно довело административный произволъ до предѣловъ неслыханныхъ даже тогда, когда Россіи не была еще обѣщана конституція. Оно набило каторги и тюрьмы и мѣста ссылки до переполненія борцами за свободу и жертвами правительственныхъ экзекуцій. Оно посмѣялось надъ всякими понятіями правосудія, допускало примѣненіе средневѣковыхъ пытокъ и увѣнчало эту насмѣшку надъ правосудіемъ введеніемъ военно-полевыхъ судовъ, которые успѣли уже казнить болѣе семи сотъ человѣкъ, оно закрывало глаза на преступную дѣятельность черной сотни, поддерживая травлю національностей—евреевъ, поляковъ, армянъ, грузинъ, мусульманъ, поощряло устрой-

ство погрома въ Сѣдлецѣ, награждало организаторовъ этого погрома. Оно распоряжалось безконтрольно народными деньгами и въ лицѣ товарища министра Гурко допустило злоупотребленія даже по отношенію къ средствамъ, предназначеннымъ для помощи голодающимъ, и принимало самыя незаконныя мѣры, чтобы не допустить частныхъ лицъ кормить голодныхъ. Произвольными сенатскими разъясненіями и административными распоряженіями правительство отняло у милліоновъ гражданъ неоспоримо принадлежащія имъ избирательныя права и беззастѣнчивымъ вмѣшательствомъ въ ходъ выборовъ старалось не допустить свободнаго выраженія народной воли и провести въ Думу своихъ ставленниковъ. Цѣлый рядъ законовъ, изданныхъ правительствомъ, вопреки обѣщаніямъ 17 го октября безъ одобренія Гос. Думы, преслѣдуетъ ту цѣль, чтобы распродать, въ интересахъ казны и помѣщиковъ-крѣпостниковъ, земли, на которыя народъ, столько лѣтъ угнетаемый и эксплоатируемый, имѣетъ несомнѣнное право. Правительство сдѣлало все, что было въ его силахъ, чтобы раздробить и ослабить крестьянство. Съ особой злобой обрушилось оно за эти семь мѣсяцевъ на рабочій классъ. Оно стремилось уничтожить всѣ его политическія и профессіональныя организаціи. Оно вмѣшивалось въ экономическую борьбу пролетаріата, становясь на сторону капиталистовъ. Оно покровительствовало чернымъ сотнямъ, срывавшимъ рабочія стачки, оно не только ничего не сдѣлало для уменьшенія бѣдствій безработицы, но напротивъ, содѣйствовало росту ея, поощряя локауты со стороны предпринимателей, усиленные расчеты рабочихъ на казенныхъ заводахъ и, наконецъ, полное закрытіе этихъ заводовъ. Своими законами о праздничномъ отдыхѣ и сокращеніи рабочаго времени въ торговыхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ оно передало рѣшеніе этого вопроса въ руки хозяевъ и городскихъ думъ, составленныхъ изъ представителей купечества. Оно направило свои удары противъ самой беззащитной категоріи пролетаріата—сельскихъ рабочихъ, грозя тяжелыми карами за борьбу съ помѣщиками. Таково это правительство, которому страна при выборахъ очень ясно выразила свое недовѣріе и которое предстало предъ Государственной Думой съ своей декларацією, съ обѣщаніемъ законовъ о свободахъ. Какъ-будто бы можетъ быть какая-нибудь вѣра въ эти свободы и эти законы, когда власть остается у правительства, не стѣсняющагося попирать ногами всѣ свободы и законы. Въ противовѣсъ этому обѣщанію соціалъ демократическая фракція Государственной Думы заявляетъ: она ничего не ждетъ отъ правительства самодержавной бюро-

ратіи, она помнитъ, что прошлая Дума не довела своей борьбы съ правительствомъ до побѣды, потому что она не успѣла еще связать себя съ народомъ; она знаетъ, что и нынѣшняя Дума однимъ только выраженіемъ недовѣрія не можетъ сломить упорства бюрократіи, что Думѣ еще нужно стать силой, способной послужить мощнымъ орудіемъ народнаго освобожденія, она возлагаетъ всѣ свои надежды на движеніе самого народа, который одинъ только можетъ положить конецъ режиму произвола и насилія и дать народному представительству силу для раскрытія тюремъ, для установленія свободы, для разрѣшенія земельнаго вопроса, для открытія простора борьбѣ пролетаріата, для переложенія тягости налоговъ съ бѣднаго населенія на болѣе достаточное и т. д.

Соціалъ-демократическая фракція вошла въ Государственную Думу именно затѣмъ, чтобы неустанной работой во всѣхъ отрасляхъ думской дѣятельности, опираясь на законныя права Государственной Думы, раскрыть народу глаза на дѣйствительное положеніе дѣлъ, указывать ему на необходимость поддержки Государственной Думы въ ея шагахъ, направленныхъ на завоеваніе свободы и подчиненіе себѣ исполнительной власти, содѣйствовать сплоченію и организаціи народныхъ силъ и прежде всего, силъ пролетаріата, класса, представителемъ котораго является соціалъ-демократія, и который игралъ, играетъ и будетъ играть главную роль въ дѣлѣ всероссійскаго освобожденія. Приступая къ этой трудной работѣ, соціалъ-демократическая фракція обращается мыслью къ своимъ сотоварищамъ по борьбѣ, къ тѣмъ тысячамъ ссыльныхъ и заключенныхъ, которые томятся въ плѣну у правительства. Соціалъ-демократическая фракція ни на минуту не забудетъ о томъ народномъ кличѣ, который провожалъ ея членовъ Государственной Думы, который ежедневно повторяется въ получаемыхъ ею многочисленныхъ письмахъ и наказахъ. Она ни на минуту не забудетъ о полномъ освобожденіи ссыльныхъ и заключенныхъ и будетъ работать для этого освобожденія тѣмъ единственнымъ способомъ, которымъ оно только и можетъ быть достигнуто, постояннымъ указаніемъ народу, что только освобождаясь самъ, онъ освободитъ и своихъ борцовъ.

Приложеніе II.

Рѣчь депутата Алексинскаго (с.-д.) о бюджетѣ.

Алексинскій. Граждане депутаты! Когда вчера г. министръ финансовъ предупреждалъ насъ о томъ, что намъ, людямъ неопытнымъ, неосвѣдомленнымъ, не побывавшимъ на самомъ днѣ, въ самой глубинѣ бюджетной росписи, будетъ трудно судить о росписи доходовъ и расходовъ, когда онъ говорилъ, что тутъ только немногіе могутъ разобраться въ этомъ сложномъ и важномъ дѣлѣ, я, признаюсь, записавшійся ранѣе въ число ораторовъ, былъ нѣсколько смущенъ. Мнѣ казалось, что я, не финансистъ, а представитель рабочихъ, можетъ быть, дѣйствительно не смогу сказать ничего такого, что могло бы содѣйствовать уясненію, освѣщенію вопроса. Но чѣмъ болѣе слушалъ я рѣчь самого мин. финансовъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что именно долговременное пребываніе въ сокровенныхъ глубинахъ россійскаго бюджета лишаетъ человѣка правильной точки зрѣнія на этотъ сложный и важный для народа вопросъ. (Апплодисменты слѣва). Въ самомъ дѣлѣ, какая была основная точка зрѣнія министра? Когда онъ выступалъ передъ нами съ изложеніемъ основъ государственной росписи доходовъ и расходовъ на текущій годъ, онъ исходилъ изъ понятія государственности. Я съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ его словамъ и старался понять, въ чемъ смыслъ, въ чемъ значеніе той государственности, во имя которой намъ предлагаютъ подписать 2 милліарда бюджета. Смыслъ этой государственности очень простой: онъ оказался понятіемъ чисто формальнымъ. Г. министръ большинство бюджетныхъ требованій основывалъ на томъ, что есть тотъ или другой параграфъ закона, въ силу котораго существуетъ данная смѣта. Онъ говорилъ, что есть архаическія, обветшалыя, непригодныя учрежденія; но такъ какъ они существуютъ, то вы, господа народные представители, должны расписаться подъ тѣмъ бюджетомъ, который служитъ источникомъ питанія этихъ

архаическихъ, до крайности негодныхъ учрежденій. Онъ говорилъ намъ, что если есть законъ, то, пока онъ не отмѣненъ, государственный расходъ долженъ производиться въ силу этого закона. Я долженъ сказать вамъ, что мы, соціалъ-демократы, стоимъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія. Въ данномъ случаѣ мы расходимся кореннымъ образомъ не только съ г. министромъ финансомъ, но и съ тѣми представителями конституціонно-демократической партіи, которые вчера при критикѣ бюджета стояли на такой же мелочной и столь же формальной точкѣ зрѣнія, на какой стоялъ и г. министръ финансовъ.

Когда говорятъ, что есть архаическій законъ, который требуетъ питанія архаическихъ учрежденій, но уже совершенно неархаическими, а обновленными рессурсами (смѣхъ лѣвыхъ и центра), то, кажется, совершенно естественно долженъ возникнуть вопросъ, какъ вы, господа, стоящіе на высотахъ власти, вы, смотрящіе вглубь сѣдыхъ временъ и знающіе, что этотъ архаическій законъ существовалъ въ теченіе 2 — 3 вѣковъ, какъ это вы не поставили себѣ вопроса: да имѣютъ ли право на существованіе и эти учрежденія, и этотъ законъ? На этотъ вопросъ г. министръ финансовъ отвѣта не далъ, а долженъ былъ бы дать. Когда представитель правительства, представитель государственной власти выступаетъ передъ народными представителями съ первымъ отчетомъ о своей финансовой дѣятельности, онъ долженъ привести не формальное оправданіе, не ссылку на пункты и параграфы мертвыхъ, обветшалыхъ устоевъ, онъ долженъ привести живое оправданіе, т.-е. оправданіе съ точки зрѣнія интересовъ народа, оправданіе для тѣхъ громадныхъ расходовъ, которые истощили нашъ несчастный народъ. Это реальное оправданіе съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ намъ не было дано. Говорилось много о томъ, что точка зрѣнія государственныхъ обязанностей и патріотизма заставляетъ насъ подписывать предлагаемую роспись доходовъ и расходовъ. Г. министръ финансовъ указалъ намъ на изреченіе бельгійскаго министра финансовъ, съ которымъ тотъ обращался къ своимъ парламентскимъ депутатамъ. Далѣе, министръ финансовъ говорилъ, что передъ бюджетной жизнью должны смолкнуть всѣ партійные интересы, т.-е. интересы отдѣльныхъ слоевъ населенія. Бюджетъ—это, такъ-сказать, обще-національный интересъ, который долженъ объединить собой всѣхъ представителей народа, безъ различія партій. Когда русскій министръ финансовъ прочелъ это изреченіе бельгійскаго министра финансовъ, я думалъ, что онъ вынетъ изъ кармана бельгійскую конституцію (аплo-

дисменты лѣвыхъ и части центра) и прочтетъ намъ статьи этой конституціи, которая дѣлаетъ бельгійскій парламентъ въ области бюджетнаго права наиболѣе полновластнымъ изъ всѣхъ парламентовъ Запада. Я думалъ, что г. министръ прочтетъ статьи бельгійской конституціи, но такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, то я позволю себѣ сдѣлать это за него. (Смѣхъ, аплодисменты лѣвыхъ и центра). Въ бельгійской конституціи есть слѣдующія положенія: Ст. 1 гласитъ: „Никакой налогъ и никакой сборъ въ пользу государства не можетъ быть установленъ иначе, какъ только закономъ". Какъ видите, въ этой статьѣ ни о какихъ архаическихъ штатахъ, положеніяхъ, высочайшихъ повелѣніяхъ и распоряженіяхъ не говорится. Тамъ только законъ, т.-е. воля народнаго представительства, опредѣляетъ собой всѣ налоги и сборы въ пользу государства.

Ст. 2 гласитъ: „Налоги въ пользу государства устанавливаются ежегодно; установленіе же и вторичное возобновленіе имѣютъ силу лишь въ теченіе одного года". Тамъ не можетъ быть рѣчи о параграфѣ, который является сѣдымъ старикомъ, живущимъ въ теченіе двухъ-трехъ столѣтій и на этомъ основаніи требующимъ не только уваженія къ себѣ, но и весьма серьезнаго ассигнованія изъ народнаго кармана. Тамъ говорится, что народомъ вотируются налоги ежегодно, потому что тамъ парламентъ собирается ежегодно, тамъ двери парламента не запираютъ тогда, когда этотъ парламентъ начинаетъ говорить голосомъ, непріятнымъ для правительственной власти. (Аплодисменты лѣвой и части центра). Статья 3 говоритъ, что „не можетъ быть установлено никакихъ налоговыхъ привилегій, никакого освобожденія отъ налоговъ или уничтоженія иначе, какъ по закону"; слѣдовательно, никакихъ исключеній для дворянства, никакихъ привилегій для паразитовъ капитализма, ихъ же нѣтъ числа въ Россіи, въ Бельгіи не предлагается. Бельгійскій министръ въ своей рѣчи объ этомъ не говорилъ ни слова. Статья 4 гласитъ: „Никакихъ пенсій, никакихъ наградъ изъ средствъ государственнаго казначейства не можетъ быть пожаловано иначе, какъ въ силу закона". Когда я прочелъ эту статью, я взглянулъ въ россійскую роспись расходовъ и разныхъ выдачъ денежныхъ суммъ и увидѣлъ, что тамъ значится на содержаніе дома князя Чернышева 15,000 руб. съ 1852 года. Въ статьѣ 5 говорится: „Каждый годъ палата устанавливаетъ налоги и вотируетъ бюджетъ; всѣ приходы и расходы государства должны быть внесены въ бюджетъ и въ отчетъ"; значитъ, тамъ не можетъ цѣлое вѣдомство пропасть, какъ въ нашемъ государствѣ пропало цѣлое большое вѣдомство.

Ст. 6. „Заключеніе займовъ въ пользу государственнаго казначейства можетъ имѣть вѣсъ только на основаніи закона, при условіи какихъ-либо гарантій". Нечего и говорить о томъ, что у насъ въ Россіи нѣтъ и намека на эти гарантіи отъ задолженности у иностранныхъ капиталистовъ.

Ст. 7. „Проектъ финансовыхъ законовъ, государственнаго бюджета представляется сначала парламенту и послѣднимъ принимается или отвергается цѣликомъ".

Изложивъ здѣсь то небольшое дополненіе, которое слѣдовало сдѣлать въ рѣчи бельгійскаго министра, къ которой присоединился русскій министръ финансовъ, я перехожу къ дальнѣйшей характеристикѣ того, что намъ предложилъ отъ имени русскаго правительства г. министръ финансовъ. Какъ справедливо замѣчено представителемъ партіи народной свободы, депутатомъ Кутлеромъ, вопросъ о бюджетѣ есть прежде всего вопросъ политики, это вопросъ политическій. Я бы сказалъ даже больше: это, такъ сказать, внѣшнее выраженіе всего смысла и содержанія какъ иностранной, такъ и внутренней политики даннаго государства. И вотъ, если мы съ этой точки зрѣнія начнемъ оцѣнивать россійскій бюджетъ, если мы посмотримъ на него не какъ на формальный перечень мелкихъ, среднихъ, крупныхъ и очень крупныхъ, колоссальныхъ цифръ, если мы посмотримъ на него не какъ на перечисленіе по § мъ, если будемъ разсматривать его въ связи съ общей внѣшней и внутренней политикой государства, только тогда мы можемъ прійти къ правильному выводу относительно содержанія и значенія этого бюджета, только тогда мы можемъ намѣтить себѣ вѣрный путь, настоящія отношенія къ россійскому государственному бюджету. Г. министръ финансовъ говорилъ намъ, что задолженность наша и неблагополучное состояніе нашихъ финансовъ въ значительной степени объясняется расходами на войнѣ. Онъ указалъ на то, что было время, когда Россія являлась защитницей всей Европы. Онъ указалъ намъ на начало прошлаго вѣка и считаетъ эту дѣятельность Россіи достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы у насъ сейчасъ на государственномъ казначействѣ было 9 милліардовъ долга. Я долженъ сказать, что рабочіе, которые меня послали, люди, быть-можетъ, менѣе освѣдомленные въ вопросахъ финансовыхъ и политическихъ, разсуждали по этому поводу такъ. Они говорятъ: вѣрно, что Россія играла крупную роль во внѣшнихъ событіяхъ въ международныхъ столкновеніяхъ Европы: но не достаточно играть крупную роль — надо знать, какова эта роль, нужно знать, кому служитъ въ данномъ случаѣ государство. И вотъ

рабочіе, изучая исторію Россіи, сознательные рабочіе приходятъ къ весьма печальному выводу: они говорятъ, что русское правительство старалось охранять порядокъ не только у себя, но и у другихъ, стремилось играть, какъ они выражаются, роль международнаго жандарма. (Аплодисменты слѣва). Я не знаю, можетъ быть, г. министру финансовъ совершенно чуждо такое представленіе о дѣятельности того государства, той правительственной власти, представителемъ интересовъ которой онъ является здѣсь, на этой трибунѣ; можетъ быть, оно ему чуждо, но я считаю своимъ долгомъ довести до его свѣдѣнія этотъ самый распространенный среди рабочаго населенія взглядъ на ту грандіознѣйшую и заслуживающую, по мнѣнію министра, уваженія роль, которую играла Россія. Дальше, помимо этой роли, въ международной политикѣ Россіи мы замѣчаемъ постоянное стремленіе къ завоевательной политикѣ. Это стремленіе наиболѣе рѣзко проявилось въ исторіи такъ-называемой дальневосточной авантюры. Что такое дальневосточная авантюра, это мы всѣ знаемъ, а каковы ея послѣдствія—объ этомъ лучше всего знаетъ самъ г. министръ финансовъ. Въ росписи онъ указалъ, что расходы, произведенные на войну, достигли 2 милліардовъ 590 милліоновъ 716 тысячъ рублей — вотъ чего стоила дальне-восточная авантюра; къ этому надо прибавить тѣ расходы на ликвидацію войны, расходы, которые, какъ самъ министръ предупреждаетъ, предвидятся еще въ теченіе значительнаго, быть-можетъ, времени въ будущемъ. Если къ этому еще прибавить гибель нашего флота, разореніе многихъ семействъ, жертвы человѣческія, жертвы человѣческимъ мясомъ, имуществомъ и деньгами, то мы скажемъ, что эта завоевательная политика, если и была въ интересахъ народности,—народу она принесла только убытокъ. Но оказывается, что и для государственности она не имѣла столь положительнаго значенія, какъ, мнѣ кажется, ей придаетъ министръ финансовъ. Ссылаюсь здѣсь на мнѣніе самого министра финансовъ, высказанное имъ не 20 марта 1907 г. въ зданіи русской Государственной Думы, а 30 сентября 1906 года, въ спеціальномъ совѣщаніи по вопросу о судостроительной программѣ; тамъ министръ финансовъ говорилъ о томъ, что для насъ портсмутскій договоръ и исходъ дальневосточной авантюры являются поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Россіи: „уже нельзя говорить о прежнихъ задачахъ для ея флота, которыя ставились 2 года тому назадъ, нельзя говорить о широкомъ размахѣ и стремленіи“ — я сказалъ бы къ лѣсамъ на рѣкѣ Ялу (смѣхъ слѣва).—„Судьбы, наступившія для Россіи, заставляютъ насъ сидѣть смирно, вести политику всегда

примирительную, осторожную". Мнѣ кажется, если бы самъ г. министръ остался на той точкѣ зрѣнія, которую онъ высказалъ 30 сентября 1906 года, это было бы болѣе правильнымъ съ точки зрѣнія интересовъ народа, чѣмъ та точка зрѣнія, на которой онъ стоялъ здѣсь третьяго дня. Внѣшняя политика государства въ своемъ бюджетѣ выражаетъ свою внутреннюю политику и если мы будемъ всматриваться въ эту внутреннюю политику на основаніи бюджетныхъ цифръ, то мы придемъ къ еще болѣе печальнымъ выводамъ: мы увидимъ, что внутренняя политика правительства, поскольку она выражалась и выражается въ россійскомъ бюджетѣ, если служила чьимъ-нибудь интересамъ, то во всякомъ случаѣ это не были интересы широкихъ народныхъ массъ и прежде всего это не были интересы рабочаго класса Россіи и интересы крестьянства Россійской Имперіи. Если мы будемъ всматриваться въ характеръ внутренней политики на основаніи россійскаго бюджета, то мы увидимъ слѣдующее: мы увидимъ, что наше государство еще до сихъ поръ остается бюрократическимъ, крѣпостническимъ государствомъ въ полной мѣрѣ. Мы увидимъ, что эта государственность есть государственность небольшой сравнительно съ многомилліонной массой населенія кучки крупныхъ помѣщиковъ и капиталистовъ паразитическаго типа, которые пользуются государственнымъ бюджетомъ для удовлетворенія своихъ даже не массовыхъ, а чисто групповыхъ, желудочныхъ, грубонасыщательныхъ интересовъ (справа шумъ, смѣхъ, апплодисменты). Господа правые почему-то, когда при нихъ говорятъ о желудочныхъ интересахъ, очень волнуются (справа смѣхъ, апплодисменты, голоса: „здѣсь нѣтъ капиталистовъ"), тамъ есть сахарозаводчики и винокуры (справа шумъ, апплодисменты; звонокъ предсѣдателя), я говорю, правые успѣютъ въ свое время дать отвѣтъ и можетъ быть на время позабудутъ о своихъ желудкахъ и дадутъ мнѣ продолжать мою рѣчь по существу. Разсматривая съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія государственности кучки крупныхъ бюрократовъ, помѣщиковъ и паразитическихъ капиталистовъ нашу государственную систему, мы приходимъ къ крайне рѣзкимъ и весьма неутѣшительнымъ для народа выводамъ. Мы видимъ, что во внутренней политикѣ интересы той кучки окрашивали собой каждое болѣе или менѣе крупное дѣйствіе правительства.

Каждый болѣе или менѣе крупный расходъ по правительственной смѣтѣ, носитъ на себѣ либо дворянскій гербъ, либо клеймо крупной желѣзопрокатной или иной фирмы. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ всматриваться въ то, какую часть въ нашемъ бюджетѣ занимаетъ рас-

ходъ на удовлетвореніе различныхъ частей государственныхъ нуждъ и потребностей, то мы увидимъ слѣдующее. Мы увидимъ, что у насъ наибольшая сумма въ бюджетѣ идетъ на уплату процентовъ по иностраннымъ займамъ. Это послѣдствія нашей внѣшней политики, которая, главнымъ образомъ, вызвала на свѣтъ эти займы. Они служили либо къ охранѣ международнаго порядка, или охранѣ отъ народныхъ движеній на Западѣ, либо они служили завоевательной политикѣ, обезпечивающей исключительно алчные интересы небольшой кучки лицъ, родовитыхъ и богатыхъ. Въ государственной росписи расходъ на уплату по займамъ приходится въ 17,5% общей цифры расходовъ, или 380 мил. руб. Слѣдующимъ затѣмъ расходомъ является расходъ на оборону государства, которая въ значительной степени сводится къ той же завоевательной политикѣ, къ охранѣ порядка и спокойствія, понимаемаго, конечно, въ полицейскомъ смыслѣ—внѣ Россіи и внутри ея. Расходъ на оборону государства достигаетъ 452.000.000 руб. Когда я разсматривалъ эти отдѣльныя смѣты, я старался выяснить, почему государству приходится затрачивать такія крупныя суммы, и обращался къ различнымъ источникамъ. Какъ вамъ извѣстно, въ требованіяхъ русскихъ рабочихъ есть пунктъ объ отмѣнѣ постоянной арміи и замѣнѣ ея всеобщимъ вооруженіемъ народа. Вотъ, думалъ я, почему бы для удешевленія стоимости обороны государства не примѣнить ту мѣру, которую для этого предлагаетъ сознательный пролетаріатъ Россіи (апплодисменты слѣва). Отвѣтъ на это я нашелъ въ сочиненіи русскаго военнаго министра генерала Редигера. Въ этомъ сочиненіи, выдержавшемъ уже 3 изданія „Къ вопросу о комплектованіи и вооруженіи арміи“ онъ говоритъ, что „только постоянная армія можетъ служить надежнымъ средствомъ для подавленія народныхъ волненій“ (апплодисменты слѣва). Когда я прочелъ это, я понялъ, почему оборона государства и содержаніе постоянной арміи играетъ такую громадную роль въ бюджетѣ Россійской Имперіи. Я оставляю въ сторонѣ расходы по казеннымъ операціямъ, потому что объ этомъ говорилось много, и здѣсь этого вѣроятно будетъ касаться другой представитель нашей фракціи. Перехожу теперь къ расходамъ, которые не относятся прямымъ образомъ къ оборонѣ государства. Какъ извѣстно на ряду съ этимъ расходомъ играютъ огромную роль желѣзнодорожные займы. Было время, когда Россія какими то непомѣрно бѣшеными скачками летѣла по пути желѣзнодорожнаго строительства, когда громадныя суммы денегъ затрачивались для проведенія различныхъ желѣзнодорожныхъ путей, когда вся, такъ сказать, хо-

зяйственная дѣятельность государства внутри была сплошнымъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ.

Мы видимъ, что въ 90 годахъ, во время желѣзнодорожной горячки, когда усиленно производились расходы на желѣзнодорожное строительство, эти расходы сводились въ сущности къ тому же воспособленію паразитическимъ капиталистамъ-промышленникамъ. Въ 90 годахъ, по свидѣтельству не какого-нибудь революціоннаго соціалъ-демократа, а весьма умѣреннаго октябриста, проф. Мигулина, во время желѣзнодорожной горячки министер. финансовъ по соглашенію съ министерствомъ путей сообщенія, для созданія желѣзнодорожной сѣти изъ русскихъ матеріаловъ, назначало двойныя цѣны за исполненіе заказовъ. Отсюда громадныя прибыли, которыя давали рельсопрокатные, паровозостроительные, вагоностроительные и желѣзодѣлательные заводы и сказочныя вознагражденія членовъ правленія и высшей администраціи этихъ заводовъ. Въ 1901 году шесть металлургическихъ заводовъ; только шесть заводовъ, вслѣдствіе повышенія цѣнъ на казенные заказы получили $8^1/_2$ мил. рублей преміи, которая была выдана формально, несомнѣнно, на основаніи извѣстныхъ параграфовъ, но фактически изъ суммъ народа, изъ той водки, которую употребляли крестьяне, изъ тѣхъ суммъ, которые были собраны путемъ косвенныхъ налоговъ съ массъ городской и крестьянской бѣдноты. При этомъ сами промышленники признавались, что въ то время, когда выработка рельсъ обходилась по 85 коп. пудъ, правительство платило по 1 р. 25 к. за пудъ. Мигулинъ полагаетъ, что на желѣзнодорожное строительство въ періодъ съ 1893 по 1902 годъ израсходовано, по крайней мѣрѣ, полмилліарда рублей лишнихъ. Между тѣмъ, практическая польза отъ этого всѣмъ извѣстна: тѣ залежи, которыя постоянно образуются на всѣхъ жел.-дор. путяхъ, когда нужно свезти хлѣбъ въ голодн. мѣстности. Вамъ извѣстна та польза для народа, которую приносятъ желѣзныя дороги, мнѣ и объ этомъ говорить долго не приходится. По вычисленіямъ проф. Мигулина, 1899 годъ — послѣдній прибыльный годъ для русскихъ желѣзныхъ дорогъ; въ 1900 году онѣ дали уже 3 милліона, а въ 1905 году—74 милліона убытку, не считая платежей по желѣзнодорожнымъ займамъ. Но не однѣ желѣзныя дороги получаютъ воспособленіе отъ казны, ихъ получаютъ также и нефтепромышленники, и сахарозаводчики и многія другія группы отечественныхъ и иностранныхъ капиталистовъ. Извѣстно, что на содержаніе государственнаго банка состоятъ чутъ ли не до сей поры цѣлыхъ 12 группъ различныхъ предпріятій, въ числѣ которыхъ есть предпрія-

тія, быть можетъ, очень полезныя для кого нибудь, только не для народа. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же Мигулинъ говоритъ объ отношеніяхъ государственнаго банка,—я извиняюсь передъ г. министромъ финансовъ, что говорю о государственномъ банкѣ,—онъ просилъ не касаться государственнаго банка, при обсужденіи бюджета, но я думую, что и это сюда относится. Такъ вотъ, Милугинъ говоритъ объ отношеніяхъ государственнаго банка, ко всѣмъ этимъ паразитическимъ предпріятіямъ, русскимъ и иностраннымъ (читаетъ), „государственный банкъ являлся и въ роли учрежденія, финансирующаго новыя предпріятія (а..ціонерное общество, учрежденное г. Шараповымъ подъ фирмою „Пахарь"), и въ роли покровителя ежедневной прессы (ссуды подъ акціи товарищества „Гуттенбергъ", издающаго газету „Новости"), и въ роли спасителя отъ банкротства разныхъ иностранныхъ гешефтмахеровъ (ссуда подъ акціи бумажной фабрики „Пализенъ"), и покровителя отечественнаго „гостепріимства" (ссуда подъ акціи нѣкоей гостиницы въ Москвѣ). Государственный банкъ приходитъ на помощь частнымъ банкамъ (харьковскому, московскому земельнымъ), дѣла которыхъ разстроены были вслѣдствіе злоупотребленія ихъ заправилъ, бралъ подъ свою опеку разстроенные металлургическіе заводы (Мальцевскіе, Сормово, Донецко-Юрьевскій, Александровскій сталелитейный и т. д. безъ конца) разстроенныя горнопромышленныя предпріятія (Алексѣевское общество), выдавалъ ссуды банковымъ дѣльцамъ, неудачно употребляющимъ текущіе вклады своихъ клієнтовъ на устройство собственныхъ предпріятій (ссуда г. Новову), платилъ за акціонерныя общества проценты по ихъ облигаціямъ, помѣщеннымъ заграницей (ссуда Брянскому обществу) и т. д... всего не перечесть, — со вздохомъ замѣчаетъ почтенный и умѣренный профессоръ Мигулинъ. Мало этого, если мы будемъ всматриваться, какой характеръ имѣло это покровительство паразитическимъ предпріятіямъ русскихъ и иностранныхъ капиталовъ въ Россіи, то мы увидимъ, что тутъ въ значительной мѣрѣ происходили взаимныя услуги. Мы можемъ, напримѣръ, установить, что значительный процентъ локаутовъ и выбрасыванія на улицу рабочихъ приходится на тѣ заводы и предпріятія, которые особенно усиленно субсидировались русскимъ правительствомъ. Въ числѣ таковыхъ, напримѣръ, Невскій заводъ, по Шлиссельбургскому тракту, недалеко отъ г. Петербурга, съ его знаменитыми въ исторіи рабочаго движенія локаутами, обрекавшими на голодную смерть десятки тысячъ старыхъ и малыхъ членовъ рабочихъ семействъ. Разумѣется, оказывая содѣйствіе капиталистамъ, правительство еще

болѣе помнитъ о другихъ своихъ вѣрныхъ слугахъ — о дворянахъ помѣщикахъ. Да и мудрено ему не помнить. Вѣдь въ сущности правительство наше до сихъ поръ является правительствомъ крупныхъ помѣщиковъ (голосъ справа: ложь, ложь!). Это утвержденіе не голословно и не придумано соціалъ-демократами, а безпартійнымъ публицистомъ Рубакинымъ установлено и вполнѣ достовѣрно...

Я рекомендую какъ представителямъ правой, такъ и представителямъ власти, познакомиться со статьями Рубакина,—напримѣръ: „Треповская партія въ цифрахъ", „Правящая бюрократія въ цифрахъ",—и они увидятъ оттуда, что наше государств. управленіе является управленіемъ помѣщиковъ надъ многомилліонной массой крестьянства и пролетаріата, и что главные расходы на личный составъ этого управленія идутъ въ карманы того же дворянства. (Шумъ и крики справа: ложь!) Мнѣ говорятъ „ложь"; я очень радъ, что статья Рубакина „Треповская партія въ цифрахъ" у меня подъ руками. Тамъ приводятся данныя о 28 тайныхъ, дѣйствительныхъ статскихъ и разныхъ другихъ совѣтникахъ, засѣдающихъ въ Гос. Совѣтѣ. И вотъ оказывается, что эти 28 человѣкъ обходятся казнѣ ежегодно въ 381 тыс. рублей. А если прибавить командировочныя, комиссіонныя, наградныя и т. д., то въ общемъ выйдетъ около 1 милліона рублей. Это на 28 человѣкъ! — ужасается наивно Рубакинъ. Если принять во вниманіе, что для спасенія голодающаго крестьянина отъ голоднаго тифа необходимо всего отъ 1 р. 40 к.—до 1 р. 60 к. въ мѣсяцъ, то на эту сумму, получаемую 28 членами Гос. Совѣта реакціонныхъ партій, можно прокормить и спасти отъ голодной смерти не менѣе 625 тыс. человѣкъ. Правда, эти люди простые, люди незнатные, но, во всякомъ случаѣ, я думаю, существованіе этихъ 625 тысячъ для народа болѣе полезно, чѣмъ существованіе тѣхъ 28 человѣкъ (Апплодисменты слѣва). Считая десятину круглымъ счетомъ 100 рублей, на ту же сумму можно было бы пріобрѣсти и прирѣзать крестьянамъ въ теченіе каждаго года 10.000 дес. Послѣ этого судите—ложь или правда то, что я сказалъ о личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія Россіи. Я думаю, что двухъ мнѣній тутъ быть не можетъ; думаю, что правые постыдятся, что они кричатъ „ложь", сами не читая такихъ основныхъ пособій, которыя къ нимъ прежде всего относятся (Смѣхъ. Апплодисменты слѣва). Помимо этого, я могъ бы еще привести цѣлый рядъ цифръ изъ другихъ статей, но вообще указываю на то, что для воспособленія дворянскому сословію существуетъ цѣлый рядъ учрежденій спеціально для кредитованія, для помощи, для

спасенія его отъ разоренія, и эти учрежденія ложатся страшною тяжестью на плечи русскаго народа. Мы знаемъ, что были дворянскіе займы, съ цѣлью облегчить кредитъ дворянамъ. Я не знаю, можетъ быть, дворяне, здѣсь сидящіе, еще не получили того, что имъ принадлежало (смѣхъ. Бурные аплодисменты слѣва) и потому они кричатъ „ложь“. Тогда пусть они справятся у ближайшихъ родственниковъ. (Шумъ и протесты справа. Смѣхъ. Аплодисменты слѣва). Вспомните дворянскіе займы. (Шумъ справа усиливается, оратора перебиваютъ Голосъ справа кричитъ. что ораторъ уклонился въ сторону и предлагаетъ предсѣдателю остановить его).

Предсѣдатель (обращаясь къ правой). Считаю долгомъ напомнить вамъ про существованіе статьи 38. Останавливать оратора нельзя. (Бурные аплодисменты слѣва и въ центрѣ).

Алексинскій. Граждане депутаты. (Шумъ и крики справа. Предсѣдатель заявляетъ, что каждый можетъ получить слово, только подавъ письменное заявленіе).

Алексинскій. Граждане депутаты! Я знаю, что нѣкоторымъ здѣсь непріятно это слушать. Мнѣ тоже непріятно здѣсь, въ палатѣ народныхъ представителей, говорить о такихъ вещахъ. Но мнѣ хочется все это сказать, потому что я желаю охарактеризовать систему россійскаго государственнаго бюджета, въ которомъ эти расходы играли значительную роль и служили указаніемъ общаго направленія правительственной политики. Къ этимъ же дворянскимъ займамъ долженъ быть отнесенъ и заемъ на выкупную операцію въ 496 милліоновъ рублей. Числившійся на дворянахъ съ 1861 года долгъ въ 472,473,000 рублей не только былъ погашенъ этимъ выкупомъ, но по свидѣтельству многихъ ученыхъ людей, спеціалистовъ въ финансовыхъ вопросахъ, опускавшихся на самое дно россійскаго бюджета, выкупная операція дала помѣщикамъ еще 600 милліоновъ рублей лишнихъ. Такъ вотъ я спрашиваю, имѣетъ ли это какое-либо отношеніе къ бюджету или нѣтъ? Судите сами! Я могъ бы привести еще много примѣровъ воспособленій дворянамъ черезъ посредство дворянскаго банка и т. д., но этотъ фактъ настолько извѣстный, что говорить о немъ не приходится. Въ этомъ году, какъ докладывалъ здѣсь представитель партіи народной свободы г Кутлеръ,—новый расходъ, который внесенъ въ земельное дѣло, это расходъ въ 4 милліона на землеустроительныя комиссіи и 6 милліоновъ на переселенческое дѣло. Эти деньги, какъ говорилъ г. Кутлеръ, были внесены въ интересахъ помѣщиковъ, чтобы отвлечь вниманіе крестьянъ отъ помѣщичьихъ земель на земли далекой Сибири, отвлечь вни-

маніе отъ лежащей на нихъ задачи—рѣшенія аграрнаго вопроса въ его полномъ объемѣ. Господа, если мы станемъ всматриваться въ глубину государственной росписи, то мы увидимъ, какой расходъ несетъ государство на содержаніе тюремъ и полиціи, на содержаніе этихъ учрежденій идетъ 5,2 проц. въ то время, какъ на народное просвѣщеніе дается всего лишь 2,8 проц. Въ самомъ дѣлѣ, по нашему бюджету, на просвѣщеніе народа, на начальное обученіе, государство тратитъ всего только 7,3 копейки на душу населенія, да 31 коп. тратятъ земство, городскія и иныя учрежденія. Если мы обратимся къ Сѣверо - Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, то увидимъ, что тамъ на народное образованіе отпускается по 4 р. 80 к. на душу, а въ далекой Новой Зеландіи, гдѣ, казалось, еще такъ недавно гуляли нагіе дикари, на просвѣщеніе народа отпускается по 5 р. 74 к. на человѣка. Когда у насъ рѣшается вопросъ о народномъ образованіи и объ его культурныхъ потребностяхъ и нуждахъ, то тутъ почему-то всегда начинаютъ играть роль разныя государственныя соображенія. Какого рода бываютъ эти соображенія, можно судить по слѣдующему предложенію одного изъ крупныхъ россійскихъ чиновниковъ, участвующаго въ комиссіи о свободѣ совѣсти, состоявшей подъ предсѣдательствомъ графа Игнатьева. Когда мусульманскимъ обществомъ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, чтобы государство дало вспомоществованіе на устройство мусульманскихъ школъ, вотъ что этотъ самый сановникъ говорилъ по этому поводу въ своей докладной запискѣ (читаетъ). „Желаніе это исходитъ изъ соображенія, что мусульмане несутъ тѣ же государственные налоги, какъ и прочее населеніе Имперіи, и поэтому государственная касса должна удѣлить необходимыя средства на образованіе мусульманскаго юношества. Въ данномъ случаѣ мусульмане заблуждаются, будто они вносятъ въ государственную кассу сумму, равную пропорціонально контингенту христіанскаго населенія. Мусульмане, слѣдуя каноническому предписанію (слушайте, господа депутаты!) не употребляютъ спиртныхъ напитковъ, что, разумѣется, ни одинъ христіанинъ не ставитъ и не поставитъ имъ этого въ какой нибудь моральный недочетъ. Тѣмъ не менѣе, въ общенародной экономіи мусульманъ сберегается этимъ путемъ до 70 милліоновъ рублей. Государственной кассѣ совершенно безразлично, вслѣдствіе какихъ побужденій плательщиковъ она не дополучаетъ ту или другую сумму. Кассѣ лишь необходимо сообразовать свои платежи съ суммой полученія. Соображаясь съ такой необходимостью, казна поступила бы въ высшей степени неосторожно, если бы, недополучая съ му-

сульманскаго населенія десятки милліоновъ рублей, расходовала бы въ то же время полученія съ христіанск. насел. на нужды мусульманъ“ (Аплодисменты).

Теперь, граждане, вы ясно видите, каковы государственныя соображенія. Государственныя соображенія въ данномъ случаѣ сводятся къ слѣдующему: „Если ты пьешь водку и приносишь государству доходы, то ты въ правѣ получать $^{73}/_{10}$ копейки на душу; если тебѣ Аллахъ или коранъ воспрещаютъ пить водку, то не разсчитывай тогда на государственную ссуду на образованіе твоихъ дѣтей. (Аплодисменты лѣвой). Граждане! Я привелъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ для выясненія той государственной точки зрѣнія, во имя которой здѣсь проповѣдывалась идея утвержденія бюджета и возможно скораго его обсужденія. Какъ вы помните, министръ финансовъ, въ началѣ своей рѣчи, говорилъ намъ: Вы должны бюджетъ разсмотрѣть какъ можно скорѣе, ибо это дѣло исключительной важности; онъ долженъ быть разсмотрѣнъ внѣ очереди. Этого требуетъ насущный государственный интересъ, интересъ всего населенія,— затѣмъ онъ прибавилъ, что, если бы Дума не утвердила бюджетной смѣты, то у государства достаточно законныхъ способовъ утвердить ее, но что онъ предлагаетъ намъ утвердить бюджетъ въ силу особыхъ соображеній высшаго порядка. Я думаю, что эти соображенія очень просты, и увѣренъ въ справедливости моихъ предположеній. Когда я вспоминаю, какъ часто выступалъ министръ финансовъ, каждый разъ опровергая всякое, по его мнѣнію, невѣрное освѣщеніе правительственной финансовой дѣятельности, то мнѣ кажется, что эти высшія соображенія сводятся къ желанію, чтобы Дума, своимъ авторитетомъ, санкціонировала теперешнюю финансовую дѣятельность правительства и дала бы возможность вести дальнѣйшую политику въ такомъ же духѣ, а также облегчила бы заключеніе займа. Я замѣчаю противорѣчіе между послѣднимъ заявленіемъ г. министра финансовъ и недавнимъ заявленіямъ, которое имъ было сдѣлано.

Мы, говорилъ онъ, далеко не въ положеніи англійскихъ лордовъ. Когда тѣ рѣшаютъ какой-либо вопросъ, то они знаютъ, что за ними палата и король. Мы въ другомъ положеніи, мы только временно, до созыва новой Государственной Думы, пользуемся полностью бюджетными правами. Вотъ что приблизительно говорилъ теперешній министръ финансовъ 30 го сентября 1906 г., а теперь онъ говоритъ намъ, что, въ сущности, „мы имѣемъ достаточно законныхъ способовъ, чтобы удовлетворить свои финансовыя требованія и требованія своего

бюджета". Я думаю, что г. министръ финансовъ, съ точки зрѣнія интересовъ народа, былъ болѣе правъ 30-го сент. 1906 г., чѣмъ 20-го марта 1907 г. Очень жаль, что онъ отказался отъ своей прежней точки зрѣнія. Офиціальная газета „Россія" характеризуетъ отношеніе между правительствомъ и народными представителями слѣдующимъ образомъ: правительству нужна новая шляпа и оно обращается къ Думѣ съ предложеніемъ дать денегъ на покупку этой новой шляпы. Если же Дума не дастъ денегъ, то тогда оно надѣнетъ старую. Я нахожу, что постановка вопроса объ отношеніяхъ между Думой и правительствомъ въ дѣлѣ бюджета дѣйствительно такая. На эту сторону мы, граждане, и должны обратить большее вниманіе, чѣмъ на тотъ групповой характеръ, который эта политика носитъ. Въ органѣ англійскихъ биржевиковъ „Экономистъ" отъ 28-го іюня 1906 г. сообщалось, что русское правительство наканунѣ своего послѣдняго займа опредѣленно обязалось предъ западными капиталистами, что русскіе финансы будутъ подчинены надзору представительнаго учрежденія, и что заемъ не будетъ болѣе произведенъ безъ санкціи Думы. И вотъ, когда послѣ этого произошло событіе, именуемое роспускомъ первой Думы, то органъ англійскихъ биржевиковъ сказалъ, что роспускъ русскаго парламента есть актъ вѣроломный,— это дословное выраженіе органа англійскихъ биржевиковъ;—вотъ какъ люди умѣренные, не какіе-нибудь революціонеры, относятся къ отношеніямъ, какія существуютъ между русской государственной властью и народными представителями. Мы знаемъ, что правительство сумѣло обезпечить себя, какъ правилами 8-го марта прошлаго года, такъ и послѣ изданными основными законами, мы знаемъ, какъ оно сумѣло оградить себя отъ какой-либо возможности контроля со стороны народныхъ представителей. (Шумъ на правыхъ скамьяхъ. Бобринскій, обращаясь къ предсѣдателю, заявляетъ: здѣсь было оскорбленіе величества, мы не можемъ оставаться, мы уходимъ).

Предсѣдатель. Если кому-нибудь угодно уйти изъ залы засѣданія, это ему не возбраняется. Членъ Думы Алексинскій прочелъ здѣсь то, что было напечатано въ извѣстной газетѣ и своихъ комментарій къ этому не дѣлалъ (правые удаляются изъ залы; аплодисменты лѣвыхъ).

Алексинскій (продолжаетъ). Мало этого, я прочелъ цитату изъ книги, вышедшей въ гор. Петербургѣ, изданной петербургскимъ книгоиздателемъ и, вѣроятно, г-да цензора, тщательно пересмотрѣвшіе ее и болѣе опытные въ отношеніи цензированія, чѣмъ г. Пуришкевичъ,

не допустили бы, если бы увидѣли тамъ что-либо преступное. Итакъ, я говорю, что основные законы были благопріятны русскому бюджету; они защитили его самой крѣпкой броней противъ всякихъ покушеній со стороны народныхъ представителей. Мы знаемъ, что, согласно основнымъ законамъ, платежи по государственному долгу не подлежатъ сокращенію; мы знаемъ, что роспись расходовъ по министерству двора также не подлежитъ сокращенію и даже обсужденію. Мы также знаемъ, что не могутъ быть исключаемы такого рода доходы и расходы, которые внесены на основаніи дѣйствующихъ положеній о штатахъ. Мы знаемъ, что всѣ существующіе крупные расходы и доходы собираются на основаніи именно такихъ законовъ. Мы также хорошо знаемъ, что если народное представительство откажется отъ утвержденія бюджета, то ему правительство приведетъ тѣ законы, которые позволятъ ему и производить расходы за счетъ народа и совершенно игнорировать и отбрасывать въ сторону волю народнаго представительства. Мы знаемъ, что нѣкоторые чрезвычайные кредиты опредѣляются въ порядкѣ верховнаго управленія. Кредиты эти, играющіе громадную роль въ русскомъ бюджетѣ, точно также не подлежатъ вѣдѣнію представителей русскаго народа. Зная все это, мы должны сказать откровенно, что мы, члены Гос. Думы, въ дѣлѣ рѣшенія вопроса о томъ, сколько нужно брать съ народа денегъ и на что ихъ нужно тратить, мы въ этомъ отношеніи ничто иное, какъ круглый нуль. Мы должны сказать великому народу: ты послалъ насъ добиваться того, чтобы съ твоего капитала не брали такъ много, какъ теперь. Мы этого сдѣлать не можемъ, ибо имѣется бронированный бюджетъ, который рѣчами ораторовъ не будетъ, конечно, поколебленъ, который можетъ быть поколебленъ лишь дѣйствительнымъ проявленіемъ воли самого народа (аплодисменты лѣвой), мы должны сказать объ этомъ не только предъ лицомъ русскаго народа, но и предъ лицомъ всего міра, открыто и честно, ибо если бы мы скрыли это, мы бы не были народными представителями; скрывающіе истинное положеніе вещей отъ народа не имѣютъ права называться представителями этого народа! Вотъ почему я нахожу весьма крупной ошибкой то заявленіе, которое было сдѣлано представителями нашего либеральнаго центра, заявленіе, сдѣланное господами Кутлеромъ и Струве. Господиномъ Струве было указано, что бюджетъ есть поле для политической борьбы, но мы, говорилъ онъ, не смѣшиваемъ такой борьбы со случайной, не имѣющей результата, демонстраціей. Очевидно, г. Струве называетъ отказъ въ утвержденіи бюджета де-

монстраціей. Тотъ отказъ, который является нашей обязанностью, если мы не хотимъ росписаться подъ этими цифрами, представляющими собой не просто цифры, а народный потъ и кровь (Аплодисменты лѣвой). Мы должны, говоритъ Струве, дѣйствовать въ рамкахъ существующаго бюджетнаго права, но при этомъ онъ самъ сознаетъ, что на правой страницѣ бюджета есть титлы и параграфы, а съ другой стороны имѣются суммы и ассигновки, и что необходимо смотрѣть. соотвѣтствуетъ ли ассигновка тому параграфу, на основаніи котораго она помѣщена. Это ли дѣло народнаго представителя, это ли его бюджетное право?! Это иронія, пустая игра въ отправленіе бюджетныхъ обязанностей. (Аплодисменты лѣвой). Очень можетъ быть, что большинство Думы станетъ на точку зрѣнія представителей партіи народной свободы. Очень можетъ быть, что они дѣйствительно будутъ сличать титулы съ ассигновками. Очень можетъ быть, что они вполнѣ добросовѣстно это сдѣлаютъ и очень вѣроятно, что въ цѣломъ рядѣ титуловъ найдется несоотвѣтствіе съ параграфами и въ параграфахъ несоотвѣтствіе со смѣтными назначеніями. Но врядъ ли это будетъ работа продуктивная; но это будетъ максимумъ того, что можно сдѣлать, согласно словамъ Кутлера и Струве. Они указали на то, что требуется столько-то тысячъ на такое-то дѣло, что прибавку дали управляющему цензурой и еще кому-то. Но развѣ при двухмилліардномъ бюджетѣ объ этомъ приходится говорить? Развѣ народные представители могутъ утѣшаться тѣмъ, что они поймаютъ генерала-отъ-инфантеріи, получающаго на 3 тысячи болѣе, чѣмъ полагается. Развѣ въ этомъ дѣло? Дѣло въ томъ, чтобы произвести общую критику всего бюджета въ цѣломъ, произвести эту критику прямо и открыто, указать на то, что вся финансовая политика окрашивалась групповымъ характеромъ, какимъ окрашивается и внѣшняя и внутренняя политика русскаго государства, указать это передъ всѣмъ народомъ, передъ всѣмъ міромъ, передъ западно-европейскимъ капиталомъ! Исходя изъ этого, мы, соціалъ-демократы, полагаемъ, что наилучшая тактика не та, какую предлагаютъ представители партіи народной свободы — Кутлеръ и Струве. Ихъ тактика—есть желаніе заключить, хотя бы на невыгодныхъ условіяхъ, соглашеніе со старымъ порядкомъ. (Аплодисменты лѣвой). Г. Струве здѣсь говорилъ: „Мы ведемъ осаду стараго порядка“. Но развѣ осаду стараго порядка ведутъ путемъ сличенія параграфовъ со смѣтными назначеніями? Струве—человѣкъ опытный, у него долгій политическій опытъ. Онъ знаетъ, какъ хорошо бюрократія отписывается и какъ хорошо она умѣетъ при-

водить нужныя ей формальныя основанія для того, чтобы опровергнуть всѣ обвиненія, которыя возводятся на нее народомъ. Во вчерашнемъ нумерѣ кадетской газеты „Рѣчь“ съ удовольствіемъ отмѣчается, что началась серьезная критика бюджета, что эта критика встрѣтила готовность министра уступить и столковаться. Мнѣ кажется, что впечатлѣнія газеты „Рѣчь“ слишкомъ радужныя. Есть латинская пословица: „Чего мы хотимъ, въ то охотно вѣримъ“, мнѣ кажется, что гг. представители конституціонно-демократической партіи слишкомъ хотятъ уступокъ отъ правительства и видятъ ихъ даже тамъ, гдѣ имъ отвѣчаютъ рѣшительнымъ „нѣтъ“.

Министръ финансовъ заявилъ рѣшительно, что если Дума откажется отъ разсмотрѣнія бюджета, то онъ безъ нея обезпечитъ расходы, необходимые по государственному бюджету; а г-да члены партіи народной свободы находятъ въ этомъ заявленіи серьезную готовность уступить и столковаться. Мнѣ кажется, это не болѣе, какъ пріятный для представителей партіи народной свободы самообманъ, который будетъ весьма непріятнымъ обманомъ для широкихъ народныхъ массъ. (Аплодисменты лѣвой). Вотъ почему я, отъ имени соціалъ-демократической фракціи, предлагаю другую тактику. На основаніи какъ общаго характера правительственной финансовой политики, такъ и на основаніи тѣхъ бюджетныхъ правъ, которыя дѣлаютъ правительство бронированнымъ, а Думу совершенно беззащитной, нагой, я бы сказалъ смѣшной передъ этимъ бронированнымъ бюджетомъ: принимая все это во вниманіе, мы должны предложить Думѣ другую тактику: не разсмотрѣніе бюджета въ комиссіи, а его отверженіе.

Соціалъ-демократическая фракція предлагаетъ Гос. Думѣ принять слѣдующую резолюцію по вопросу о порядкѣ разсмотрѣнія росписи на 1907 г.

„Принимая во вниманіе, что

1) представленный Г. Думѣ бюджетъ является воплощеніемъ той системы государственнаго хозяйства, которая въ теченіе десятковъ лѣтъ разрушала производительныя силы страны и довела народныя массы до состоянія нищеты и хроническаго голода;

2) что подавляющая часть собираемыхъ съ народа доходовъ извлекается путемъ обложенія почти всѣхъ предметовъ широкаго народнаго потребленія, чудовищно высокими косвенными налогами и таможенными пошлинами и путемъ спаиванія населенія казенной водкой, что та-

кимъ образомъ все бремя налоговъ и платежей падаетъ на неимущіе слои городского и сельскаго населенія;

3) что расходованіе собранныхъ съ народа средствъ идетъ преимущественно на поддержаніе самодержавно-бюрократическаго порядка, на борьбу съ народомъ, поднявшимся для завоеванія свободы, и на содержаніе кучки чиновниковъ-паразитовъ, безконтрольно распоряжающихся народнымъ достояніемъ;

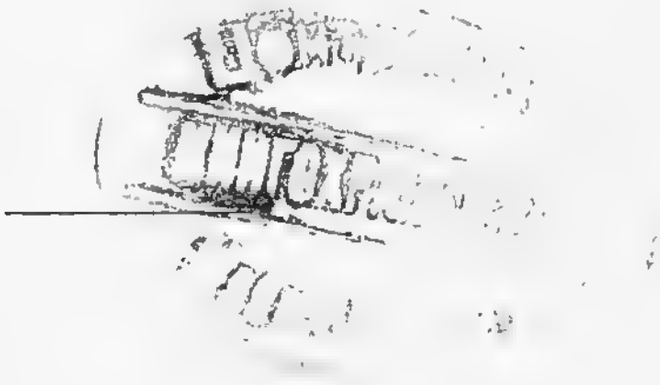
4) что правила 8 марта и основные законы лишаютъ Гос. Думу всякой возможности фактически контролировать расходованіе народныхъ средствъ и существенно измѣнить представленную роспись, что при такихъ условіяхъ, представляя ее на разсмотрѣніе Думы, правительство имѣетъ цѣлью лишь прикрыть авторитетомъ народнаго представительства свое разорительное для страны хозяйничаніе и возстановить свой кредитъ на Западѣ, чтобы получить средства для дальнѣйшей борьбы съ народомъ.

Г. Дума, не желая брать на себя отвѣтственность за финансовую политику правительства, отказываетъ въ утвержденіи росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1907 г., безъ передачи ея въ комиссію".

Граждане, путь, предлагаемый нами, наиболѣе правильный. Долженъ сказать, что у насъ, представителей соціалъ-демократической партіи, существуетъ принципіально отрицательное отношеніе къ бюджетамъ всякаго классоваго государства. Мы говоримъ, что бюджетъ того государства, которое содержитъ постоянную армію, суды и полицію для угнетенія народа, соціалъ-демократы вотировать не могутъ. Но прочитанную резолюцію мы считаемъ безусловно пріемлемою не только для соціалъ-демократовъ, но и для всѣхъ истинныхъ демократическихъ представителей народа. Эта резолюція съ отказомъ въ утвержденіи бюджета правительству безотвѣтственному, правительству, истощившему народъ правительству, представители котораго удивляясь говорятъ: „слава Богу, съ 1861 года говорятъ, что послѣдняя копейка изъ кармана народа высасывается въ казну, а копейка эта все не истощается", правительству, которое довело Россію до хроническихъ голодовокъ, охватившихъ за послѣдній годъ 33 губерніи, правительству безотвѣтственному,—эта резолюція пріемлема не только для с.-д., не только для представителей пролетаріата, но и для всѣхъ истинныхъ демократовъ, для всѣхъ представителей интересовъ обнищавшаго крестьянства. Если они этого не сдѣлаютъ, то дадутъ возможность держаться на прежней позиціи угнетенія народа небольшой кучкѣ чиновныхъ эксплуататоровъ и паразитовъ, живущихъ на счетъ на-

Московская Центральная
Публичная библиотека

рода. Отказъ въ утвержденіи бюджета является для Г. Думы священною обязанностью. Если Дума этого долга не выполнитъ, тогда результатъ будетъ печальный, какъ для народа, такъ и для самой Думы. (Аплодисменты на скамьяхъ крайней лѣвой).



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3
1. Выборы и составъ Думы. 7
2. Первыя засѣданія Г. Д. и декларація г. Столыпина. . 13
3. Между-партійныя отношенія и отвѣтъ Г. Д. на декларацію правительства 20
4. Декларація соц.-дем. фракціи 34
5. Продовольственный вопросъ 43
6. Классовая основа политическихъ партій.—Вопросъ о военно-полевыхъ судахъ въ Г. Д. 54
7. Безработица 88

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Декларація соц.-дем. фракціи. 103
II. Рѣчь деп. Алексинскаго о бюджетѣ. 106